

7343

ВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

ТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

подъ редакціей

прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. Я. Громбаха.

Д. М. Болдуинъ,

проф. философіи и психологіи въ университетъ Джонса Гопкинса.

ДУХОВНОЕ РАЗВИТІЕ

съ соціологической и этической точки зрѣнія.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ПО СОЦІАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Сочиненіе, удостоенное золотой медали Датскою Королевскою Академіей.

ПЕРЕВОДЪ съ 4-го АМЕРИКАНСКАГО ИЗДАНІЯ.

Книга II.

4506

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

подъ редакціей

прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Д. М. БОЛДУИНЪ,

проф. философіи и психологіи въ университетѣ Джонса Гопкинса.

ДУХОВНОЕ РАЗВИТІЕ

съ соціологической и этической точки зрѣнія.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ПО СОЦІАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Сочиненіе, удостоенное золотой медали Датскою Королевск. Академіей.

ПЕРЕВОДЪ съ 4-го АМЕРИКАНСКАГО ИЗДАНІЯ.

Книга II.

НБ ПНУС

7343

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

МОСКВА.

Типографія „ЗЕМЛЯ“. 1-я Мѣщанская, домъ № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть IV. Санкціи личности.

ГЛАВА IX.

Стр.

Ея личныя санкціи 1

§ 1. Санкціи влеченій—6. § 2. Низшая гедоническая санкція—11. § 3. Санкція желанія—16. § 4. Высшая гедоническая санкція—37. § 5. Санкція права—39.

ГЛАВА X.

Соціальныя санкціи личности. Соціальное противорѣчіе 51

§ 1. Естественныя санкціи—53. § 2. Педагогическія и условныя санкціи—59. § 3. Гражданскія санкціи—68. § 4. Нравственныя и религіозныя санкціи—82.

КНИГА II.

Общество.

Часть V. Личность въ дѣйствіи.

ГЛАВА XI.

Соціальныя силы 97

§ 1. Разграниченіе силъ—99. § 2. Соціальная сила, превращающая общее въ частное—104. § 3. Сила, превращающая частное въ общее—115. § 4. Соціономическія силы—125.

Часть VI. Соціальная организація.

ГЛАВА XII.

Соціальный матеріалъ и соціальный процессъ.
I. Соціальный матеріалъ 133

§ 1. Разграниченіе вопросовъ—134. § 2. Историческія теоріи—136. § 3. Матеріалъ соціальной организаціи—146. § 4. Собранія животныхъ и человѣческія общества—168.

ГЛАВА XIII.

Стр.

Соціальний матеріалъ и соціальний процесъ.

II. Соціальний процесъ 171

§ 1. Процесъ соціальної організації: подражаніє—171.

§ 2. Природа и функція подражанія—174.

ГЛАВА XIV.

Соціальний прогресъ 182

§ 1. Детерминированіє соціального прогресса — 182.

§ 2. Діалектика соціального розвитку—184. § 3. Направленіє соціального прогресса—187. § 4. Выводы относительно біологической аналогії—193.

Часть VII. Практическіе выводы.

ГЛАВА XV.

Правила поведенія 198

§ 1. Правила въ сферѣ влеченій—199. § 2. Разумныя правила—201. § 3. Нравственныя правила—206. § 4. Заключительный конфликтъ—214.

ГЛАВА XVI.

Краткій обзоръ: общество и индивидуумъ 218

Приложеніе А. Соціальная наслѣдственность и органическая эволюція 222

Приложеніе Б. Обь отборѣ 226

Приложеніе В. Космическая природа и нравственность 230

Приложеніе Г. Генезисъ общительности. 237

Приложеніе Д. Личное и соціальное чувство 241

Приложеніе Е. Антропологическія замѣтки 251

Приложеніе Ж. Сужденіе Дарвина 257

Приложеніе З. Замѣтка о Гегелѣ и о новыхъ параграфахъ, включенныхъ во второе изданіе 260

Приложеніе И. Отвѣтъ на замѣчанія критиковъ. 263

Ч А С Т Ъ IV.

Санкціи личности¹⁾.

Г л а в а IX.

Ея личныя санкціи.

230. Мы пытались прослѣдить развитіе общественной личности такимъ образомъ, чтобы получить болѣе или менѣе полное представленіе о томъ, чѣмъ она одарена въ каждомъ изъ критическихъ періодовъ своей жизни; въ нашемъ изслѣдованіи отмѣчался также, до извѣстной степени, характеръ той соціальной среды, въ которой она живетъ. Разсматривая нѣсколько болѣе объективно дѣйствія личности въ обществѣ, мы видимъ, что передъ нами встаетъ еще и другой очень важный вопросъ.

Этотъ вопросъ касается, главнымъ образомъ, самой личности и обнаруживаемаго ею предрасположенія къ тому, чтобы принимать условія соціальной жизни и жить въ качествѣ хорошаго или дурного члена общества. Въ дѣйствительности мы находимъ, что человѣкъ обыкновенно принимаетъ вещи такими, каковы онѣ есть. Философы пытались доказывать, что онъ не долженъ этого дѣлать; что его жизнь не стоить того, чтобы жить; что

¹⁾ По поводу общаго вопроса о «санкціяхъ», разсматриваемыхъ въ ихъ соціальномъ значеніи, отсылаю читателя къ «теоріи соціальныхъ мотивовъ», изложенной въ книгѣ Stephen Science of Ethics, гл. III, а также къ книгѣ Милля, Утилитаризмъ, гл. III. Различіе, проводимое Миллемъ между «внутренними» и «внѣшними» санкціями, можно согласовать съ различіемъ между «личными» и «соціальными» санкціями, которое проводится въ настоящей книгѣ. См. статью „Sanction“ въ моемъ Dictionary of Philos. and Psych.

судьба его въ его собственныхъ рукахъ; и что по меньшей мѣрѣ открытымъ остается для каждого вопросъ о томъ, желаетъ ли онъ войти въ число гражданъ или добровольно исключить себя, когда достигаетъ зрѣлости и приходитъ къ разумному взгляду на ту людскую суету, которая называется жизнью. Но, какъ я сказалъ, люди обыкновенно не исключаютъ себя, хотя средства для самоуничтоженія всегда имѣются у нихъ подъ рукою. Таковъ фактъ, а для факта должны существовать основанія, которыя такъ или иначе побуждаютъ человѣка сохранять свою жизнь и свое социальное мѣсто. Нѣсколько поразмысливъ, мы увидимъ, что основанія эти распадутся на двѣ общихъ группы, смотря по тому, встанемъ ли мы на точку зрѣнія отдѣльнаго человѣка или на точку зрѣнія общества, взятаго въ цѣломъ. Если мы назовемъ «санкціями» всѣ основанія, которыя въ дѣйствительности вліяютъ на человѣка, побуждая его работать и брать на себя различныя роли въ драмѣ жизни, то эти санкціи надо будетъ, повидимому, разбить на двѣ главныхъ группы.

1) Мы можемъ пытаться выяснитъ тѣ основанія, которыя человѣкъ самъ приводитъ себѣ, объекты, къ которымъ онъ сознательно стремится, цѣли жизни, которыя онъ привыкъ преслѣдовать, его собственные санкціи для тѣхъ видовъ дѣятельности, которымъ онъ отдается. Назовемъ для удобства изложенія эти санкціи его «личными санкціями» и поставимъ вопросъ: каковы личныя санкціи?

2) Другая группа вліяній, дѣйствующихъ на отдѣльнаго человѣка и заставляющихъ его сообразоваться съ требованіями жизни,—это вліянія социальныя, которыхъ онъ самъ сознательно не принимаетъ въ расчетъ и въ которыхъ не пытается разобраться. Это—факторы которые въ извѣстной степени (по крайней мѣрѣ, мы можемъ такъ выразиться вначалѣ ради цѣлей разграниченія) лежатъ внѣ его мышленія и внѣ его власти, но которые онъ на дѣлѣ признаетъ просто потому, что они имѣются налицо. Таковы, на примѣръ, гражданскіе законы. Эти

вліянія мы назовемъ «соціальными санкціями» и поставимъ вопросъ: каковы соціальныя санкціи?

Помимо этихъ двухъ важныхъ вопросовъ есть еще третій, наиболѣе важный, вытекающій изъ первыхъ двухъ; это—вопросъ о томъ, въ какомъ соотношеніи другъ съ другомъ находятся указанные два вида санкцій, и какимъ образомъ подъ вліяніемъ ихъ обоихъ человекъ начинаетъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ личныя санкціи.

231. Мы уже достаточно ознакомились теперь съ тѣмъ, какъ совершается процессъ развитія въ духовной жизни, чтобы прійти къ мысли, что понятіе санкціи можетъ имѣть общее примѣненіе только въ томъ случаѣ, если оно настолько широко, что, вставъ на представляемую имъ точку зрѣнія, мы будемъ въ состояніи охарактеризовать каждый изъ главныхъ періодовъ въ духовной эволюціи индивидуума. Шестилѣтній ребенокъ, какъ и шестнадцатилѣтній юноша, какъ и шестидесятилѣтній старикъ, долженъ имѣть какія-либо санкціи для своихъ дѣйствій. Представленіе о санкціи должно развиваться (если санкція—нѣчто реальное), какъ развивается духовная жизнь, къ которой оно относится. То обстоятельство, что этому разграниченію не удѣлялось вниманія, послужило, повидимому, источникомъ многихъ ошибочныхъ взглядовъ, какіе можно найти въ сочиненіяхъ Гоббса, Конта и Томаса Хилля Грина. Они имѣли тенденцію придавать понятію санкціи только то значеніе, которое ему принадлежитъ на высшихъ ступеняхъ умственной жизни, разумѣя подъ санкціями либо разумные мотивы индивидуума, либо опредѣленно сформулированныя постановленія и кары въ соціальной жизни.

Такъ, многіе авторы привыкли понимать подъ санкціями человека его собственное сознательное оправданіе, тѣ основанія, которыя онъ самъ приводитъ себѣ въ болѣе или менѣе ясной формулировкѣ въ пользу намѣчаемыхъ имъ цѣлей; эти авторы не считали, что самый фактъ намѣчанія цѣли служить своею собственной санкціей.

Затрудненіе, возникающее при такомъ взглядѣ, состоитъ въ томъ, что благодаря слишкомъ узкому опредѣленію устанавливаются искусственныя границы. Теорія политической жизни терпѣла отъ этого ущербъ точно такъ же, какъ теорія этики терпѣла ущербъ отъ узкаго опредѣленія, которое давалось слову «мотивъ». Когда выше мы разбирали вопросъ о цѣляхъ, мы видѣли, какимъ образомъ представленіе о душѣ, какъ о чемъ-то, что развивается и никогда не утрачиваетъ своей связи съ жизнью физическаго организма, приводитъ насъ къ дальнѣйшей мысли—именно, что духовное развитіе никогда не совершается скачками. Чѣмъ болѣе широкими мы сумѣемъ сдѣлать всѣ свои понятія о душевной жизни, въ чѣмъ большей степени мы станемъ относить ихъ ко всей исторіи рода, тѣмъ правильнѣе они будутъ, и тѣмъ менѣе затрудненій они будутъ представлять для насъ. Біологи уже давно сознали необходимость такой постановки въ проблемахъ эволюціи. Настаивая, что и здѣсь правильно поступать такъ же, и предоставляя будущимъ результатамъ оправдать предложенное ниже словоупотребленіе, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, какія именно вліянія дѣйствуютъ въ качествѣ санкцій на душу человѣка на послѣдовательныхъ ступеняхъ его развитія. Выводы, пожалуй, лучше покажутъ, чѣмъ могли бы здѣсь показать слова, что основанія, которыя индивидуумъ указываетъ для своихъ дѣйствій, совсѣмъ не всегда совпадаютъ по своей формулировкѣ съ фактическими основаніями; и что самое разграниченіе его способности и его неспособности формулировать свои основанія является существеннымъ разграниченіемъ въ сферѣ его личнаго и соціальнаго развитія. Иначе говоря, дѣло здѣсь касается не только опредѣленія, но и самого содержанія того, что опредѣляется. Поэтому на нижеслѣдующихъ страницахъ предложенный нами терминъ будетъ употребляться въ слѣдующемъ значеніи: санкція, это—всякое основаніе, достаточное для того, чтобы вызвать опредѣленное дѣйствіе,—безразлично,

сознаетъ ли дѣйствующее лицо, или нѣтъ, въ чемъ именно заключается основаніе получающагося дѣйствія. Напримѣръ, санкціей бессмысленныхъ криковъ сумасшедшаго служить разстройство его умственныхъ способностей, хотя самъ онъ считаетъ себя здоровымъ; а расчеты, которые дѣлаетъ воръ, санкціонируются ожидаемою имъ наградой. Привожу эти два примѣра въ качествѣ крайнихъ образчиковъ, чтобы показать, въ какихъ предѣлахъ я намѣренъ употреблять слово «санкція».

232. Когда мы, послѣ столь обширнаго введенія, окидываемъ бѣглымъ взглядомъ подробности духовнаго развитія, извѣстныя вѣхи, которыхъ мы привыкли искать, встаютъ передъ нами и облегчаютъ лежащій передъ нами путь. Мы уже имѣли много доказательствъ, и теоретическихъ, и практическихъ, того положенія, что, по меньшей мѣрѣ, три главныхъ періода человѣческой жизни послѣдовательно развертываются въ каждомъ развивающемся ребенкѣ; я назвалъ ихъ періодомъ самопроизвольности, періодомъ интеллектуальнымъ, и періодомъ идеальнымъ или нравственнымъ¹⁾. Напомнимъ, что такой пріемъ при разсмотрѣніи періодовъ личнаго развитія явился не условнымъ пріемомъ и не теоретическимъ построеніемъ, а вызывался фактически наблюдающимися степенями духовнаго прогресса ребенка, которыя въ дѣйствительности столь ясно отличаются другъ отъ друга, что ихъ нельзя не замѣтить.

Въ качествѣ примѣровъ по вопросу о санкціяхъ укажемъ три дѣйствія: крикъ двухлѣтняго ребенка (или собаки), вызываемый потребностью въ пищу; бѣгство пятилѣтняго ребенка съ цѣлью избѣгнуть наказанія за ложь; поступокъ монахини, говорящей о ея привязан-

¹⁾ Разсматривая эмоціи, мы нашли первый «инстинктивный» періодъ, а затѣмъ говорили совмѣстно объ интеллектуальномъ и нравственномъ періодахъ. Здѣсь намъ нѣтъ надобности разграничивать два періода, которые были названы періодами «инстинктивности» и «самопроизвольности».

ности къ утѣшеніямъ религіи. Я не хочу сказать, что эти типическія душевныя состоянія отличаются другъ отъ друга только по внѣшности; не отрицаю и того, что различія между ними могутъ быть различно объяснены разными компетентными судьями; я только хочу сказать, что, съ точки зрѣнія развитія, первое изъ указанныхъ мною дѣйствующихъ лицъ не могло бы съ основаніемъ—т.-е. съ какою-либо санкціей, исходящей отъ него самого,—выполнить поступка второго лица, какъ второе не могло бы выполнить поступка третьяго лица. Нѣтъ нужды въ исчерпывающемъ разборѣ всѣхъ основаній, которыми обусловливаются различія; но реальное основаніе, обнимающее всѣ остальные, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что у дѣйствующаго лица развивается представленіе о собственномъ личномъ «я».

Такимъ образомъ, допуская, что ранѣе данныя нами характеристики, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени правильны, мы должны ожидать, что найдемъ три главныхъ группы основаній для дѣйствій, соотвѣтствующія указаннымъ періодамъ,—три главныхъ вида личныхъ санкцій для поведенія; ихъ можно назвать, по аналогіи съ періодами, когда онѣ появляются, санкціями влеченій, санкціями желаній и санкціями справедливости.

§ 1. Санкціи влеченій.

233. Намъ нѣтъ необходимости долго останавливаться на этой низшей изъ всѣхъ категорій человѣческихъ дѣйствій, особенно въ виду того, что такія дѣйствія въ чистой формѣ совершаются только въ дѣтской и въ исправительныхъ заведеніяхъ. У ребенка влеченія проявляются всего сильнѣе. Здѣсь они не осложняютсястроенными высшими способностями, какъ у душевнобольного, не нарушаются благодаря вмѣшательству высшихъ способностей, какъ у здороваго человѣка въ старшемъ возрастѣ, не сдерживаются тѣми факторами, которыми обусловливается вліяніе общества въ позднѣйшемъ періодѣ. Мы забавляемся невинными влеченіями

ребенка, мы оберегаемъ его, чтобы онъ не игралъ такими вещами, которыя могутъ причинить ему вредъ, и даемъ ему всякія привилегіи въ виду его чрезвычайной молодости. Это терпимое отношеніе къ влеченіямъ, когда они представляютъ собою все, чѣмъ въ данное время одарено обнаруживающее ихъ существо, само служить ихъ обладателю достаточной гарантіей для его довѣрія къ собственной санкціи. Естественность и нормальность—вотъ въ чемъ его собственная санкція, а поскольку это не такъ, мы заставляемъ ее обнаружить свою несостоятельность. На такихъ же основаніяхъ мы терпимъ животныхъ около себя. Мы не стараемся вывести ихъ изъ тѣхъ формъ жизни, въ которыхъ, на нашъ взглядъ, очень низменнымъ и несовершеннымъ образомъ осуществляются представляемая жизнью возможности. Слабоумныхъ и душевно-больныхъ, влеченія которыхъ усиливаются въ опасныхъ направленіяхъ, мы, правда, изолируемъ, но не ради нихъ, а ради самихъ себя. Но если бы всѣ мы стояли на такомъ уровнѣ, какъ они, если бы всѣ мы были дѣтьми одинаковаго возраста, или животными, принадлежащими къ одной стаѣ, или сумасшедшими съ однимъ и тѣмъ же душевнымъ дефектомъ, тогда даже такое ограниченіе влеченій было бы невозможно.

Но когда мы зададимся вопросомъ, каковы основанія того, что такія импульсивныя дѣйствія, не будучи осложняемы высшими процессами, носятъ, повидимому, въ самихъ себѣ свою санкцію,—мы видимъ, что эти основанія намъ надо еще отыскать. Здѣсь дѣло сводится, по существу, къ біологическому и психологическому вопросу о томъ, для чего служатъ влеченія. Даже самыя слѣпыя, совершенно непреднамѣренныя дѣйствія имѣютъ извѣстный смыслъ въ схемѣ жизни, которая, хотя бы очень смутно, отражается въ сознаніи дѣйствующаго существа; а какъ богатъ можетъ быть этотъ смыслъ, несмотря на то, что дѣйствія остаются слѣпыми, это можно видѣть по продуктамъ инстинктивныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ, съ во-

просомъ о санкціи здѣсь связывается и вопросъ о назначеніи, какое должны исполнять въ жизни данныя дѣйствія. И это тѣмъ болѣе важно, что эта низшая санкція, въ которой выражается просто общая телеологія жизненныхъ процессовъ, взятыхъ въ цѣломъ, какъ мы увидимъ ниже, никогда не утрачивается окончательно своей силы и на высшихъ ступеняхъ развитія. Она, въ сущности, перемѣщается, видоизмѣняется, задерживается и въ большей мѣрѣ прикрывается въ позднѣйшей жизни ребенка, когда послѣдняя обогащается хотѣніемъ, мыслями, чувствованіями; но чело-вѣкъ никогда не перестаетъ быть, при всемъ томъ, въ нѣкоторой степени импульсивнымъ существомъ, дѣйствующимъ благодаря тому біологическому механизму, который является общимъ у него съ младенцемъ и животнымъ.

Итакъ, приступая къ разсмотрѣнію смысла и основанія влеченій ребенка на этой первой стадіи, мы можемъ воспользоваться одною изъ новыхъ психологическихъ формулъ, которая ставитъ вопросъ на общую почву. Въ настоящее время почти всѣми принимается теорія, согласно которой всѣ виды двигательной дѣятельности возникли путемъ приспособляванія къ окружающей средѣ, т.-е. благодаря тому, что представляли собою подходящія реакціи на получаемыя раздраженія. Двигательные процессы закрѣпляются у индивидуума благодаря повторенію или тому, что равнозначаетъ повторенію; а повтореніе обеспечивается наклонностями организма къ тому, чтобы у него создавалась привычка выполнять все снова и снова тѣ дѣйствія, которыя оказались полезными для сохраненія жизни. Мы можемъ допустить, что въ исторіи вида такія дѣйствія закрѣпляются благодаря естественному отбору. Слѣдовательно, можно сразу выставить общее положеніе, что всякая форма дѣйствія, которую обнаруживаетъ обычно какое-нибудь существо, должна быть направлена на болѣе или менѣе опредѣленную группу чувственныхъ условій или раздраженій, получаемыхъ отъ окружающей

среды и являющихся надлежащимъ толчкомъ къ выполнению данныхъ дѣйствій. Обобщая это положеніе, мы можемъ сказать, что смыслъ и цѣнность отдѣльнаго дѣйствія заключается въ томъ раздраженіи, дать и обезпечить которое—назначеніе этого дѣйствія. И потому санкція (если мы допустимъ здѣсь употребленіе этого термина) на этой ранней стадіи развитія заключается въ объективныхъ условіяхъ, при которыхъ выполняется дѣйствіе организма; такъ дѣло обстоитъ въ силу двухъ основаній. Во-первыхъ, именно путемъ приспособляванія къ даннымъ условіямъ всякое отдѣльное дѣйствіе стало такимъ, каково оно есть, и дифференцировалось отъ другихъ дѣйствій; и только въ виду такой дифференцировки и на основаніи ея мы вообще можемъ поставить вопросъ о санкціи той или иной отдѣльной реакціи. Во-вторыхъ, будущія приспособляванія, прогрессъ и самая жизнь организма имѣютъ своей основою преемственность раздраженій, которая обезпечивается только его реакціями. Поэтому является, такъ сказать, и ретроспективно, и проспективно обоснованною мысль, что біологической санкціей реакціи служитъ благотворное переживаніе, которое получается, продолжается и становится постоянно доступнымъ благодаря данной реакціи.

Но очевидно, что эта санкція не имѣется въ душѣ организма или даже ребенка. Поставимъ ли мы вопросъ о томъ, почему онъ реагируетъ или почему онъ думаетъ опредѣленнымъ образомъ,—во всякомъ случаѣ его умъ не поглощенъ біологическою и психологическою цѣнностью его дѣйствія. На самой низкой стадіи—стадіи чистаго влеченія,—когда вопросъ касается только того, какими элементами дѣтской психики обусловлено то или иное дѣйствіе, умъ ребенка совершенно объективенъ. Объектъ, находящійся передъ нимъ, вполне поглощаетъ его сознаніе; ребенокъ ничего не думаетъ относительно предмета, а просто думаетъ самый предметъ. Его дѣйствіе совершается по путямъ врожденныхъ наклонностей и направлено прямо на данный предметъ.

Такимъ образомъ, послѣдній и служить оправданіемъ его поступковъ. Все въ его умѣ такъ просто, что невозможно сдѣлать изъ этого что-нибудь сложное. Онъ дѣйствуетъ потому, что такова его природа,—вотъ его единственное и достаточное основаніе. Если мы спросимъ его, почему онъ поступилъ именно такъ, какъ поступилъ, онъ отвѣчаетъ: «Не знаю» или «Я не могъ иначе». И мы говоримъ то же самое, когда смотримъ на ребенка или на взрослого человѣка, отличающагося слабымъ умомъ или чрезмѣрно сильными влеченіями.

234. Эти два способа, какими можно разсматривать данныя явленія, слѣдуетъ ради большей ясности разграничивать въ послѣдующіе періоды развитія, когда они получаютъ нѣкоторое значеніе. Назовемъ первый способъ—біологическія или психологическія основанія для дѣйствія, которыя мы въ состояніи выяснитъ съ помощью нашей теоріи развитія, но которыхъ самъ ребенокъ совершенно не знаетъ, — о б ъ е к т и в н о ю санкціей; тогда тѣ основанія, которыя дѣйствующее лицо само себѣ приводитъ, мы можемъ назвать с у б ъ е к т и в н о ю санкціей. Это разграниченіе авторы, пишущіе объ этикѣ, должны соблюдать въ своей теоріи цѣлей, — теоріи, съ которою настоящая наша тема имѣетъ много общаго. Имѣя въ виду сдѣланныя нами выше указанія относительно положенія вещей въ періодъ импульсивности, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что санкции въ этомъ періодѣ бываютъ двоякаго рода: объективная санкція, являющаяся санкціей факто в ѣ или теоріи, и субъективная санкція, являющаяся санкціей н е о б х о д и м о с т и. Санкція фактовъ или теоріи въ области всѣхъ біологическихъ явленій, это при современномъ состояніи нашихъ біологическихъ знаній—то, что иногда называютъ санкціей приспособленности или санкціей переживанія¹⁾).

¹⁾ Очевидно, что «приспособленность» относится какъ къ функциямъ индивидуума, такъ и къ родовымъ качествамъ, которыя сохраняются; а если мы признаемъ, что дѣйствія индивидуума также

Санкція же необходимости является въ равной мѣрѣ послѣднею съ психической точки зрѣнія, такъ какъ она представляетъ собою заключительный психологическій фактъ — начальную форму дѣятельности, которая сопровождается сознаніемъ.

И потому, послѣ этихъ объясненій мы можемъ сказать, что здѣсь передъ нами два способа разсмотрѣнія вопроса. Оба они всего проще именно на этой стадіи духовнаго развитія. И мы можемъ говорить о нихъ въ самыхъ простыхъ, общепонятныхъ выраженіяхъ въ нижеслѣдующихъ своихъ разсужденіяхъ. Психологическую санкцію, которая обыкновенно вполнѣ правильно характеризуется словомъ «необходимость», мы будемъ называть «санкціей влеченія». Такое обозначеніе ясно указываетъ, что здѣсь имѣется въ виду, и оно будетъ вполнѣ понятно психологамъ. Другой видъ санкціи можно всего лучше обозначить—оставляя въ сторонѣ біологическую и философскую теорію — словами «санкція фактовъ».

Прослѣживая развитіе «личной» санкціи (такъ мы обозначили основанія самого индивидуума для дѣйствования, въ противоположность основаніямъ, вытекающимъ изъ соціальной организаціи), мы будемъ имѣть мало дѣла съ подлинною «санкціей фактовъ»; дальнѣйшее развитіе душевной жизни личности представляетъ собою, главнымъ образомъ, процессъ эволюціи, совершающейся подъ дѣйствіемъ «санкціи влеченія».

§ 2. Низшая гедоническая санкція.

235. Даже въ импульсивной жизни мы встрѣчаемся съ великими фактами удовольствія и страданія,—фактами, которыхъ не можетъ оставлять безъ вниманія ни одна теорія. Какъ бы мы ни были склонны обсуждать вопросъ о томъ, какое мѣсто принадлежитъ этимъ фак-

отбираются благодаря „функциональному отбору“ изъ числа избыточныхъ движеній, тогда провѣрка, заключающаяся въ «переживаніи», будетъ относиться и къ нимъ. Ср. «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», гл. VII, § 2.

тамъ въ психологической теоріи, мы можемъ для настоящей нашей цѣли (пользуясь только что проведеннымъ разграниченіемъ) разсматривать эти состоянія просто въ качествѣ элементовъ сознанія, оказывающихъ извѣстное вліяніе на дѣйствія. И объединяя оба эти элемента, удовольствіе и страданіе, подъ общимъ выраженіемъ «гедоническое сознаніе», мы можемъ сказать, что первое отклоненіе отъ простой санкціи влеченія, какое мы въ состояніи подмѣтитъ у ребенка, это—отклоненіе въ сторону того, что можно назвать «гедонической санкціей». Ребенокъ очень рано начинаетъ поступать, сообразуясь съ гедоническимъ свойствомъ своихъ переживаній. Онъ уже не принимаетъ всѣхъ влеченій по ихъ видимой цѣнности и не придаетъ имъ всѣмъ одинаковой цѣнности. Его переживанія удивительно окрашиваются страданіемъ и удивительно освѣщаются удовольствіемъ. У него создаются быстрыя ассоціаціи между дѣйствіями и ихъ послѣдствіями для душевной жизни; а гдѣ ассоціація—слишкомъ долгій процессъ, чтобы дожидаться его конца, тамъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ, наводящихъ на мысль о страданіи или удовольствіи, бываетъ достаточно, чтобы предостерегать ребенка, подстрекать или наставлять его. Все это настолько общепризнано съ фактической стороны (мы не касаемся теорій, объясняющихъ эти факты), что мы можемъ просто констатировать указанные факты, не опасаясь вызвать какіе-нибудь споры.

Непосредственнымъ результатомъ этого внесенія гедоническаго элемента въ переживанія является видоизмѣненіе влеченія, и при томъ не только въ томъ смыслѣ, что нарушается чистота перехода влеченія въ дѣйствіе; измѣняется и форма самого влеченія. Гедоническій элементъ не слѣдуетъ за дѣйствіемъ просто въ качествѣ его результата; благодаря упомянутымъ процессамъ ассоціаціи и внушенія онъ соединяется съ тѣми раздраженіями, на которыя организму приходится реагировать. Раздраженіе, получаемое отъ какого-либо предмета, становится раздраженіемъ отъ предмета,

доставляющаго удовольствіе или причиняющаго страданіе. Теперь реакція выражаетъ собою не отношеніе только къ самому предмету, а отношеніе ко всему источнику даннаго раздраженія, включая и гедоническое свойство, приобрѣтенное предметомъ. Такимъ образомъ, теперь предметъ иначе вызываетъ реакцію; ребенокъ теперь ясно сознаетъ пріятную или непріятную сторону вещей, съ которыми имѣетъ дѣло,—иногда даже больше сознаетъ именно эту сторону, чѣмъ элементы воспріятія, которые раньше только и занимали его сознаніе.

Благодаря этому мы замѣчаемъ, что у него развивается очень рѣзко выраженное и тонкое чувство, говорящее ему о цѣнности вещей и событій съ ихъ гедонической стороны. Это—прогрессъ по сравненію съ простымъ сознаніемъ влеченій, которое мы охарактеризовали—правда, болѣе или менѣе искусственно—на предшествующихъ страницахъ. И его мы должны признать, переходя къ дальнѣйшему разсмотрѣнію личныхъ санкцій ребенка.

236. Этого первоначальнаго вліянія удовольствія и страданія не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ любовью къ удовольствію и страхомъ страданія; послѣднее — гораздо сложнѣе и позднѣе появляется. На той стадіи, о которой мы сейчасъ говоримъ, вліяніе удовольствія или страданія еще не обособлено отъ вліянія самого предмета, на который ребенокъ реагируетъ. Наоборотъ, оно—часть, извѣстная сторона самого предмета. При всякой настоятельности все положеніе, взятое въ цѣломъ, побуждаетъ ребенка къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ. Онъ не взвѣшиваетъ отдѣльно предметъ и страданіе и не производитъ выбора между ними. Онъ принимаетъ такое отношеніе, которое соотвѣтствуетъ всему положенію, взятому въ цѣломъ. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возможное страданіе явно противостоитъ остальнымъ элементамъ даннаго положенія, побуждающаго дѣйствовать, и толкаетъ ребенка въ противоположномъ направленіи,—

даже тогда онъ не представляетъ себѣ собственно самого страданія, какъ основанія для того, чтобы дѣйствовать или воздержаться отъ дѣйствія; даже здѣсь его колебаніе обусловлено, мнѣ кажется, тѣмъ фактомъ, что какой-нибудь новый предметъ съ иною гедонической окраскою появляется на сценѣ и противостоитъ первому предмету; въ ребенкѣ происходитъ тогда столкновеніе влеченій, изъ которыхъ одно по преимуществу отождествляется съ причиною или событіемъ, носящимъ яркую гедоническую окраску. Тѣ случаи, когда ребенокъ разумно стремится къ удовольствію и избѣгаетъ страданія, подлежатъ позднѣйшей санкціи желанія.

237. Я полагаю, поэтому, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что индивидуумъ иногда оказывается въ такомъ положеніи, при которомъ санкція влеченія осложняется дальнѣйшею гедоническою санкціей. Результатомъ этого является задержка чисто импульсивнаго дѣйствія. Гедоническая санкція замѣняетъ собою и уничтожаетъ санкцію влеченія. Ребенокъ тянется къ огню подъ вліяніемъ влеченія; послѣднее само по себѣ, помимо опыта, является достаточною санкціей для дѣйствія; но боль отъ ожога въ слѣдующій разъ составляетъ уже часть самого раздраженія, представляемаго огнемъ; и теперь новая санкція боли задерживаетъ движеніе. Такъ обстоитъ дѣло въ продолженіе всей жизни, поскольку въ ней играютъ роль удовольствіе и страданія. Ограничимся замѣчаніемъ, что сказаннаго достаточно для теоріи санкцій на этой стадіи, какъ бы далеки мы еще ни были при этомъ отъ удовлетворительной теоріи реакцій, связанныхъ съ удовольствіемъ и страданіемъ. Разумѣется, открытымъ остается вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ импульсивны сами реакціи на удовольствіе и страданіе, и отвѣтить на этотъ вопросъ должна была бы какая-нибудь теорія съ психологической точки зрѣнія. Здѣсь же намъ именно надо избѣгать этихъ психологическихъ вопросовъ, и задача наша состоитъ только въ томъ, чтобы ясно указать, какія стадіи проходить, въ дѣйствительности, ребенокъ въ своемъ развитіи,

прежде чѣмъ онъ начинаетъ ясно сознать основанія своихъ поступковъ.

«Гедоническая санкція», о которой мы говорили, играетъ роль не только въ жизни маленькаго ребенка. Напротивъ, она—главная черта той части жизни насъ всѣхъ, которая проходитъ безъ размышленія. Мы говоримъ человѣку, у котораго жестокая зубная боль, что онъ можетъ и не соблюдать правилъ вѣжливости, принятыхъ въ обществѣ; его боль служить санкціей для всякой грубости, которую случается услышать тому, кто, къ несчастью, съ нимъ встрѣтится. Мы прощаемъ человѣку, получившему наслѣдство, если онъ выражаетъ свои чувства такъ, что надоѣдаетъ сосѣдямъ. Шумъ и крики извиняются во время патріотической демонстраціи: ихъ санкціей служить возвышенное чувствоваіе. Нѣкоторые болѣе тонкіе процессы сочувствія и молчаливаго оправданія въ обществѣ—напримѣръ, посылка цвѣтовъ осужденнымъ преступникамъ или преклоненіе передъ счастливымъ игрокомъ и т. д.—какъ-будто отражаютъ имѣющееся у иныхъ людей чувство, что безнадежное или блестящее гедоническое состояніе является, въ извѣстной степени, своею собственной санкціей. Это вѣрно въ большей мѣрѣ, если мы въ состояніи въ то же время свести данное положеніе, какъ оно рисуется уму дѣйствующаго лица, къ такой формѣ, которая исключаетъ у него всѣ элементы, болѣе или менѣе опредѣляемые разсудкомъ и чувствительностью. Очень трудно наказать мальчика, который совершаетъ дерзкое преступленіе, начитавшись криминальной литературы; ибо мы чувствуемъ, что высшіе элементы натуры мальчика, еще столь незрѣлой, соединились въ томъ гедоническомъ состояніи, которое рисовалось ему въ случаѣ успѣха. Въ патологической сферѣ выраженіе «помѣшался отъ горя или отъ страха» показываетъ, что страданіе или наслажденіе можетъ санкціонировать почти всякое поведеніе, уничтожая въ данное время всѣ высшія задержки, обычно устанавливаемыя разсудкомъ и нравственностью.

§ 3. Санкція желанія.

238. Слѣдующій періодъ жизни ребенка мы на періодомъ интеллектуальнымъ. Намъ нѣтъ нужды навливать, чтобы прослѣдить развитіе ребенка на стадіи его успѣховъ, такъ какъ на основаніи раніе полненнаго анализа мы можемъ сдѣлать нѣколько предположенія о томъ, какъ совершается это раз- Характерныя черты этого періода, отличающія его предыдущаго періода самопроизвольности, также были нами описаны. Здѣсь остается только подвер- нѣсколько болѣе детальному анализу тѣ основанія торыя побуждаютъ ребенка къ дѣйствіямъ въ э- важномъ періодѣ его успѣховъ, и рассмотримъ, в- комъ отношеніи эти основанія стоятъ къ преж- формамъ его личной санкціи.

Слово «желаніе» выражаетъ существенную сто- разсудительнаго дѣйствованія какъ въ обыде- рѣчи, такъ и въ психологической наукѣ. Въ обыде- рѣчи разсудительное дѣйствіе, это—такое дѣйствіе, которомъ обнаруживается предвидѣніе. На языкѣ пс- логиі это—дѣйствіе, направленное къ извѣстной и Въ обоихъ случаяхъ суть этого выраженія заключа- въ разграниченіи, которое здѣсь проводится между- кимъ дѣйствіемъ и дѣйствіемъ, не свидѣтельствующ- о предвидѣніи или о томъ, что имѣется въ виду ка- либо цѣль. О природѣ этой цѣли мы говорили ми- ходомъ выше, и тамъ мы видѣли разницу между- стымъ внушеннымъ или импѣльсивнымъ дѣйствіемъ, правленнымъ исключительно къ источнику раздра- даннаго момента, и такимъ дѣйствіемъ, при котор- предусматривается нѣчто болѣе или менѣе удаленно- пространствѣ и времени. Такимъ образомъ, когда- спрашиваемъ, какова санкція для дѣйствій, которыя- называемъ разсудительными, намъ приходится по- вить вопросъ о томъ, какъ наличность болѣе или ме- отдаленной цѣли усложняетъ сознаніе дѣйствія.

239. Обращаясь къ фактамъ, мы видимъ, что и здѣ-

опять-таки, возможны два случая, которые надо тщательно различать. Во-первыхъ, есть дѣйствія, все еще носящія импульсивный характеръ; во-вторыхъ, есть дѣйствія гедонического типа (такъ мы обозначимъ дѣйствія, на которыя вліяетъ наличность гедонической окраски, какую мы уже описали); но тѣ и другія теперь стоятъ на болѣе высокомъ уровнѣ, именно—на уровнѣ желанія.

Въ одномъ случаѣ простое представленіе о цѣли или о предметѣ вызываетъ желаніе достигнуть этого предмета или этой цѣли. Такое желаніе мы назовемъ «самопроизвольнымъ». Оно сравнительно сложно и возникаетъ послѣ большаго или меньшаго обдумыванія возможныхъ дѣйствій; дѣйствующее лицо производитъ по своей волѣ выборъ той цѣли или того представленія, которыя оно намѣрено осуществить. Но общей чертою такого желанія и влеченія является то, что энергія осуществленія здѣсь направлена на объективную цѣль—вещь или событіе. При низшихъ формахъ желанія объектъ стоитъ на первомъ планѣ и заполняетъ собою сознание. Здѣсь очень мало думаютъ о самомъ себѣ, объ отдаленной цѣли, къ которой надо стремиться, о распознаваніи и выборѣ средствъ, о желательныхъ или нежелательныхъ послѣдствіяхъ. Ребенокъ обращается лицомъ къ какому-нибудь объекту, къ какой-нибудь вещи и предоставляетъ дѣйствіямъ, необходимымъ для достиженія этого объекта, идти своимъ чередомъ; и они выполняются, въ очень значительной мѣрѣ, тѣмъ же импульсивнымъ и полуавтоматическимъ путемъ, который характеренъ для періода влеченій. Какъ и ранѣе, санкція цѣликомъ или почти цѣликомъ заключается въ неизбѣжности влеченія и внушенія, но теперь они болѣе сложны.

240. Вскорѣ, однако, мы замѣчаемъ перемѣну въ дѣтскомъ сознаніи, наступающую съ развитіемъ размышленія. Мы видѣли, что это развитіе наиболѣе пышно и нормально совершается у ребенка въ отношеніи его собственнаго «я», его представленія о самомъ себѣ.

когда онъ начинаетъ противопоставлять свое «я» чужому «я»—«я» товарищей или родителей. Это развитіе такъ всеобъемлюще, что по сравненію съ нимъ другія стороны жизни ребенка въ возрастѣ приблизительно отъ второго до пятого года кажутся маловажными. Это развитіе, ведущее къ образованію полной личности, обнаруживается въ «обдуманномъ» желаніи.

Чтобы не распространяться, скажемъ, что въ «обдуманномъ» желаніи есть возрастающая тенденція включать представленіе о собственномъ «я». Медленно развивающееся синтетическое представленіе о собственномъ «я» противопоставляется частичнымъ даннымъ опыта, цѣлое—отдѣльнымъ частямъ, и подобно тому какъ синтетическое представленіе о собственномъ «я» уже сдѣлалось тѣмъ, что оно есть, благодаря усвоенію и ассимилированію новыхъ элементовъ опыта, такъ и этотъ процессъ понемногу становится полнымъ и многообъемлющимъ. Степень успѣховъ, достигнутыхъ въ прошломъ, отражается въ отношеніяхъ къ будущимъ событіямъ. Распознаваніе значенія событій обусловлено дѣятельностью наклонностей къ ассимилированію, которыя создались благодаря прежнимъ синтезамъ. Гедоническая окраска прежнихъ переживаній опредѣлялась степенью приноровленности или неприноровленности отдѣльных переживаній къ потребностямъ личнаго развитія; утвержденіе приноровленнаго и отверженіе неприноровленнаго—вотъ въ чемъ источникъ двоякой формы желанія. Такимъ образомъ, теперь въ сознаніи возникаетъ у ребенка тенденція обдумывать, взвѣшивать и новое, и старое съ помощью мѣрилъ, даваемыхъ представленіемъ о собственномъ «я». Могу ли я удовлетворительно понять данную вещь при посредствѣ прежней апперцепціонной системы, построенной изъ опыта, или же эта система подвергается распаденію? Первое требованіе представлено моими состояніями положительнаго желанія, которыя служатъ показателями выгоды, удовольствія отъ того, что живешь въ качествѣ личности. Во второмъ представлены мои отверженія—мои отри-

цательныя желанія, мои состоянія страданія, когда я думаю о самомъ себѣ и вспоминаю исторію своей жизни.

Слѣдовательно, обдуманное желаніе, это — конкретное опредѣленіе чувства собственнаго «я». Оно представляетъ собою двигательныя комбинаціи, направляемыя по опредѣленнымъ путямъ. Оно — сохраняющій, ассимилирующій, спланивающій механизмъ опыта, при помощи котораго возобновляется прежнее приуроченіе различныхъ матеріаловъ къ единому «я»; такъ обстоитъ дѣло со стороны привычки, въ ретроспективномъ отношеніи. Но желаніе является также факторомъ дальнѣйшаго развитія чувства собственнаго «я», такъ какъ именно благодаря подражательной сторонѣ желанія — сторонѣ, съ которой желаніе приводитъ къ новымъ приспособленностямъ, новымъ удовлетвореніямъ, — достигаются новые успѣхи и расширяется ядро нашего «я». Такимъ образомъ, у желанія всегда имѣется и проспективное отношеніе, играющее очень важную роль въ общемъ душевномъ складѣ.

241. Но если таково желаніе, разсматриваемое съ генетической точки зрѣнія въ качествѣ извѣстнаго душевнаго состоянія, то что должны мы сказать о санкціяхъ, возникающихъ для разсудительныхъ дѣйствій, къ которымъ побуждаетъ желаніе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, полезно будетъ нѣсколько ближе присмотрѣться къ такъ называемой «цѣли желанія».

Если мы припомнимъ свои выводы относительно цѣли разсудительнаго дѣйствія ¹⁾, — именно, что самое содержаніе представленія опредѣляетъ собою конечный моментъ дѣйствія, — то въ нихъ найдемъ достаточное опредѣленіе также и цѣли желанія, носящаго самопроизвольный характеръ. Надо, однако, указать нѣкоторые изъ новыхъ элементовъ, которые появляются при обдуманномъ желаніи.

Если генетическая функція обдуманнаго желанія со-

¹⁾ Выше, гл. VII (въ особенности § 161).

стоитъ въ томъ, чтобы дать дѣйствіямъ такое направленіе, при которомъ сохранялся бы и продолжался бы ассимилятивный и прогрессирующий синтезъ нашего «я»,—не является ли въ такомъ случаѣ цѣлью желанія то, о чемъ говорятъ намъ мыслители-идеалисты, именно—осуществленіе собственнаго «я»? Мнѣ это кажется несомнѣннымъ, если смотрѣть съ теоретической точки зрѣнія. Но развѣ не столь же ясно, что съ той точки зрѣнія, которую отстаиваетъ это философское направленіе, совсѣмъ невозможно прійти ни къ какой субъективной цѣли желанія? Мы можемъ сказать, что въ своихъ желаніяхъ ребенокъ отражаетъ такое «я», какого—онъ знаетъ— у него еще нѣтъ, и что его будущее «я» должно создаваться и обогащаться благодаря реакціямъ, къ которымъ его побуждаютъ нынѣшнія его желанія. Но развѣ это не очень далеко отъ утвержденія, что ребенокъ желаетъ сохранить, расширить и осуществить то «я», на упроченіе котораго рассчитаны нынѣшнія его желанія? Въ этомъ именно состоитъ путаница, къ которой, по мнѣнію автора, обычно приводитъ такая формулировка цѣли желанія въ этической теоріи. И путаница эта становится еще очевиднѣе, если мы возьмемъ ребенка въ такомъ возрастѣ, когда явно бессмысленно было бы говорить, что у него есть правильное пониманіе какой-либо общей цѣли, которую, будто бы, различныя его желанія должны осуществлять.

Поэтому, если мы говоримъ, что осуществленіе собственнаго «я» является цѣлью желанія въ томъ смыслѣ, что таковъ смыслъ всѣхъ процессовъ желанія, рассматриваемыхъ съ точки зрѣнія духовнаго развитія, взятаго въ цѣломъ, то мы можемъ назвать это теоретической или философской цѣлью, подобно тому какъ ранѣе, въ періодѣ влеченій, мы находили теоретическую или біологическую цѣль. Это соотвѣтствуетъ и нашей теоріи санкцій, такъ какъ въ осуществленіи собственнаго «я» мы имѣемъ теоретическую или философскую санкцію для актовъ обдуманнаго желанія. Но затѣмъ намъ надо разобраться далѣе въ

субъективной цѣли, какъ ее понимаетъ самъ ребенокъ.

242. Прежде всего, для чистоты объективной обобщенной цѣли, заключающейся, какъ мы нашли, въ осуществленіи собственного «я», чрезвычайно важно, чтобы индивидуумъ въ своихъ конкретныхъ рѣшеніяхъ и желаніяхъ не зналъ ея и не стремился ее осуществить. Ибо она представляетъ собою обобщеніе, основанное на частностяхъ многихъ специальныхъ функцій, изъ которыхъ каждая должна выполнять свою нормальную роль въ общей схемѣ. Каждое отдѣльное дѣйствіе и желаніе представляетъ собою такого рода частичную функцію, имѣющую свою собственную конкретную цѣль. Предположимъ, что ребенокъ сталъ размышлять о своемъ благѣ вообще и началъ судить съ этой точки зрѣнія о нормально возникающихъ у него желаніяхъ; развѣ при этомъ его жизненные силы не направились бы по такимъ путямъ, которые далеко не ведутъ къ осуществленію законченнаго «я»? И развѣ не именно это случается съ людьми въ зрѣломъ возрастѣ, когда они съ помощью размышленій создаютъ теоріи жизни и устанавливаютъ цѣли, которыя они желаютъ осуществить? Они нарушаютъ такимъ образомъ самопроизвольность желанія и разстраиваютъ относительную взаимную согласованность различныхъ побудительныхъ силъ своей личной натуры.

Во-вторыхъ, то, къ чему стремится ребенокъ,—это все еще вещи и извѣстныя положенія. Но мы видимъ теперь новое развитіе въ тѣхъ процессахъ построенія, съ помощью которыхъ онъ приходитъ къ пониманію вещей и положеній. Проводя разграниченіе между тѣмъ, какъ онъ понимаетъ вещи въ качествѣ фактовъ и вещи въ качествѣ объектовъ желанія, рассмотримъ ближе связь между обѣими этими формами пониманія и смыслъ ихъ взаимной противоположности.

243. Вообще говоря, для cadaго изъ насъ существуетъ и міръ вещей въ качествѣ фактовъ, и міръ вещей въ качествѣ желаемыхъ

объектовъ. Это — два совершенно различныхъ міра. Міръ фактовъ въ очень значительной мѣрѣ является общимъ для всѣхъ насъ; міръ желаній очень различенъ у каждаго изъ насъ. Въ общей формѣ эти два міра совпадаютъ другъ съ другомъ и у разныхъ людей, такъ какъ міръ желаній имѣетъ свои корни въ мірѣ фактовъ; а разные люди достаточно сходны между собою, чтобы и направленія ихъ желаній оказались одинаковыми. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда возникаетъ вопросъ о желательности или нежелательности какого-либо предмета или дѣйствія въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ, нашъ выборъ и наше рѣшеніе бывають очень различны.

Однако, рассматривая отдѣльную личность, мы находимъ рѣзкую разницу между вещью, какъ она существуетъ, и вещью, какъ онъ ея желаетъ. Необходимымъ условіемъ желанія является чувство нереальности, отсутствія, стремленіе къ вещи, которая рисуется въ воображеніи, но не имѣется въ дѣйствительности. Обозначимъ вещь, объектъ, событіе, находящееся въ дѣйствительности передо мной въ настоящій моментъ, какъ *A*, а когда я только желаю ихъ,—какъ *a*; затѣмъ посмотримъ, какая разница между первымъ, рассматриваемымъ въ качествѣ вещи, которая существуетъ, т.-е. *A*, и вторымъ—вещью, которой желаютъ, т.-е. *a*.

Разница заключается въ томъ, что *A*—это жесткій и сухой скелетъ непреклонной дѣйствительности, находящейся въ когтяхъ такъ называемаго механическаго закона, для дѣйствій котораго безразличны мои потребности и мое удовлетвореніе. Я узнаю его въ его основѣ, какъ фактъ, именно отрѣшаясь отъ того, что оно означаетъ лично для меня, и оставляя въ пространствѣ и времени только то, что является общимъ для многихъ переживаній и для всѣхъ людей, которые въ своемъ опытѣ встрѣчаются съ данной вещью, съ этимъ *A*, и получаютъ отъ него извѣстныя воспріятія. Таково то, что есть, объектъ, вещь, независимо отъ моего желанія.

Наоборотъ, *a*—вещь, какъ ея желаютъ, носить совсѣмъ иной характеръ. Голое *A*, существующее въ пространствѣ, это—совсѣмъ не то, что я представляю себѣ, когда сильно его желаю. Правда, я имѣю въ виду фактъ, *A*; но представляю я себѣ вещь совсѣмъ иного рода. Испытывая желаніе, я представляю себѣ извѣстное переживаніе, богатое, полное состояніе существованія, гдѣ ядромъ служить данный объектъ воспріятія, но гдѣ вокругъ этого ядра группируется многое другое, свойственное только мнѣ. Жесткій, сухой, безличный фактъ, *A*, непреклонный въ своемъ повиновеніи закону и общій для всѣхъ людей на свѣтѣ, замѣняется въ моемъ представленіи такою вещью, которая пробуждаетъ всевозможныя воспоминанія объ удовольствіяхъ, волненіяхъ, объ ассоціированныхъ представленіяхъ, о социальномъ общеніи, о случаяхъ личной удовлетворенности и т. д.; и все это здѣсь имѣетъ драгоцѣнный личный смыслъ.

Это означаетъ, какъ мы сказали выше, что апперцепціонная система, которую мы называемъ своимъ «я», участвуетъ въ «объектѣ желанія», въ *a*. Отголосокъ моего личнаго представленія о дѣйствительности, всѣхъ моихъ дѣлъ съ нею, всѣхъ страданій и наслажденій, которыя я испыталъ въ своей жизни въ связи съ предметами, принадлежащими къ порядку *A*,—вотъ что теперь придаетъ желанію его смыслъ. Мною движетъ нѣкоторая функція ассимиляціи, стремленіе къ тому, чтобы получить извѣстное личное значеніе. Все это овладѣваетъ мною, когда самой вещи нѣтъ налицо, благодаря одному лишь представленію о возможности, что эта вещь будетъ; я желаю какого-либо предмета, собственно самой вещи, только въ томъ смыслѣ, что сознаніе о ней и о необходимости ея возбуждаетъ всю эту сумятицу въ моей душѣ.

Если это такъ, тогда есть, повидимому, извѣстное основаніе для упомянутаго уже историческаго спора относительно «объекта» или «цѣли» желанія.

Нѣкоторые утверждаютъ, что люди дѣйствуютъ не-

посредственно для достиженія *a*—вещи изъ міра желаній. Они хотять вложить сюда все богатство этого переживанія. Другіе говорятъ, наоборотъ, что не къ этому люди сознательно стремятся; если бы этого они добивались, они никогда не получали бы того, чего хотять. Они стремятся къ вещи, какъ факту, къ объекту, имѣющему внѣшнюю цѣнность, и только такимъ путемъ, добившись этой вещи, они получаютъ и нѣчто сверхъ того. Этотъ вопросъ уже стоялъ передъ нами ¹⁾ и наше изслѣдованіе показало, что различіе здѣсь, по существу, обусловлено процессомъ развитія. Стремленіе къ объекту *A* характерно для такого желанія, которое мы назвали «самопроизвольнымъ». Но сейчасъ для насъ важно убѣдиться, что различіе это дѣйствительно существуетъ.

Когда люди поступаютъ наиболѣе самопроизвольно, они дѣйствуютъ обыкновенно, имѣя непосредственно въ виду объектъ въ качествѣ факта. Это представляется очевиднымъ. Но при этомъ въ большинствѣ случаевъ имѣется смутно сознаваемое различіе между тѣмъ, къ чему они стремятся, и тѣмъ, что у нихъ въ душѣ является мотивомъ стремленія; послѣднее и есть *a*, «предметъ желанія». Это обыкновенно называютъ «мотивомъ», въ лучшемъ употребленіи этого слова; и я буду пользоваться этимъ названіемъ, оставляя слово «цѣль» для обозначенія дѣйствительнаго образа, предмета, къ которому стремятся, и который въ большинствѣ случаевъ есть *A*, предметъ въ качествѣ факта ²⁾.

244. Этимъ мы ограничимъ свои предварительныя замѣчанія по вопросу о санкціи въ этой сферѣ желанія. Въ этомъ періодѣ мотивъ является санкціей. Что иное могло бы служить санкціей? Санкціей

¹⁾ Выше, гл. VI, § 167.

²⁾ Это значитъ, что «мотивъ» включаетъ всѣ аффективные, безсознательные и двигательные процессы, присоединяющіеся къ умственнымъ или воспроизведеннымъ образамъ, изъ которыхъ складается «цѣль». Когда есть сознаніе собственнаго «я», оно является, по существу, «мотивомъ», а не элементомъ «цѣли».

не могло бы быть ничто кромѣ вещи, какъ факта, на которую направлено желаніе. Но послѣднее не подлежитъ выбору, потому что — если оставить въ сторонѣ случаи чистѣйшаго идео-моторнаго автоматизма—оно не является дѣйствительнымъ содержаніемъ сознанія. Мы видѣли, что даже самопроизвольное желаніе и чистое влеченіе поглощаются, при расширеніи опыта, тѣмъ состояніемъ, гдѣ гедоническій элементъ входитъ въ комплексъ мотивовъ. Кромѣ того, вещь въ качествѣ факта является, быть можетъ, общимъ элементомъ для многихъ состояній сознанія и для многихъ лицъ одновременно; а различныя отношенія и вытекающія изъ нихъ дѣйствія требуютъ очень различныхъ санкцій. Иначе говоря, неизмѣнное, неподвижное А,—вещь, отъ которой отнято все, имѣющее цѣнность для сознанія и личной жизни, именно ради того, чтобы она представлялась отвлеченною и безразличною при разнообразныхъ положеніяхъ,—обнаженная вещь, просто существующая во всякое время и для всѣхъ людей,—такая вещь не можетъ служить оправданіемъ разнообразныхъ дѣйствій, которыя въ связи съ нею выполняются различными людьми въ одно и то же время и однимъ и тѣмъ же человѣкомъ въ разное время.

Единственный видъ разумной дѣятельности, который эта вещь могла бы санкціонировать, это—стремленіе къ ней самой, какое мы видимъ въ описаніи подлинныхъ фактовъ, т.-е. въ наукѣ. Науку оправдываютъ ея собственные дѣти—различные А; но желаніе можетъ возставать противъ науки и неизбѣжно стремится дополнить ее. Къ наукѣ нельзя обращаться за тѣмъ, чтобы она узаконила дѣтей желанія.

245. Научное стремленіе представляетъ, однако, собою дѣйствительную и нормальную санкцію. Ибо оно характерно для того болѣе общаго пользованія разсудкомъ, которое мы видѣли выше¹⁾ въ такъ называемомъ «отбирающемъ мышленіи». Въ умѣ мыслителя

¹⁾ Гл. III, § 3.

критеріи отбора, по которымъ онъ судить о цѣнности своихъ мыслей, будучи разсматриваемы въ качествѣ пережитковъ, обобщаются подъ болѣе широкимъ названіемъ «истины». Открытыя и провѣренныя соотвѣтствія между представленіями и фактическими вещами объединяются въ систему истинъ; и дѣйствія человѣка—въ обществѣ, какъ и въ собственной лабораторіи или въ различныхъ областяхъ внѣшней природы — должны прежде всего стоять въ связи съ этой системой истинъ. А разъ мы видимъ, что удовлетвореніе желанія—осуществленіе питаемаго мотива—обусловлено такими дѣйствіями, благодаря которымъ фактическія вещи приходятъ въ соотвѣтствіе съ соотношеніями истинъ,—истина сама становится признаваемой субъективной или личной санкціей. Истина, такимъ образомъ опредѣленная, является одною изъ главныхъ и руководящихъ санкцій желанія, потому что сама она этимъ путемъ превращается въ мотивъ.

246. Если такова, дѣйствительно, психологическая санкція желанія,—т.-е. мотивъ въ широкомъ смыслѣ, какъ мы его опредѣлили выше,—тогда какое-нибудь дѣйствіе имѣетъ, повидимому, объективную санкцію именно постольку, поскольку оно—то самое дѣйствіе, къ которому побуждаетъ личный мотивъ, взятый во всей его полнотѣ. Осуществится ли благодаря дѣйствию, о которомъ я думаю, то желаніе, которое я питаю по отношенію къ опредѣленному фактическому объекту? Нормальнымъ образомъ оно должно было бы осуществиться, если бы дѣйствіе являлось результатомъ полнаго состоянія сознанія, которое заключается въ желаніи. Такъ какъ въ этомъ случаѣ соотвѣтствіе было бы обезпечено, то дѣйствіе въ большей или меньшей степени приводило бы къ предмету, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе оказывалось бы удовлетвореннымъ. Слѣдовательно, санкція имѣется въ сознаніи въ соотвѣтствіи съ успѣшностью того дѣйствія, къ которому побуждаетъ данное представленіе; и мы приходимъ къ общей исти-

нѣ, что для обдуманнаго дѣйствія, обусловленнаго желаніемъ, объективною санкціей является успѣхъ¹⁾).

247. Успѣхъ становится субъективною санкціей и тогда, когда онѣ дѣлается мотивомъ въ размышляющемъ сознаниі; и онѣ такъ легко становится для индивидуума критеріемъ желательности какого-нибудь дѣйствія, что мы можемъ иногда говорить о санкціи успѣха, какъ о мотивѣ индивидуума.

Разумѣется, бываютъ случаи, когда дѣйствіе, выполняемое вслѣдствіе опредѣленнаго желанія, въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ послѣднему; въ этихъ случаяхъ дѣйствіе не увѣнчивается успѣхомъ. Тогда человѣкъ сожалеетъ о своихъ поступкахъ, такъ какъ видитъ, что поступалъ неудачно. Въ подобныхъ случаяхъ мы не находимъ, собственно, уклоненія отъ только что установленной формулы. Ибо здѣсь человѣку недоставало разсудительности или опыта. Въ его глазахъ дѣйствіе было санкціонировано; въ нашихъ глазахъ оно неразумно. Онѣ, можетъ быть, скажетъ: «Какъ глупъ я былъ, что сдѣлалъ это» или «какъ я обманулъ въ своихъ расчетахъ». Но, съ объективной точки зрѣнія, его предметъ желанія не связывался съ надлежащими фактическими предметами; или же онѣ строилъ свой предметъ желанія путемъ неправильнаго истолкованія данныхъ опыта; или же цѣль дѣйствій была такъ сложна, что онѣ не могъ все время имѣть въ виду свою цѣль и, такимъ образомъ, пропустилъ два-три звена; или, быть можетъ, онѣ не учелъ того значенія, какое имѣетъ въ его житейскихъ планахъ вліяніе желаній и поступковъ другихъ людей, или не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что измѣняется его собственное отношеніе къ

¹⁾ Если имѣть въ виду подражательный характеръ хотѣнія, то это просто означаетъ, что воспроизводится тотъ рядъ «образцовъ» (мотивовъ), которымъ вызвано дѣйствіе. Это показываетъ также, какова въ конкретныхъ случаяхъ философская санкція осуществленія собственного «я».

другимъ фактическимъ вещамъ. Всѣ эти вліянія и многія другія дѣлають его успѣхъ проблематичнымъ и, такимъ образомъ, какъ будто уничтожаютъ санкцію, когда его сознаніе начинаетъ взвѣшивать предметы «заднимъ числомъ». Если онъ дѣлалъ, что могъ, его дѣйствіе въ то время санкціонировалось для него мотивомъ; но въ своихъ результатахъ оно санкціонируется—какъ въ глазахъ посторонняго зрителя, такъ и въ глазахъ самого дѣйствующаго лица—тѣмъ успѣхомъ, который оно оказывается способнымъ дать.

Успѣхъ, разсматриваемый въ качествѣ личной санкціи, подкрѣпляется также санкціей истины. Ибо каждое истинное соотвѣтствіе между представленіемъ и фактомъ ведетъ къ успѣшному осуществленію мысли въ мірѣ фактовъ. И потому мы тѣмъ болѣе имѣемъ право говорить объ успѣхѣ, какъ о санкціи разсудка, ибо видимъ, что эта санкція дѣйствуетъ въ обѣихъ областяхъ—и въ области фактовъ, и въ области желаній.

248. Здѣсь передъ нами встають еще дальнѣйшіе психологическіе вопросы; но я останавлиюсь только на двухъ или трехъ сторонахъ нашей темы, разсмотрѣніе которыхъ приведетъ насъ въ область соціальной жизни, какою она представляется при данной степени развитія умственныхъ способностей.

Напомню, что представленіе ребенка о собственномъ «я» связывается съ двумя противоположными въ нѣкоторой степени системами эмоціональных и двигательныхъ выраженій. Когда мы разсматривали первоначальное чувство собственного «я», мы нашли, между прочимъ, что въ немъ, несмотря на возрастающую его опредѣленность, обнаруживается извѣстная двойственность. Во всякомъ дѣйствиіи необходимо различать агрессивное «я», отстаивающее себя, эгоистическое, и «я» подражающее, сочувствующее, приспособляющееся, альтруистическое. Если это такъ, тогда наши выводы относительно санкцій въ импульсивномъ и интеллектуальномъ періодахъ должны сохранять силу въ связи съ этими формами представленія о собственномъ «я».

Если дѣйствія бываютъ настолько различны, что могутъ характеризоваться противоположными выраженіями «эгоистическій» и «альтруистическій», тогда различными должны быть также и мотивы-санкціи, подѣ влияніемъ которыхъ дѣйствія выполняются.

Что касается до импульсивнаго періода, то здѣсь указанная разница не имѣетъ большого теоретическаго значенія, такъ какъ вся активная жизнь въ этомъ періодѣ опредѣляется влеченіями; но большое практическое значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, обнаруживаютъ ли факты оба эти вида реакцій у ребенка. Является ли ребенокъ существомъ, у котораго имѣются и такъ называемыя великодушныя, и такъ называемыя эгоистическія влеченія? Факты не оставляютъ мѣста для сомнѣній въ этомъ вопросѣ, какъ мнѣ уже пришлось болѣе или менѣе подробно указать выше. Дѣйствія ребенка санкціонируются влеченіемъ или необходимостью,—безразлично, носятъ ли эти дѣйствія тотъ или иной характеръ. На этомъ вопросѣ мы не будемъ здѣсь останавливаться, замѣтивъ только, что это положеніе послужитъ отправнымъ пунктомъ при разсмотрѣніи соціальной санкціи, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Переходя къ интеллектуальному періоду, къ вопросу о санкціи желанія, мы находимъ, однако, необходимымъ, провести дальнѣйшія разграниченія. Если мотивъ, объектъ желанія, вещь изъ міра желаній, противопоставляемая вещи изъ міра фактовъ, является, какъ мы нашли основаніе вѣрить, извѣстнымъ построеніемъ, гдѣ ассимилирующимъ началомъ служить чувство собственнаго «я»; если именно это представленіе о собственномъ «я» своей привлекающей силою захватываетъ вещи-факты и переводитъ ихъ въ формы личнаго построенія, тогда тотчасъ же возникаетъ вопросъ: которое же изъ двухъ нормальныхъ представленій о собственномъ «я» даетъ, собственно, эти результаты? Является ли предметъ желанія предметомъ эгоистическаго или альтруистическаго желанія? Которое «я», собственно, жаждетъ—эгоистическое, агрессивное, отстаивающее себя, власт-

ное, или подражающее, податливое, великодушное, альтруистическое, склонное къ самоотреченію?

Разумѣется, желать должны оба, либо порознь, либо сообща. Оба вмѣстѣ не могутъ желать на первыхъ стадіяхъ развитія чувства собственнаго «я», такъ какъ тогда еще не произошла ассимиляція частичныхъ представленій о «я», которая ихъ объединяетъ. Но характернымъ для позднѣйшаго періода чувствованій—нравственныхъ, религіозныхъ и т. д.—является то, что тогда, какъ мы уже говорили, развивается обобщенное представленіе о «я», гдѣ комбинированныя побудительныя вліянія всѣхъ представленій о личности объединяются въ формѣ одного идеальнаго представленія, которому частичныя, полуобособленныя представленія болѣе или менѣе сознательно подчиняются. И потому, если мы будемъ отдѣльно разсматривать этотъ идеальный періодъ въ связи съ вопросомъ о санкціяхъ, опредѣляя періодъ желанія исключительно съ точки зрѣнія развитія разсудка и способности пользоваться разсудкомъ въ личныхъ цѣляхъ,—мы должны будемъ сказать, что оба представленія, относящіяся къ «я»—т.-е. представленіе о собственномъ «я» и представленіе о чужомъ «я»—поочередно опредѣляютъ собою поведеніе индивидуума, и каждое изъ нихъ даетъ свою санкцію тѣмъ дѣйствіямъ, къ которымъ оно побуждаетъ.

249. Если мы станемъ разсматривать эти два случая, сперва нѣсколько искусственнымъ образомъ разграничивъ ихъ, мы увидимъ, какого рода личныя дѣйствія получаютъ санкцію этимъ путемъ. Мотивомъ дѣйствій, выполняемыхъ въ силу личной агрессивности, ради гордости и самоутвержденія, изъ узкаго эгоизма, является представленіе о собственномъ «я», которое ассимилируетъ съ собою фактическія вещи, обстоятельства соціальной жизни, дѣйствія другихъ, вообще—содержаніе опыта; наградою ихъ служитъ успѣхъ въ подчиненіи всѣхъ этихъ факторовъ и матеріаловъ эгоистическимъ стремленіямъ индивидуума. Такое положеніе существуетъ, повидимому, главнымъ образомъ, въ дѣт-

ствѣ, въ возрастѣ приблизительно отъ двухъ до четырехъ лѣтъ. Я уже приводилъ нѣкоторые факты, показывающіе, какъ ребенокъ эгоистически пользуется своимъ разсудкомъ, когда только что узналъ, что у него есть разсудокъ, и что имъ можно пользоваться къ собственной выгодѣ. Онъ обманываетъ младшихъ, проводить тѣхъ, кто наблюдаетъ за нимъ, пытается ввести въ заблужденіе старшихъ. Подобнаго рода пользованіе разсудкомъ является однимъ изъ первыхъ основаній для настоящей «лжи» у ребенка. Его санкціей служить успѣхъ, и больше ничего. Таково его правило дѣйствования, и онъ не имѣетъ основаній колебаться въ примѣненіи его; исключеніемъ являются тѣ случаи, когда сами дѣйствія или образцы, настоятельно вызывающіе на подражаніе, выдвигаютъ другое, отличное представленіе о «я», возбуждаютъ такимъ образомъ сочувствіе и создаютъ конфликтъ изъ-за временнаго преобладанія между обоими представленіями о «я». Въ обществѣ встрѣчаются такіе люди, которыхъ мы инстинктивно относимъ къ числу эгоистовъ, и они часто обладаютъ прекрасными умственными способностями. Такіе люди пользуются окружающей соціальной средою въ собственныхъ интересахъ. Есть, конечно, и такіе преступники, эгоистическое поведеніе которыхъ не только показываетъ, что они въ своей жизни признаютъ за санкцію личный успѣхъ, но которые и открыто пренебрегаютъ санкціями, устанавливаемыми обществомъ въ видѣ наказаній и наградъ за различнаго рода дѣйствія.

Хотя мы не намѣрены обсуждать здѣсь соціальныя теоріи, однако не будетъ лишнимъ указать ту основу, на которую должна опираться индивидуалистическая теорія общества, если мы станемъ разсматривать человѣка просто съ точки зрѣнія разсудка, дѣйствующаго подъ санкціей личнаго желанія. Напряженность личнаго соперничества ведетъ непосредственно къ оправданію стремленія къ успѣху. «Ничто не даетъ такого успѣха, какъ удача»—вотъ лозунгъ этого соперничества. Въ жизни людей, занятой соперничествомъ, есть важныя

области, гдѣ эта санкція никогда не отвергается и даже не измѣняется сколько-нибудь значительно.

250. Но сказать, что это—единственная санкція разсудительныхъ дѣйствій, значило бы отрицать другой мотивъ, стоящій въ извѣстномъ соотношеніи съ первымъ. Представленіе о собственномъ «я» психологически невозможно безъ соотносительнаго представленія о чужомъ «я». Реакція эмоций и дѣйствій на второе представленіе такъ же непосредственна, какъ и на первое. Ребенокъ въ періодъ пробужденія его разсудка какъ будто обнаруживаетъ большое пристрастіе къ эгоистическому использованію своихъ вновь приобрѣтенныхъ силъ. Но другая сторона его натуры не умираетъ. Я уже указалъ причины односторонности его развитія въ продолженіе одной части этого періода. Если разсудокъ тогда такъ много используется въ эгоистическихъ цѣляхъ, это происходитъ, главнымъ образомъ, ради упражненія, выучки, практики, укрѣпленія. Мы очень скоро замѣчаемъ у ребенка нѣкотораго рода реакцію, ведущую въ другую сторону. Онъ начинаетъ расширять кругъ того, что его касается. Его эгоизмъ мѣняется въ зависимости отъ того, находится ли ребенокъ дома или внѣ дома. Онъ начинаетъ выполнять такіа дѣйствія, въ которыхъ обнаруживается обдуманное великодушіе. Обо всемъ этомъ мы уже говорили. Существенно здѣсь то, что для этихъ великодушныхъ поступковъ санкціей служить совершенно то же чувство, что и для эгоистическихъ поступковъ. «Я», которое теперь строить вещи въ мірѣ желаній, это—чужое «я»; оно заполняетъ собою сознаніе; нормальнымъ образомъ оно приводитъ къ сочувственнымъ, безкорыстнымъ дѣйствіямъ; санкція, принадлежащая мотивамъ этого рода, заключается въ успѣхѣхъ дѣйствій, соотвѣтствующихъ этимъ мотивамъ; а благодаря этому успѣхъ въ слѣдованіи велѣніямъ великодушія становится своего рода нормальною разумною санкціей. Здѣсь мы имѣемъ полную аналогію съ нормальностью импульсивныхъ дѣйствій обоого рода—тѣхъ, которыя

представляются эгоистическими, и тѣхъ, которыя представляются великодушными; и одни, и другія столь элементарно естественны, что самый фактъ ихъ существованія служить ихъ санкціей. Такимъ образомъ, въ сферѣ разсудка, гдѣ строится извѣстное желаніе надъ фактической вещью, на которую желаніе направлено, это построеніе принимаетъ двѣ одинаково нормальныхъ формы.

Поэтому теоретическое опредѣленіе санкціи желанія, какъ санкціи успѣха, должно обнимать оба случая и должно распространяться на дѣйствія двухъ различныхъ типовъ: дѣйствія узко-эгоистическія и дѣйствія, въ которыхъ проявляется самоотреченіе, великодушіе, сотрудничество. Въ обоихъ случаяхъ санкція соотвѣтствуетъ разумной формѣ успѣха.

251. Еще на одномъ обстоятельствѣ надо остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ болѣе сложнымъ стадіямъ развитія. Это—отношеніе между санкціей разсудительнаго дѣйствія и той санкціей, которая оправдываетъ импульсивное дѣйствіе.

Первая одерживаетъ верхъ надъ второй и подавляетъ ее, или имѣетъ тенденцію къ этому, во всѣхъ случаяхъ, когда приходится выбирать между ними. Если же этого не происходитъ, то въ душѣ дѣйствующаго лица совершается нарушеніе всѣхъ санкцій. Влеченіе является слугою разсудка. А когда оно становится хозяиномъ въ силу своей интенсивности или благодаря слабости санкціи разсудка, тогда дѣйствіе оказывается безразсуднымъ, и влеченіе является снова единственнымъ его оправданіемъ, какъ это было и до возникновенія разсудка. Когда же разсудокъ опять вступаетъ въ свои права и начинаетъ судить о положеніи со своей собственной точки зрѣнія, тогда отсутствіе болѣе высокой санкціи, чѣмъ санкція временной необходимости, сказывается въ сознаніи въ формѣ чувства глубокаго сожалѣнія. И дѣйствующее лицо опять говорить: «Какимъ я былъ глупцомъ, ребенкомъ, безумцемъ». Въ связи съ общою экономіей личнаго развитія это—очень важный

моментъ; ибо онъ соотвѣтствуетъ переходу сознанія въ новую область разумнаго приспособляванія къ людямъ и вещамъ. Покуда влеченія предоставлены самимъ себѣ, никто не управляетъ колесами человѣческаго механизма. Біологическое оправданіе является единственнымъ оправданіемъ. Влеченіе дѣйствуетъ слѣпо, и иначе это представляется только теоретику, который занимается принципами біологическаго развитія. Но когда на сцену выступаетъ разсудокъ, выбирающій средства для достиженія цѣли, использующій силы жизни и влеченія ради выполненія того, что имъ задумано, и вносящій, такимъ образомъ, нѣкоторое управленіе и равновѣсіе въ борьбу импульсивныхъ дѣйствій,—тогда наступаетъ новая эра не только для индивидуума, но и для общества, какъ мы имѣли основаніе признать, рассматривая тѣ соціальныя элементы, которыми одаренъ индивидуумъ. Подумайте о разницѣ между самообладаніемъ и распущенностью, между судьей и толпою, между ребенкомъ, который разбивается о препятствія, и человѣкомъ, который устраняетъ ихъ своей изобрѣтательностью,—и тогда вамъ будетъ болѣе или менѣе ясно, что означаетъ появленіе санкціи разсудка въ исторіи человѣка. Изъ хаоса возникаетъ стройность, настойчивость и планомѣрность въ преслѣдованіи опредѣленныхъ намѣреній въ жизни становятся на мѣсто прихотливаго использованія случайныхъ наслажденій, экономное расходованіе душевной и жизненной энергіи замѣняетъ собою безразсудную трату силъ въ ненужной борьбѣ. Какая удивительная вещь—самообладаніе, даже когда оно направлено не на самыя лучшія цѣли! Какъ великъ бываетъ успѣхъ, хотя бы онъ достигался и въ безнравственныхъ дѣлахъ!

252. Въ заключеніе отмѣтимъ, что различіе между міромъ вещей и міромъ желаній распространяется также и на область соціальной дѣятельности; и здѣсь-то мы находимъ самыя утонченныя и интересныя движенія, которыя вдохновляютъ и волнуютъ человѣка. Люди, какъ и вещи, ведутъ различнаго рода существованіе. Какое-нибудь лицо можетъ быть—и должно быть—для другого

нѣкоторымъ А въ мірѣ фактовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—нѣкоторымъ а въ мірѣ желаній. Человѣкъ въ качествѣ одного лишь А, въ качествѣ факта, вещи, отъ которой ожидаются извѣстныя данныя опыта, какъ они ожидаютъ отъ какого-нибудь стула или отъ какой-нибудь двери, представляетъ собою просто объектъ познания; онъ можетъ въ то же время быть или не быть объектомъ желаній. Его существованіе можетъ быть для меня такъ же безразлично, какъ существованіе стула; но оно можетъ быть и такъ важно для меня, какъ мать для ребенка или какъ другъ для своего друга, когда «ниоткуда нѣтъ помощи, а вокругъ—все печальные люди». Мое «я» можетъ соединиться съ тѣмъ или инымъ чужимъ «я» такъ, что получается только одно «я»; или же другой человѣкъ можетъ быть такимъ заклятымъ врагомъ, что терпѣть его—это перестаетъ быть добродѣтелью.

Когда другіе люди становятся для насъ объектами желаній, оставаясь въ то же время предметами-фактами, это даетъ много плодотворныхъ результатовъ въ сферѣ нашихъ разсудительныхъ дѣйствій. Я могу обращаться съ вами, какъ съ предметомъ, чтобы прельстить васъ въ качествѣ личности. Или же я могу помогать вамъ, притворно выражая свое расположеніе, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности вы для меня не болѣе, чѣмъ вещь, и мое желаніе, моя истинная цѣль идетъ мимо васъ. Иначе говоря, разсудокъ можетъ оперировать людьми такъ же, какъ и предметами внѣшняго міра, пользуясь вещами для осуществленія желаній; и санкція здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ,—какъ бы жестоко это ни казалось,—одна и та же, именно—санкція успѣха.

Но здѣсь—и въ этомъ-то заключается сложность положенія—здѣсь пользованіе людьми, просто какъ вещами, какъ средствами для достиженія болѣе или менѣе отдаленной цѣли, вступаетъ въ конфликтъ съ представленіемъ о чужомъ «я», у котораго тоже есть желанія, и которому присуще свойство вызывать къ себѣ сочувствіе. Это—усложненіе, фактически возникающее какъ

въ обществѣ, такъ и въ поведеніи отдѣльнаго человѣка. Примѣромъ можетъ служить возстаніе противъ вивисекціи и вообще нерасположеніе къ тому, чтобы люди пользовались живыми животными для своихъ цѣлей. Здѣсь разумная цѣль требуетъ, чтобы живыя существа употреблялись просто въ качествѣ вещей, средствъ, и за ними отрицается право быть возведенными самимъ на степень предметовъ желанія, имѣющихъ личную цѣнность. Но сочувствіе неизбѣжно заставляетъ подумать о чужомъ «я», которое страдаетъ. И вотъ возникаетъ конфликтъ. Разумѣется, это не есть разумный конфликтъ. Сочувствіе, это—влеченіе, и его санкціей является необходимость (если оставить въ сторонѣ всякую нравственную санкцію, которую могутъ давать ему другіе элементы), между тѣмъ какъ цѣль, поставленная разсудкомъ, представляетъ собою вопросъ приспособленія и потому претендуетъ на первенство. Вивисекція санкціонируется своей цѣлью, т.-е. успѣшнымъ разрѣшеніемъ какого-нибудь біологическаго вопроса. Является ли разрѣшеніе того или иного частнаго вопроса достойной цѣлью,—это опредѣляется нравственными мѣрилами на болѣе высокомъ уровнѣ; но если разсудокъ санкціонируетъ вивисекцію,—это достаточный противовѣсъ противъ простаго импульсивнаго сочувствія.

Съ такимъ усложненіемъ мы встрѣчаемся и въ тѣхъ случаяхъ, когда причиняемъ кому-нибудь страданіе для его же блага. Многимъ матерямъ знакомо это ужасное положеніе, когда приходится мучить ребенка, чтобы спасти его,—напримѣръ, когда необходима какая-нибудь хирургическая операція. Въ этомъ случаѣ у матери имѣется цѣлыхъ три представленія о ребенкѣ: ребенокъ, какъ фактъ,—больной ребенокъ; ребенокъ, какъ объектъ сочувствія,—страдающій подъ ножомъ, и ребенокъ, какъ объектъ желанія,—выздоровѣвшій ребенокъ. Первое изъ нихъ, представленіе о ребенкѣ, какъ фактъ, это—до извѣстной степени отвлеченное представленіе; но если бы оно не было достаточно реально для того, чтобы сдерживать влеченіе къ воспре-

пятствованію работъ хирурга,—влеченіе, санкціей котораго служить представленіе о ребенкѣ, какъ объ объектѣ сочувствія,—тогда не могло бы быть и дѣйствія разсудка. Ибо тогда не могло бы сложиться представленіе о ребенкѣ, какъ объ объектѣ желанія, а именно изъ этого представленія вытекаетъ дѣйствіе разсудка.

Этихъ положеній достаточно, чтобы показать, съ какими затрудненіями можетъ встрѣчаться сознаніе на этой сравнительно низкой ступени развитія, до возникновенія нравственныхъ и соціальныхъ чувствованій. Сколь слабыми представляются построенія писателей—политиковъ и экономистовъ, разсматривающихъ желаніе, какъ нѣкотораго рода постоянную величину, которая можетъ быть помножена на число индивидуумовъ и въ такой формѣ можетъ служить основою для теоріи цѣнности; или отождествляющихъ желаніе со «спросомъ», которому затѣмъ должно соотвѣтствовать «предложеніе». И эта сложность ничто въ сравненіи съ тою, которая развивается въ болѣе высокой области, куда сознаніе вступаетъ, когда личность принимаетъ свои идеальныя формы.

§ 4. Высшая гедоническая санкція.

253. Развѣтіе сознанія совершающееся такъ, какъ мы сейчасъ описали, приводитъ къ тому, что чувство удовольствія и страданія становится у дѣйствующаго лица болѣе утонченнымъ. Мы видѣли, что гедоническая окраска переживаній въ значительной мѣрѣ передается чувству собственнаго «я», вызывая опредѣленное отношеніе этого «я» къ отдѣльнымъ предметамъ. И это является основою для «предмета желаній», противопоставляемаго «предмету какъ факту». Предметъ въ качествѣ факта остается объектомъ знанія, науки, наблюденія; предметъ же желаній становится источникомъ того богатаго гедоническаго переживанія, съ которымъ «я» непосредственно отождествляется.

Но въ размышляющемъ сознаніи часто происходитъ

другое движеніе,—даже всегда происходит по отноше-
нію къ переживаніямъ того или иного рода въ той или
иной душѣ. Дѣйствующее лицо само прихо-
дитъ къ открытію, что есть именно такая разница
между предметами, какъ фактами, и предметами, какъ
объектами личнаго желанія. Человѣкъ начинаетъ созна-
вать, что стремится онъ, собственно, не къ самому пред-
мету, а къ тѣмъ состояніямъ своего «я», которыя воз-
никаютъ благодаря осуществленію желаемого. Связан-
ное съ этимъ осуществленіемъ состояніе удовольствен-
ности такимъ образомъ обособляется, до извѣстной
степени, въ его умѣ и само становится пред-
метомъ желанія. Человѣкъ обобщаетъ гедониче-
ское переживаніе, какъ таковое, рассматриваетъ его въ
качествѣ цѣли и стремится къ предметамъ-фактамъ и
даже къ привычнымъ предметамъ желанія ради этого
новаго, производнаго объекта желаній—удовольствія.
И потому въ этой формѣ размышленія мы находимъ
впервые осуществленнымъ чистый гедонизмъ субъек-
тивнаго сознанія. Онъ является такимъ же продуктомъ
въ сферѣ желанія, какимъ соотвѣтствующая низшая
гедоническая санкція, о которой мы уже говорили,
является въ сферѣ влеченія. Ребенокъ сперва посту-
паетъ съ предметами импульсивно, просто какъ
съ вещами; затѣмъ онъ поступаетъ импульсивно съ
ними, какъ съ вещами, причинившими страданіе,
или даже видитъ въ нихъ чистое страданіе (или
удовольствіе), но при этомъ онъ все еще дѣй-
ствуетъ импульсивно. Такъ и въ области желанія первыя
дѣйствія, обусловленныя обдуманнмъ желаніемъ, на-
правлены на объектъ желанія, который становится на
мѣсто простого предмета-факта. Объектъ желанія соз-
дается благодаря тому, что въ одномъ переживаніи
соединяются всѣ тѣ рѣзко выраженные пріятныя и не-
пріятныя состоянія, которыми опредѣляется личное
отношеніе нашего «я». И, наконецъ, удовольствіе въ ка-
чествѣ извѣстнаго представленія само становится объ-
ектомъ, къ которому стремятся, и когда дѣйствующее

лицо поступает такимъ образомъ, оно превращается въ утонченнаго сознательнаго гедониста. Для такихъ лицъ можетъ въ дѣйствительности существовать «гедоническій расчетъ».

Итакъ, въ этомъ—въ стремленіи къ удовольствію, какъ таковому,—заключается конечная, вызывавшая столько разговоровъ гедоническая санкція. Она соответствуетъ самому утонченному эгоизму, понимаемому въ индивидуалистическомъ смыслѣ¹⁾. Она является кульминаціоннымъ пунктомъ умственнаго развитія, если смотрѣть на послѣднее, какъ на источникъ извѣстнаго рода санкціи для поведенія. Ниже мы увидимъ, при какихъ условіяхъ она фактически имѣется въ соціальной жизни.

§ 5. Санкція права.

254. Ниже, разсматривая развитіе чувства личности преимущественно съ психологической точки зрѣнія, мы видѣли, что развитіе общаго или идеальнаго «я» совершается постепенно благодаря продолженію процесса подражательнаго приспособливанія, которое и является орудіемъ всего духовнаго прогресса. Это развитіе совершается путемъ ассимиляціи; и когда сознание оказывается способнымъ благодаря руководительству со стороны личностей, дающихъ примѣръ слѣдованія закону и подкрѣпляющихъ его, ассимилировать оба частныхъ представленія о «я»—объ эгоистическомъ и великодушномъ «я»—съ новымъ идеальнымъ представленіемъ, которое является выразителемъ этого закона, тогда оно входитъ въ сферу долга и права. Если, прослѣживая этотъ прогрессъ у ребенка, мы зададимся вопросомъ о томъ, какова санкція его поступковъ на этой

¹⁾ Но не непременно въ качествѣ антисоціального и не-альтруистическаго по своему выраженію; ибо можно стремиться къ удовольствіямъ для общества или къ благотворительности, просто какъ къ удовольствію. Ср. также § 260.

наивысшей стадіи личнаго развитія, мы встрѣтимся съ чрезвычайно сложными и трудными условіями. Однако, здѣсь достигается высшаго пункта и интересъ, представляемый нашимъ предметомъ, и его практическое значеніе въ соціальной области; поэтому попытаемся хотя нѣсколько выяснить этотъ вопросъ, главнымъ образомъ, дѣлая выводы изъ тѣхъ принциповъ, которые мы нашли основаніе принять въ болѣе простыхъ уже изслѣдованныхъ нами условіяхъ.

Субъективная санкція права, побуждающая дѣйствующее лицо признавать и выполнять долгъ, заключается въ томъ чувствѣ, которое выражается словомъ «долженъ», и которое мы уже пытались на предыдущихъ страницахъ уяснить себѣ въ нѣкоторой степени съ генетической точки зрѣнія. Въ теоріи оно было названо «категорическимъ императивомъ», въ обыденной рѣчи оно называется совѣстью. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ умозрительныя разсужденія по поводу этого чувства; намъ надо только отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ наличность этой санкціи въ душѣ индивидуума измѣняетъ основанія для дѣйствій и, слѣдовательно, самыя дѣйствія, которыя, какъ мы видѣли, индивидуумъ выполняетъ въ предшествующихъ періодахъ своей жизни. Влеченіе ведетъ къ дѣйствию въ силу «необходимости»; разсудокъ ведетъ къ инымъ дѣйствіямъ, имѣя въ виду «успѣхъ»; оба они сохраняются, при чемъ послѣдній измѣняетъ требованія и власть перваго. Какое же новое осложненіе вносится теперь въ дѣятельность и влеченія, и разсудка, когда появляется на сценѣ до л ж е н с т в о в а н і е, и человекъ чувствуетъ потребность поступать «правильно»?

255. Первое, что надо отмѣтить въ этой новой санкціи, это—ея сходство съ санкціей влеченія въ душѣ самого дѣйствующаго лица. Когда она появляется, человекъ не вкладываетъ въ нее никакого точнаго и опредѣленнаго содержанія. Онъ не можетъ объяснить, почему онъ называетъ тѣ или иныя дѣйствія правильными; у него нѣтъ для этого основаній. Онъ не можетъ нарисо-

вать самому себѣ или рассказать другимъ такой общій планъ жизни, который обнималъ бы подробности дѣйствій при возникновеніи новыхъ обстоятельствъ; у него всякій разъ есть только кусочекъ санкціи—кусочекъ, подходящий къ тѣмъ даннымъ, при которыхъ ему въ данный моментъ приходится дѣйствовать. Въ этомъ отношеніи нравственное дѣйствіе носить импульсивный характеръ. Оно представляетъ собою привычку, обращенную въ сторону закона. Оно является импульсивнымъ также и по присущей ему формѣ кажущейся необходимости, съ какою его велѣнія звучать для человѣка. Правда, это—новая форма необходимости; она не переходитъ въ дѣйствіе подъ непосредственнымъ давленіемъ извѣстнаго нервнаго состоянія. Но ея императивъ категориченъ, и его приказанія исполняются подъ угрозою наказаній, столь же реальныхъ, какъ и наказанія, налагаемые низшими влеченіями, хотя и не тождественныхъ съ послѣдними. Именно этимъ мнимо-импульсивнымъ характеромъ санкціи долженствованія опредѣляется ея отношеніе къ другимъ санкціямъ.

256. Санкція права стремится, въ главномъ, подавить прежнія санкціи, и это потому, что она представляетъ собою болѣе объемлющую форму душевнаго синтеза. Представленіе о «я» не можетъ получить общаго характера, если подъ него не будутъ подведены здоровыя и нормальныя, но частичныя «я». У насъ не можетъ быть никакого идеальнаго представленія о «я», если мы не воспользуемся частичными представленіями, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ доставляютъ матеріалъ для идеала. Импульсивное «я», съ его эгоистическимъ и капризнымъ сочувствіемъ, должно имѣться налицо; и хитрое разсудочное «я» тоже должно имѣться налицо; и каждое изъ нихъ должно настаивать на своей собственной санкціи, ибо только благодаря притязаніямъ обоихъ этихъ представленій и приспособленности соотвѣствующихъ имъ дѣйствій можетъ создаться законопослушное, постоянное, нравственное «я» со своими правильными дѣйствіями. Если вѣрно, что идеальное пред-

ставленіе, требуемое для возникновенія нравственнаго чувствованія, создается благодаря обобщенію частичныхъ и низшихъ представленій, тогда вновь появляющіяся формы дѣйствованія, которыя теперь получаютъ санкцію, должны, нѣкоторымъ образомъ, представлять собою сведеніе прежнихъ формъ къ одному новому типу. Это заставляетъ насъ признать два вывода: во-первыхъ, что дѣйствія, санкціонируемая чувствомъ долженствованія, нормально и естественно существуютъ наряду съ другими формами дѣйствованія у одного и того же лица; и, во-вторыхъ, что это новое соединеніе и высшее согласованіе элементовъ можетъ совершаться только благодаря жизненности влеченій и разсудка и благодаря давленію, которое они нормальнымъ образомъ оказываютъ на дѣйствія.

257. Полную нормальность нравственнаго чувствованія и той санкціи, которая его подкрѣпляетъ, надо особенно подчеркнуть въ виду того, что нѣкоторые авторы склонны видѣть въ этомъ нѣчто чуждое человѣку, что сохраняетъ свою силу только благодаря божественнымъ факторамъ, благодаря вѣрѣ въ сверхъестественныя наказанія и награды, и т. д. Въ противоположность такому взгляду мы видимъ, что санкція долго возникаетъ изъ естественнаго взаимодѣйствія влеченій и работы разсудка, подобно тому какъ мы видѣли, что высшія формы религіознаго чувствованія естественно возникаютъ изъ нравственнаго чувствованія. Развитіе умственныхъ способностей, дающее большую широту и состоятельность личнымъ сужденіямъ, нормальнымъ образомъ влечетъ за собою увеличеніе чуткости и большую справедливость въ нравственныхъ отношеніяхъ. Ростъ умственныхъ силъ представляетъ собою, прежде всего, развитіе чувства личнаго достоинства и характера, основанное на болѣе обширномъ социальномъ опытѣ. Для такого развитія требуется въ одинаковой мѣрѣ сохраненіе и санкціи великодушныхъ желаній и влеченій, и санкціи эгоистическихъ желаній и влеченій. Такимъ образомъ, получающійся результатъ—болѣе высокое и

болѣе правильное пониманіе и организовываніе матеріаловъ личной и соціальной жизни—самимъ своимъ появленіемъ приносить съ собою санкцію долга. Санкція возникаетъ именно этимъ путемъ, и только этимъ путемъ; ея правильность и полнота ея вліянія зависятъ отъ правильности и обширности синтеза, производимаго въ умственной сферѣ.

И потому въ этой наивысшей области нельзя допускать никакой двойственности мышленія и дѣйствованія. Дуализмъ здѣсь такъ же неправдоподобенъ, какъ и въ области разсудка и желанія, гдѣ приходилось бы предполагать, что представлять себѣ какой-нибудь предметъ — это естественно и нормально, но что склонность къ тому, чтобы желать и добиваться этого предмета,—эта склонность получается откуда-то извнѣ. Противорѣчіе между разсудкомъ и чувствомъ справедливости возможно только въ тѣхъ встрѣчающихся иногда случаяхъ, когда умственный процессъ представляетъ собою синтезъ личныхъ и соціальныхъ цѣнностей, гдѣ санкціей служить успѣхъ или удовольствіе. Въ этихъ случаяхъ противорѣчіе довольно рѣзко. Ассимилированіе того дѣйствія, къ выполненію котораго побуждаетъ разсудокъ на этой низшей стадіи, съ идеальнымъ представленіемъ о личности, къ которому тяготѣетъ чувство долга, встрѣчаетъ препятствіе и затрудняется. Поэтому истинною интуиціей съ стороны греческихъ моралистовъ было то, что въ нравственномъ пониманіи они видѣли именно п о н и м а н і е, уразумѣніе основаній—въ противоположность простому м н ѣ н і ю, воспріятію, иллюзіи, связаннымъ съ низшими процессами познания. Практическій разумъ—это все же разумъ. Но греки раздѣляли тотъ взглядъ на происхожденіе интуиціи, который мы здѣсь оспариваемъ, такъ какъ они считали необходимымъ объяснять ее какимъ-то просвѣтленіемъ, которое могло возникать благодаря развитію естественныхъ процессовъ опыта. Дуализмъ между разумомъ и разсудкомъ или мнѣніемъ проходилъ черезъ все мышленіе грековъ совершенно такъ же, какъ теперь

господствуетъ дуализмъ между мышленіемъ и чувствованіемъ.

Въ противоположность обѣимъ этимъ формамъ дуализма мы должны утверждать, что существуетъ процессъ развитія, имѣющій двѣ стороны—сторону построенія и сторону дѣйствованія. Со стороны построенія развитіе идетъ отъ чувства къ мысли; а вмѣстѣ съ тѣмъ, представляя собою его постоянный результатъ, со стороны дѣйствованія происходитъ соотвѣтствующее развитіе отъ влеченія къ разумному поведенію, отъ необходимости къ долгу.

258. Другое упомянутое выше обстоятельство также наводитъ на размышленія. Оно ставитъ предъ нами вопросъ о фактическомъ содержаніи здороваго нравственнаго сознанія и о взаимодѣйствіи въ немъ различныхъ функцій. Данныя уже нами опредѣленія показываютъ, что должны имѣться и влеченія, и разсудокъ, и что нормальное развитіе нравственнаго чувства зависитъ отъ ихъ развитія. Но очевидно, что можно дать еще дальнѣйшія опредѣленія тѣхъ вліяній, благодаря которымъ различныя стороны жизни долга получаютъ болѣе тонкіе оттѣнки,—стороны, измѣненіями которыхъ вызываются разнообразныя различія и патологическія склонности въ нравственной жизни.

Продолжая свое изслѣдованіе, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ разграниченіемъ, которое уже проводилось нами, между вещами, разсматриваемыми просто въ качествѣ вещей, т.-е. между предметами-фактами, и вещами, разсматриваемыми въ качествѣ элементовъ, участвующихъ въ большей или меньшей мѣрѣ въ развивающемся представленіи о «я», т.-е. вещами, какъ объектами желанія. Мы видѣли, что здѣсь существуетъ ясное различіе даже въ жизни разсудка. Міръ вещей, противопоставляемый міру желаній, состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе постоянныхъ данныхъ, которыми мы можемъ оперировать, которыя сохраняютъ между собою извѣстныя отношенія и могутъ быть болѣе или менѣе исчерпывающе охарактеризованы для

личныхъ и соціальныхъ цѣлей, и присутствіе которыхъ сравнительно безразлично для нашей активной жизни и для нашего поведенія. И только тогда, когда эти вещи получаютъ извѣстное значеніе для людей и людскихъ цѣлей—словомъ, въ той или иной формѣ, для общества,—онѣ становятся элементами или подробностями міра цѣнностей. Простое сужденіе о ихъ существованіи,—а оно является чисто умственнымъ дѣйствіемъ, которое носитъ самый общій характеръ и играетъ наименѣе важную роль въ прогрессѣ нашего развитія, такъ какъ является условіемъ его,—смѣняется извѣстными повышающимися сужденіями о цѣнности, которыя служатъ мѣриломъ желанія.

Отсюда слѣдуетъ, что возможны два очень различныхъ направленія развитія въ умственной жизни, смотря по тому, принадлежитъ ли матеріаль, которымъ преимущественно приходится оперировать, къ одной или другой изъ указанныхъ областей,—къ міру фактовъ или къ міру желаній. Жизненное развитіе одного человѣка можетъ характеризоваться тѣмъ, что оно представляетъ собою, главнымъ образомъ, исканіе фактовъ, и с т и н ѣ. Мотивомъ исканія является, конечно, желаніе; но мотивъ этотъ заключается не въ вещахъ, какъ объектахъ желанія или какъ элементахъ соціального міра желаній. Такой видъ умственного влеченія мы уже видѣли въ научномъ стремленіи, которое, какъ таковое, пренебрегаетъ полезностью и ищетъ только истины. Мысль о собственномъ «я» здѣсь не имѣетъ мѣста благодаря самому характеру матеріала; идеаль уразумѣнія свободенъ отъ предвзятости личнаго интереса. Мы упоминаемъ объ этомъ только потому, что при такого рода умственномъ развитіи мы видимъ отсутствіе цѣнностей равно въ такой мѣрѣ, въ какой отсутствуетъ всякое человеческое и соціальное желаніе. Цѣнность появляется только съ введеніемъ представленія о личности, и мѣрою ея служить мѣра возможной ассимиляціи новыхъ знаній, получаемыхъ отъ какой-нибудь вещи, съ желаніями. Когда это осуществлено, тогда мы приходимъ къ про-

тивоположному виду умственныхъ дѣйствій и здѣсь на-ходимъ нѣкоторыя рѣзко замѣтныя черты, связанныя съ нравственною санкціей.

259. Нравственная жизнь состоитъ по преимуществу изъ элементовъ цѣнности. Ея объектами служатъ предметы желаній, и при томъ предметы желаній на наивысшемъ уровнѣ, гдѣ представленіе о «я» носить общій или идеальный характеръ. Что касается границы между представленіями о «я», которыя носятъ общій характеръ и которыя не носятъ такого характера, то ея обыкновенно—особенно въ развитомъ сознаниі—совершенно невозможно провести. Разъ нравственное чувство уже возникло въ сознаниі благодаря ассимиляціи частичныхъ представленій о «я», у человѣка образуется привычка именно къ такой общей ассимиляціи; и тогда обособлять представленіе о собственномъ «я» или о чужомъ «я» и пытаться въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ согласовать результаты жизни только съ однимъ изъ нихъ,—значило бы насиловать нормальный ходъ развитія. Вся жизнь, состоящая изъ желаній, нормальнымъ образомъ получаетъ нравственный характеръ. «Что долженъ я дѣлать?»—вотъ вопросъ, который самъ собою встаетъ въ душѣ въ отвѣтъ и на вѣднія влеченій, и на притягательность успѣха.

Это приводитъ къ признанію соціальной цѣнности за всѣми дѣйствіями въ жизни, кромѣ тѣхъ, выполненіе которыхъ настолько привычно или настолько шаблонно, что мы называемъ ихъ безразличными. Надо, однако, замѣтить, что дѣйствительно безразличными нельзя называть никакихъ дѣйствій, которыя опредѣляются какимъ-нибудь личнымъ мотивомъ. Всѣ дѣйствія, опредѣляемые такимъ мотивомъ, являются нравственными и соціальными—независимо отъ того, носятъ ли они эгоистическій или альтруистическій характеръ, или кажутся безразличными; и происходитъ это просто потому, что разъ сознаниі уже начало относить частичныя представленія о «я» къ идеальному представленію, всѣ

дѣйствія, носящія вообще личный характеръ, получаютъ безмолвно или открыто признаваемую цѣнность по сравненію съ дѣйствіемъ, соотвѣтствующимъ идеальной точкѣ зрѣнія.

Въ результатѣ получается то, что всякое дѣйствіе, являющееся въ какомъ-либо смыслѣ корыстнымъ, является и нравственнымъ; и оно подлежитъ нравственной санкціи, разъ личность уже вступила въ нравственный періодъ развитія. И разсудочная санкція успѣха, и импульсивная санкція необходимости должны либо уступать высшимъ требованіямъ долга, либо нарушать эти требованія. Но требованія существуютъ во всякомъ случаѣ, и содержаніе сознанія измѣняется благодаря ихъ наличности. Нравственная санкція оказываетъ непосредственное сдерживающее вліяніе на дѣйствія низшихъ санкцій, такъ какъ ни одна изъ нихъ не можетъ считаться окончательною санкціей поступка, вышедшаго изъ горнила нравственнаго обдумыванія. Это—область чувства долга; и оно можетъ утвердить или не утвердить всякую линію поведенія, которую намѣтили бы прежнія санкціи, предоставленныя самимъ себѣ.

260. Отсюда мы видимъ, что даже относительный конфликтъ между умственными и нравственными элементами, который какъ-будто возникаетъ благодаря гедонической санкціи (см. § 253), рѣдко бываетъ дѣйствительнымъ конфликтомъ. Слѣдованіе велѣніямъ эгоистическаго интереса можетъ казаться осуществленіемъ разумныхъ дѣйствій, находясь въ полномъ противорѣчій съ тѣми формами дѣйствованія, какія предписываются нравственною санкціей. Санкція успѣха можетъ играть чрезвычайно важную роль у какого-нибудь индивидуума или въ цѣломъ обществѣ, при чемъ отсутствуетъ соотвѣтствующее развитіе нравственной санкціи. Такой утонченный индивидуализмъ теперь казался бы до нѣкоторой степени ненормальнымъ. Такого рода умственное развитіе, поскольку оно служитъ эгоистическимъ интересамъ, должно нормальнымъ образомъ

вести къ нарушенію правъ другихъ лицъ, а отсюда должно возникать какое-нибудь нравственное чувство-ваніе, разъ человѣкъ уже дошелъ до уровня нравственности. Чистая разсудительность, какъ мы видѣли, можетъ возникнуть прежде, чѣмъ условія таковы, чтобы развилось нравственное чувство; но послѣ этого самое нарушеніе нравственныхъ требованій—именно то противорѣчіе, о которомъ мы сейчасъ говоримъ,—отражается въ сознаніи индивидуума ясно звучащимъ голосомъ нравственной санкціи. Санкція тогда отрицательная—въ формѣ угрызеній совѣсти, раскаянія въ нарушеніи того, что должно; но это—нравственная санкція. Самая неудовлетворенность успѣхомъ служить доказательствомъ того, что успѣхъ уже не является единственною санкціей, которую сознаніе теперь признаетъ.

261. Соотношеніе между этой санкціей и другими, низшими, а также разновидности этого соотношенія приводятъ къ ряду вопросовъ, интересныхъ для человѣка, занимающагося нравственной патологіей, и для криминалиста. Наука о преступленіи имѣетъ дѣло съ социальными приложеніями и социальнымъ значеніемъ нравственной санкціи, къ чему мы еще вернемся ниже; но существуютъ извѣстныя разстройства въ личной нравственной жизни индивидуума, которыя могутъ лежать въ основѣ его публичныхъ дѣйствій; такія разстройства здѣсь умѣстно будетъ очень кратко указать.

Патологическія явленія въ нравственной жизни, какъ и психологическія явленія вообще, обусловлены—если оставить въ сторонѣ наследственные дефекты—просто отсутствіемъ нормальной организаціи или систематизаціи опыта. Сочиненія новѣйшихъ психопатологовъ указываютъ на нарушеніе душевнаго синтеза или душевной организованности, какъ на причину разстройства; а психологи принимаютъ за мѣрило душевнаго здоровья и нравственной доброкачественности способность индивидуума или способность отдѣльной душевной функціи достигать сосредоточенія вниманія и мы-

шленія¹⁾. Работы французскихъ психопатологовъ, во главѣ съ Шарко²⁾, показали, что измѣненія личности, воли, нравственнаго чувства и т. д. обусловлены тѣмъ, что усвоенный матеріаль распадается на части, группируясь вокругъ различныхъ, разрозненныхъ центровъ; что въ основѣ этого лежитъ неспособность объединять съ помощью вниманія весь матеріаль, даваемый опытомъ и памятью, и, такимъ образомъ, упорядочивать жизнь въ ея цѣломъ.

Характеръ душевной болѣзни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ того, въ какой именно области или группѣ переживаній наступаетъ дезинтеграція. Въ нравственной области болѣзнь обнаруживается тогда, когда не осуществляется нормальнымъ образомъ синтезъ соціальныхъ и личныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для той формы организаціи, которая называется личнымъ «я». Разстройства въ нравственной сферѣ—это, по существу, разстройства самосознанія. И всѣ разстройства самосознанія являются нравственными разстройствами, такъ какъ они повреждаютъ пониманіе соціальныхъ и нравственныхъ цѣнностей, нарушая идеальное представленіе о «я» или нормальное подчиненіе частичныхъ представленій о «я» этому идеальному представленію. Всѣ эти разстройства стоятъ въ прямой связи съ нарушеніемъ равновѣсія между пониманіемъ чужого «я» въ его отношеніяхъ къ собственному «я» и съ неправильнымъ согласованіемъ ихъ общихъ соотношеній въ обществѣ.

На практикѣ многіе интересные случаи показываютъ, какъ реальны подобнаго рода разстройства, и какъ сильно они нарушаютъ равновѣсіе санкцій въ нравственной жизни. У человѣка можетъ быть чрезмѣрно повышено

¹⁾ Доказательства въ пользу этого общаго положенія я собралъ въ своей книгѣ «Духовное развитие дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», при чемъ въ большей мѣрѣ воспользовался изслѣдованіями Пьерра Жанэ («Психическій автоматизмъ») въ области патологій.

²⁾ Charcot, Leçons sur les Maladies Mentales; cp. Binet, Les Altérations de la Personnalité.

чувство собственного «я», благодаря чему онъ съ пренебреженіемъ относится къ другимъ и нарушаетъ соціальныя и нравственныя правила. Или же, наоборотъ, онъ впадаетъ въ меланхолію вслѣдствіе приниженности собственного «я», и у него соотвѣтственно преувеличивается представленіе о значеніи другихъ, объ ихъ власти, о преслѣдованіяхъ съ ихъ стороны и т. д. Въ этихъ случаяхъ разсудокъ часто изощряется въ уловкахъ и уверткахъ вслѣдствіе недостаточности нравственного чувства и въ ущербъ ему. При общемъ ослабленіи высшихъ задержекъ и высшаго синтеза всегда существуетъ тенденція вернуться къ жизни, опредѣляемой хитростями и влеченіями. Этимъ путемъ часто создается личность, легко поддающаяся влеченіямъ и внушеніямъ. У такого человѣка какая-нибудь навязчивая идея перепутываетъ всѣ остальные стороны душевной жизни; или же, если нѣтъ хотя одной идеи, которая прочно зашла бы въ умъ, то силы тратятся безсмысленно, и жизнь носить совершенно животный характеръ. Отсюда возникаютъ всевозможныя патологическія состоянія, и здѣсь начинаетъ играть свою важную роль понятіе объ анти-соціальности, выдвигая тѣ соціальныя проблемы, которыя связаны съ преступникомъ—душевно-больнымъ ¹⁾).

¹⁾ Таковъ и случай, о которомъ говорится въ § 201, гдѣ нарушено относительное равновѣсіе между личными и публичными элементами идеальнаго «я».

Г л а в а X.

Соціальныя санкціи личности. Соціальное противорѣчіе.

262. Соціальными санкціями являются тѣ основанія для дѣйствованія, которыя индивидуумъ получаетъ отъ окружающей его соціальной среды. Это—тѣ вліянія, которыя получили, нѣкоторымъ образомъ, представительный характеръ въ соціальной жизни и составляютъ наиболѣе важные элементы въ нравственной атмосферѣ той группы, гдѣ живетъ данный индивидуумъ. Напомнимъ, что мы уже имѣли дѣло съ аналогичнымъ понятіемъ, когда говорили о такъ называемой «соціальной наслѣдственности»¹⁾, но разница въ томъ, что соціальная наслѣдственность сказывается въ значеніи, какое имѣютъ для индивидуума эти вліянія, отражаясь на свойственномъ ему нормальномъ личномъ развитіи; иначе говоря, соціальная наслѣдственность говоритъ о томъ, чѣмъ индивидуумъ обязанъ соціальнымъ вліяніямъ, и какъ онъ ихъ воспринимаетъ. Но при этомъ не дѣлается попытки опредѣлить, какія формы принимаютъ эти вліянія въ качествѣ побудительныхъ силъ въ душѣ индивидуума. Тѣмъ не менѣе, отвѣтитъ на вопросъ о соціальныхъ санкціяхъ значитъ провести далѣе теорію соціальной наслѣдственности.

Мы говорили уже и о другомъ предметѣ, который стоитъ въ тѣсной связи съ настоящей нашей темой, именно—о «соціальныхъ вспомогательныхъ средствахъ

¹⁾ Гл. II, § 1.

для изобрѣтанія» ¹⁾). Эти «вспомогательныя средства» мы видѣли въ извѣстныхъ орудіяхъ соціального пользованія, которыя ребенокъ пріобрѣтаетъ, и которыя служатъ незамѣнимыми пособіями для его развитія и вступленія въ обладаніе соціальнымъ наслѣдствомъ. Выводы, равно какъ и методы анализа въ отдѣлѣ, посвященномъ «соціальнымъ вспомогательнымъ средствамъ» показываютъ, какими путями соціальная среда даетъ уроки индивидууму при его развитіи—особенно, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, въ великихъ областяхъ рѣчи, литературы, искусства и игры.

263. Если мы согласимся на основаніи изложенныхъ ранѣе болѣе или менѣе правильныхъ соображеній поставить себѣ свою дальнѣйшую задачу, то теперь эта задача окажется нѣсколько сокращенной. Вопросъ сводится къ слѣдующему: каковы главныя объективныя категоріи соціальной жизни, путемъ которыхъ элементы «соціального наслѣдства» индивидуума выкристаллизовались въ представляющія ихъ учрежденія въ продолженіе развитія общества? и какимъ образомъ эти учрежденія нормально санкціонируютъ дѣйствія индивидуумовъ?

Мы находимъ въ обществѣ слѣдующіе виды учрежденій, изъ которыхъ каждый по-своему санкціонируетъ дѣйствія индивидуумовъ:—

- 1) Учрежденія естественныя.
- 2) Учрежденія воспитательныя и условныя.
- 3) Учрежденія гражданскія.
- 4) Учрежденія религіозныя.

Разсмотримъ вкратцѣ эти различные виды учреждений—не для того, чтобы описывать ихъ, и не въ теоретическихъ цѣляхъ, а просто для того, чтобы показать, какимъ образомъ они въ дѣйствительности воздѣйствуютъ на каждого члена общества и даютъ его поведенію санкцію, имѣющую болѣе или менѣе принудительную силу.

¹⁾ Гл. IV.

§ 1. Естественныя санкціи.

264. Подъ «естественными» учрежденіями общества я разумѣю такіе виды соціальной организаціи, которые вытекаютъ непосредственно изъ природы человѣка. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ семья. Отношенія въ семьѣ представляютъ типическое сочетаніе вліяній, которыя уже были кратко нами отмѣчены. Они характеризуются естественнымъ «духомъ солидарности». Семейный «духъ солидарности» имѣетъ настолько прочныя корни въ душѣ индивидуума, что дѣйствовать въ интересахъ семьи для него такъ же необходимо, какъ и дѣйствовать въ своихъ собственныхъ личныхъ интересахъ. Естественность такихъ дѣйствій, обусловленныхъ семейнымъ «духомъ солидарности» сказывается въ томъ, какое важное мѣсто они занимаютъ въ жизни животныхъ.

Но естественныя санкціи не ограничиваются предѣлами семьи. Вліяніе родства можно прослѣдить по всѣмъ развѣтвленіямъ кровной связи. Болѣе того, такая же естественная связь, источники которой историки общества находятъ въ семьѣ, распространяется на различныя естественныя соединенія, на какія соціальное цѣлое распадается въ разные періоды своего развитія,—начиная съ семьи и продолжая разными формами племенной и патріархальной организаціи. На этомъ намъ нѣтъ нужды останавливаться. Нѣтъ необходимости прослѣдить и развитіе такой связи въ болѣе просвѣщенныхъ періодахъ, о которыхъ у насъ есть историческія данныя,—начиная съ феодализма въ Европѣ, гражданского объединенія въ Греціи и другихъ формъ ограниченной общественной организаціи, которыя основаны всѣ на естественной связи, и кончая формами болѣе высокихъ политическихъ и соціальныхъ учреждений. Этотъ «духъ солидарности» проявляется также въ патріотизмѣ, въ расовомъ чувствѣ, въ предразсудкахъ по отношенію къ людямъ съ другимъ цвѣтомъ кожи и т. д.

Тѣмъ, кто изучалъ философію, нѣтъ нужды также напоминать, что потребовалось много поколѣній, прежде чѣмъ возникло понятіе о всеобщемъ братствѣ. Различіе между іудеемъ и язычникомъ, рабомъ и свободнымъ человѣкомъ, грекомъ и варваромъ—это различіе въ безчисленныхъ его формахъ еще и до сихъ поръ не совсѣмъ исчезло у народныхъ массъ. Національный духъ—это лишь извѣстная форма естественнаго «духа солидарности». Всякое послѣдовательное расширеніе связи только лучше показываетъ ея реальность. Семейная связь сохраняется, хотя семейныя отношенія уже не служатъ опредѣляющимъ моментомъ для всякой соціальной организации и не мѣшаютъ созданію болѣе обширныхъ соціальныхъ соединеній. Гражданская гордость, приближающаяся въ современной нашей жизни къ семейной гордости, все же допускаетъ, чтобы помимо ея совершенствовались болѣе обширныя формы естественной организации. Національная жизнь, съ ея развѣвующимися флагами и громкими трубами, все же не уничтожаетъ привязанности къ семьѣ и къ родному городу; не совсѣмъ убиваетъ она и наиболѣе возвышенное изъ всѣхъ естественныхъ чувствованій—чувство человѣчности и всеобщаго братства. Такимъ образомъ, эта естественная соціальная санкція не просто имѣла свою исторію; она становится все болѣе разнообразной и получаетъ все большее значеніе, по мѣрѣ того какъ мы проникаемъ все глубже въ исторію эволюціи человѣчества.

265. Если мы сдѣлаемъ только одинъ шагъ дальше, мы увидимъ тѣ формы санкціи, которыя естественный «духъ солидарности» вноситъ въ жизнь индивидуума, и которыя отражаются въ поведеніи послѣдняго, какъ непосредственныя основанія его дѣйствій. Эти основанія обыкновенно не сознаются человѣкомъ. Намъ не приходится услышать, чтобы человѣкъ ставилъ себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли ему подвергать себя вмѣсто своего ребенка дѣйствию непогоды или слѣдуетъ ли ему идти на защиту своего города. Школьный герой, о которомъ

мы уже упоминали, не спрашиваетъ, какая школа—его ли собственная или находящаяся за угломъ—болѣе заслуживаетъ его преданности и его кулаковъ. А, разрѣшивъ этотъ вопросъ съ помощью болѣе прямыхъ основаній, чѣмъ доводы, онъ не предается размышленіямъ, прежде чѣмъ вступить въ драку съ уличнымъ мальчуганомъ, бранящимъ ту школу, на которую онъ самъ только что нападалъ. Такъ обстоитъ дѣло и въ болѣе важныхъ вопросахъ у взрослого человѣка: онъ борется за свою страну, когда на нее нападаютъ; за свою расу, когда вопросы о расѣ становятся на мѣсто вопросовъ, касающихся страны; за свою семью, когда ея честь задѣта; за самого себя, когда братъ попираетъ его права. Все это онъ дѣлаетъ съ такой непосредственностью, которая показываетъ, что въ каждомъ случаѣ его дѣйствія являются естественными въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова. Ихъ естественность служитъ ихъ оправданіемъ. Сказать, что человѣкъ при этомъ не имѣетъ оправданія, значитъ сказать, что вещи, которыя не являются естественными для него, все же могли бы дѣйствовать въ немъ съ большей силою. Единственное разрѣшеніе въ подобныхъ случаяхъ, это—разрѣшеніе конфликта санкцій, и такое положеніе всѣмъ довольно хорошо знакомо.

Но если мы признаемъ, что люди поступаютъ согласно этимъ непосредственнымъ естественнымъ санкціямъ, передъ нами встанетъ слѣдующій важный вопросъ: въ какомъ отношеніи находится эта социальная или публичная санкція къ ихъ собственнымъ личнымъ санкціямъ, о которыхъ мы говорили въ предшествующей главѣ? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ такимъ изысканіямъ, въ которыхъ выдвигается на первый планъ противоположность между санкціями, вытекающими изъ природы самого индивидуума, и дѣйствіями, основанными на этихъ санкціяхъ, съ одной стороны, санкціями общества и соотвѣтствующими имъ дѣйствіями—съ другой. Эта тема дастъ намъ возможность свести воедино главные теоретическія положенія, выставленные въ предше-

ствующихъ главахъ. И потому я займусь ею здѣсь, опять-таки связывая ее съ каждымъ видомъ социальныхъ санкцій, которыя намъ надо разсмотрѣть.

266. Итакъ, какое отношеніе существуетъ между естественными санкціями для дѣйствій, получаемыми отъ семьи и другихъ формъ «духа солидарности», и личными санкціями, которыя индивидуумъ имѣетъ для своихъ поступковъ? Очевидно, что это—не двѣ группы, а только одна. Ясно, что индивидуумъ, дѣйствуя подъ влияніемъ «духа солидарности», дѣйствуетъ просто въ силу влеченія. Онъ не разсуждаетъ, не колеблется и даже не ищетъ нравственного или социального оправданія, и это показываетъ, что теперь онъ находится въ сферѣ той самой принудительности, которую, при разсмотрѣніи его влеченій, мы назвали санкціей «необходимости». Несомнѣнно, арена его дѣйствій теперь иная; теперь это—социальная арена. Его дѣйствія затрагиваютъ болѣе широкій кругъ— семью, школу, корпорацию, городъ, государство,—и онъ это сознаетъ. Содержаніе его сознанія теперь иное, такъ какъ онъ думаетъ о томъ существѣ или о тѣхъ существахъ, ради которыхъ онъ дѣйствуетъ. Но это не мѣняетъ того факта, что санкціей здѣсь является просто санкція влеченія. Видѣть въ ней нѣчто иное значило бы утверждать, что свои основанія человѣкъ черпаетъ изъ другихъ источниковъ вліянія; а между тѣмъ, указать какіе-либо другіе источники рѣшительно невозможно. Если мы спросимъ у человѣка, почему онъ защищаетъ своего брата, онъ отвѣтитъ просто, какъ мы сказали выше: «потому что это—мой братъ». Онъ не можетъ указать намъ, на основаніи какого закона надо защищать брата. Быть можетъ, онъ охотно признается, что по своимъ заслугамъ и по своей нравственной цѣнности братъ вовсе не стоитъ перенесенныхъ изъ-за него страданій; и послѣ этого онъ все же защищаетъ своего брата. Здѣсь просто неприменимы санкціи, получаемыя изъ болѣе отдаленныхъ социальныхъ областей или изъ области его собственной высшей социальной и нрав-

ственной природы. Онъ поступаетъ такъ потому, что долженъ такъ поступать, и на этомъ онъ стоитъ, говоря съ той вѣрностью своей личной природѣ, которую Лютеръ на всѣ времена выразилъ въ словахъ: «Иначе я не могу».

Мы видѣли выше, почему эта форма социальной санкціи совпадаетъ съ санкціей, даваемой импульсивною природою индивидуума. Инстинкты естественной привязанности, естественнаго «духа солидарности» заложены въ самой нервной организаціи человѣка. Они стоятъ на той же основѣ, какъ всѣ его личныя свойства, какъ и тѣ реакціи, которыя носятъ по преимуществу эгоистическій и оборонительный характеръ. Ихъ отношеніе къ другимъ и, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія, высшимъ вліяніямъ жизни, это—то же отношеніе, которое существуетъ между всѣми его влеченіями и его высшими санкціями; объ этомъ отношеніи мы уже говорили, когда нѣсколько разбирались во взаимодействіи между различными формами личной санкціи.

Итакъ, заключеніе, къ которому мы приходимъ относительно соотношенія между естественными социальными санкціями и личными санкціями, состоитъ въ томъ, что первыя тождественны съ санкціей необходимости въ личной сферѣ. Въ области самопроизвольныхъ дѣйствій нѣтъ двухъ сферъ личныхъ поступковъ, изъ которыхъ одна была бы личной сферою, а другая—социальною; это противопоставленіе ошибочно; есть только одна сфера, и это—сфера, гдѣ дѣйствуетъ санкція необходимости. Соціальное значеніе поступковъ такъ же естественно для индивидуума, какъ и ихъ личное значеніе; и санкція въ обоихъ отношеніяхъ одна и та же.

267. Образчикомъ, показывающимъ чрезвычайную силу этихъ естественныхъ санкцій,—и, пожалуй, самымъ поразительнымъ образчикомъ,—можетъ служить забота родителей о слѣдующемъ поколѣніи. «Почему», спросятъ у насъ, «человѣкъ подвергаетъ себя всевозможнымъ социальнымъ ограниченіямъ, работаетъ до изнуренія, отказывается себѣ въ удобствахъ и даже въ не-

обходимомъ, чтобы откладывать деньги для своихъ дѣтей?» Его побуждаетъ къ этому не только санкція личнаго успѣха или благополучія, потому что она въ большинствѣ случаевъ или во всѣхъ случаяхъ заставила бы его учитывать шансы на основѣ обдуманнаго эгоизма и, доведенная до крайности, вызывала бы пренебреженіе къ дѣтямъ или даже подавляла бы семейный инстинктъ, такъ что слѣдующаго поколѣнія совсѣмъ не существовало бы. Но мы не видимъ, чтобы люди обыкновенно дѣйствовали такимъ образомъ. Санкція импульсивной природы появляется первою и постановляетъ иначе. Отрицаніе ея, какъ показываютъ факты, было бы для большинства людей труднѣе и приводило бы къ болѣе печальнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ подчиненіе ей,—особенно если принять во вниманіе, что семейные инстинкты въ огромной степени поддерживаются и социальными влеченіями.

Нельзя считать и неразумнымъ подчиненіе этой санкціи. Въ дѣйствительности, даже санкція разсудка не всегда бываетъ непремѣнно на сторонѣ эгоизма; это мы уже видѣли. Чисто-эгоистическіе поступки являются исключеніемъ; и если разсматривать все, чѣмъ одаренъ средній человѣкъ, это не представляется неразумнымъ. Наоборотъ, разсудокъ при нормальныхъ условіяхъ становится союзникомъ влеченій социальной и семейной жизни.

Забота о дѣтяхъ, со всѣми вытекающими изъ нея социальными послѣдствіями, имѣетъ такіе же глубокіе корни, какъ и влеченіе мыслить ¹⁾. Мѣриломъ разсудка въ этой области служить то, насколько «я», отождествляемое съ цѣлью желанія и выбора, является полнымъ «я», со всѣми его нормальными побужденіями къ дѣйствованію ²⁾. Поступать въ интересахъ такого «я»—

¹⁾ Разумѣется, съ филогенетической точки зрѣнія—болѣе глубокіе.

²⁾ См. гл. IX §§ 3, 5. Въ утвержденіи (ср. Киддъ, Соціальная эволюція), что дѣйствія, выполняемые ради потомства, не имѣютъ никакой «разумной санкціи», содержится дальнѣйшая ошибка, проистекающая изъ того, что не проводится различія между «философ-

разумно; а это «я» является, какъ показываютъ его соціальныя влеченія, въ большей мѣрѣ такого рода соціальнымъ «я», какое присуще отцу дѣтей. Разъ представленіе о «я» уже получило нравственный характеръ, крайнія эгоистическія устремленія разсудка нормальнымъ образомъ сдерживаются въ этой области, какъ и въ другихъ.

§ 2. Педагогическія и условныя санкціи.

268. Вторая группа соціальныхъ учреждений, требующихъ теперь нашего вниманія, это—учрежденія, которыя можно назвать педагогическими, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Это слово говоритъ о воспитаніи отдѣльнаго члена общества, подгото-

скими и «субъективными» цѣлями, которыя въ разные моменты приписываются дѣйствующему лицу. Въ глазахъ утилитаріаниста или сторонника гедонической теоріи выигрышемъ должно было бы казаться, напримѣръ, подавленіе полового инстинкта; съ философской точки зрѣнія это было бы «разумно»; но для самого дѣйствующаго лица единственной реальной цѣлью, которая стоитъ передъ нимъ, является психологическая цѣль, выдвигаемая инстинктомъ. Если бы у него въ сознаніи не было никакой другой цѣли, къ которой его сильно влечетъ, какимъ образомъ могъ бы онъ «разумно» принять какую либо другую цѣль? Единственный практическій результатъ его взгляда на семейную жизнь, какъ на нѣчто неразумное,—если онъ принимаетъ философскую или гедонистическую санкцію,—вытекаетъ изъ возможности принять предупредительныя мѣры, прежде чѣмъ вступать въ силу естественныя санкціи; т.-е. воспользоваться случаемъ, чтобы, пока еще не испытываются соціальныя эмоціи, обезпечить свою «разумность» на то время, когда эти эмоціи появятся. Нѣчто въ этомъ родѣ должно оказывать свое вліяніе тамъ, гдѣ наблюдается уменьшеніе рождаемости въ высшихъ классахъ общества, а во Франціи и среди всего народа, какъ показываетъ статистика. Это обусловливается, повидимому, какимъ-то смѣшеніемъ пессимистической соціальной философіи съ практическимъ гедонизмомъ,—такимъ сочетаніемъ санкцій, которое, будучи возможно у отдѣльныхъ личностей, отражалось бы въ подобномъ случаѣ непосредственно и на обществѣ. По поводу этой формы такъ называемаго «мальтузіанства» см. Гюйо, Безвѣріе будущаго, гл. VII, и замѣчательное статистическое изслѣдованіе Karl Pearson, Chances of Death, т. I, 3.

вляющемъ его къ его будущему мѣсту и будущей дѣятельности въ жизни. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на общество, чтобы увидѣть, что такія учрежденія играютъ важную роль въ социальной экономіи, что они даютъ рядъ наиболѣе важныхъ санкцій, которыя вліяютъ на всякаго нормальнаго члена общества.

На-ряду съ этими учрежденіями стоятъ учрежденія «условныя»; такъ я называю тѣ учрежденія, которыя обязаны своей устойчивостью общественному мнѣнію, экономическимъ и промышленнымъ потребностямъ и т. д., но стоятъ позади юридическихъ и гражданскихъ учреждений, имѣющихъ исполнительные органы для того, чтобы принудительнымъ путемъ осуществлять свои постановленія.

Нѣтъ нужды въ подробностяхъ разсматривать здѣсь воспитательныя и условныя учрежденія, такъ какъ даваемые ими санкціи одного и того же рода, каковы бы ни были различія въ организациі самихъ учреждений. Школа, университетъ, верстакъ ремесленника, конторка писца, торговая контора — все требуетъ отъ индивидуума подчиненія извѣстнымъ правиламъ какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, которыя являются существенными для того, чтобы онъ съ успѣхомъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ общества сообразно избранному имъ условіямъ жизни. Итакъ, чтобы дѣйствовать, надо сперва учиться, и этотъ фактъ даетъ основанія для той линіи поведенія, которой человѣкъ слѣдуетъ въ дѣйствительности. Намъ надо теперь разсмотрѣть, какимъ образомъ указанный фактъ даетъ эти основанія; самыя же «основанія», это—социальныя санкціи.

269. Для начала мы можемъ разбить на двѣ главныхъ группы всѣ дѣйствія, обусловленныя этими вліяніями: въ одну группу войдутъ дѣйствія, согласованныя съ такими правилами, которымъ человѣкъ принужденъ подчиняться; въ другую войдутъ тѣ дѣйствія, когда человѣкъ подчиняется добровольно или самопроизвольно. Очевидно, что къ послѣдней группѣ относятся многіе

виды стѣсненій, дисциплины и т. д., которымъ человѣкъ по необходимости долженъ подчиняться; но тотъ фактъ, что человѣкъ подчиняется имъ по своей волѣ, позволяетъ отнести ихъ ко второй изъ упомянутыхъ группъ ¹⁾).

Разсмотримъ сперва тѣ воспитательныя вліянія,—въ самомъ широкомъ смыслѣ, — которымъ человѣкъ, обучающійся соціальной жизни, добровольно подчиняется для того, чтобы учиться. Эти дѣйствія, очевидно, относятся къ педагогической дисциплинѣ, которая появляется въ жизни довольно поздно, когда учащійся или соціально дѣйствующій человѣкъ свободно выбираетъ путь, какимъ онъ намѣренъ идти, и тѣ средства, тѣ степени совершенства и т. д., которыя представляются ему хорошими. Мы говоримъ обо всѣхъ этихъ вліяніяхъ сразу потому, что они совсѣмъ не являются особыми соціальными вліяніями, разъ индивидуумъ, избравъ ихъ, сдѣлалъ ихъ своими личными. Это будетъ болѣе ясно, если мы станемъ разсматривать ихъ со стороны санкцій. Санкціи сразу становятся личными, дѣлаясь сознательными основаніями, въ силу которыхъ поступаетъ индивидуумъ, хотя онѣ остаются и соціальными. Онѣ всегда являются соціальными, такъ какъ представляютъ собою предписанія, даваемые обществомъ для успѣшной работы въ той или иной области. Но индивидуумъ слѣдуетъ имъ, не какъ соціальнымъ предписаніямъ; и санкціи, даваемые обществомъ, дѣйствуютъ на него не только потому, что это—предписанія общества. Выбирая ту или иную линію поведенія, тотъ или иной поступокъ, человѣкъ разсматриваетъ ихъ въ своей душѣ какъ объекты желанія; такимъ образомъ, онъ подчиняетъ себя, въ данныхъ областяхъ дѣйствованія, санкціи желанія.

И потому къ этому случаю также приложимы тѣ соображенія относительно санкціи желанія, которыя были

¹⁾ Многія предписанія, которымъ человѣкъ принужденъ подчиняться, принадлежатъ къ группѣ «гражданскихъ санкцій» (см. § 275), которую нельзя строго отграничить отъ разсматриваемой группы, какъ видно будетъ по конечнымъ результатамъ.

уже высказаны выше (гл. IX, § 3). И мы можем сразу сказать, что социальныя предписанія педагогическаго или условнаго характера, которыя индивидуумъ добровольно принимаетъ въ качествѣ объектовъ желанія, являются, безъ всякихъ измѣненій, личными предписаніями и, слѣдовательно, получаютъ личную санкцію. Отсюда само собою вытекаетъ, что совершенно невозможно противопоставлять здѣсь другъ другу личныя и социальныя вліянія и такимъ же образомъ разграничивать дѣйствія, къ которымъ ведутъ эти вліянія.

270. Переходя къ нѣкоторымъ изъ остальныхъ педагогическихъ вліяній,—къ тѣмъ, которымъ индивидуумъ подчиняется въ силу примѣра или внушенія, не выбирая ихъ самъ или не зная, что онъ имъ подчиняется,—мы должны выяснить, какого рода санкціи даются этими вліяніями, и въ какомъ отношеніи эти санкціи стоятъ къ личнымъ санкціямъ. Полезно отмѣтить, что эта группа и предыдущая не исключаютъ другъ друга у различныхъ индивидуумовъ и даже у одного и того же индивидуума. Определенныя социальныя санкціи могутъ добровольно приниматься однимъ человѣкомъ и отвергаться другимъ; такіе случаи достаточно обычны. И одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ то принимать, то отвергать извѣстныя предписанія. Поэтому, классифицируя ту группу случаевъ, о которой шла рѣчь, мы не связывали ее съ какимъ либо определеннымъ социальнымъ правиломъ; мы только нашли, что во всѣхъ случаяхъ, когда у дѣйствующаго лица есть извѣстное сознательное отношеніе къ правилу какого бы то ни было рода, его санкція опредѣляется его отношеніемъ.

Во второмъ случаѣ—т.е. когда такое отношеніе отсутствуетъ—мы находимъ рядъ интересныхъ положеній. Здѣсь получаютъ значеніе всѣ явленія социальной наслѣдственности, о которыхъ мы подробно говорили выше,—явленія, въ которыхъ мы видимъ, какъ ребенокъ или взрослый человѣкъ безъ усилій или безъ сознательнаго выбора усваиваетъ все, что принадлежитъ ему по его социальному праву рожденія,—начиная съ первыхъ

уроковъ поведенія и кончая его послѣдними подражательными реакціями на даваемые окружающими «образцы» въ области моды, одежды, мнѣній и т. д., а также въ болѣе обширныхъ областяхъ литературы, искусства, политическихъ взглядовъ, гуманныхъ и филантропическихъ чувствованій и соціальной сообразности вообще. Каковы же санкціи для этихъ дѣйствій?

271. Есть два общихъ понятія, которыя приблизительно одинаково приложимы къ этимъ явленіямъ; съ обоими понятіями мы теперь довольно хорошо знакомы. Указанныя дѣйствія, повидимому, приблизительно въ равной мѣрѣ санкционируются, съ одной стороны, «собственно соціальной эмоціей» индивидуума (см. гл. VI, § 4), а съ другой—его чувствительностью къ «общественному мнѣнію».

Подъ «собственно соціальной эмоціей», какъ помнитъ читатель, мы понимали явленія коллективнаго дѣйствованія, зараженія чувствованіемъ, вліянія толпы и т. д. Обо всемъ этомъ именно теперь очень любятъ говорить авторы, пишущіе на соціальныя темы и имѣющіе склонность къ психологіи. Произведенное нами изслѣдованіе этихъ явленій даетъ намъ возможность отвести этимъ факторамъ коллективнаго дѣйствованія ихъ надлежащее мѣсто по отношенію къ индивидууму. Мы пришли къ выводу, что въ этихъ явленіяхъ обнаруживаются лишь въ чрезмѣрной степени стадныя тенденціи или влеченія, на которыхъ основывается вся соціальная жизнь, и что, слѣдовательно, они возникаютъ путемъ подражанія. Вотъ тотъ типъ функций, къ которому могутъ быть сведены всѣ эти наклонности¹⁾. Все развитіе индивидуума, какъ въ области обученія, такъ и въ области изобрѣтанія, совершается путемъ подражанія. Въ томъ душевномъ строѣ, который характеренъ для человѣка, какъ соціальнаго существа, непременно должно содержаться, помимо всего прочаго, влеченіе или инстинктъ подражанія. Если только это

¹⁾ См. также ниже, гл. XII, § 4.

влеченіе получаетъ возможность дѣйствовать безъ задержекъ или съ поощреніемъ въ какой-нибудь группѣ людей,—въ результатѣ сами собою получаютъ коллективные дѣйствія или сотрудничество.

Помимо тѣхъ случаевъ, когда коллективное внушеніе даетъ этому влеченію возможность проявиться (чему крайнимъ примѣромъ служатъ дѣйствія толпы), оно постоянно имѣетъ возможность проявляться въ сферѣ воспитанія. При воспитаніи подражаніе не только не сдерживается, но, наоборотъ, его все время вызываютъ и поощряютъ. Ребенокъ, который не подражаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и не учится. Отсюда, слѣдовательно, нетрудно прійти къ выводу, что основаніе, въ силу котораго индивидуумъ поступаетъ согласно педагогическимъ и условнымъ предписаніямъ, заключается просто въ томъ, что онъ чувствуетъ побужденіе къ самопроизвольному подражанію всюду, гдѣ это возможно; и это основаніе служить его санкціей.

272. Къ тому же заключенію мы приходимъ, анализируя тотъ процессъ, путемъ котораго индивидуумъ познаетъ самого себя. Излишне повторять, что чувство собственнаго «я» развивается благодаря постоянному усвоенію тѣхъ внушеній личности, которыя ребенокъ получаетъ отъ окружающихъ. Онъ долженъ узнать другихъ людей, чтобы быть въ состояніи узнать самого себя. Но единственный способъ узнать другихъ, это—дѣлать то, что они дѣлаютъ, чтобы чувствовать то, что они чувствуютъ и знать то, что они знаютъ. Далѣе, послѣ того какъ онъ уже уяснилъ себѣ съ помощью подражанія свое представленіе о собственномъ «я», единственное средство обогатить другія личности тѣми же качествами, это—подражательнымъ способомъ приписывать имъ все то, что онъ знаетъ о самомъ себѣ. Для насъ здѣсь важенъ фактъ, что оба процесса являются процессами подражанія. Они совершаются путемъ отдѣльныхъ подражательныхъ актовъ; и дѣйствительная санкція для всѣхъ поступковъ ребенка или взрослого человѣка, согласованныхъ съ требованіями

ми общества (при чемъ согласованность сказывается въ его личныхъ эмоціяхъ и отношеніяхъ), это—та санкція, которую выражаетъ его подражаніе.

Однако, подражаніе носить импульсивный и самопроизвольный характеръ. Во всѣхъ формахъ дѣйствования, къ которымъ оно побуждаетъ, оно подходитъ подъ категорію влеченій и, слѣдовательно, имѣетъ ту же санкцію, какую имѣютъ влеченія вообще, именно—санкцію психологической необходимости¹⁾. Поэтому мы приходимъ къ заключенію, что санкціей всѣхъ элементовъ дѣйствования въ педагогической сферѣ, которые вытекаютъ изъ самопроизвольнаго согласованія индивидуума съ тѣмъ, чему онъ путемъ подражанія учится у общества,—что санкціей всѣхъ такихъ дѣйствій является необходимость; и такимъ образомъ мы снова возвращаемся къ личному типу санкціи.

273. Точно такъ же къ личной санкціи сводятся (скажемъ и это сразу) и остальные элементы этихъ дѣйствій, отличающихся педагогической и условной согласованностью,—элементы, о которыхъ мы говорили выше, обозначая ихъ, какъ вліяніе общественнаго мнѣнія. Ихъ мы уже описывали и рассматривали въ связи съ социальнымъ и нравственнымъ чувствованіемъ²⁾. Слово «публичность» мы употребляли для того, чтобы отмѣтить социальную сторону нравственныхъ дѣйствій. Мы указали значеніе, какое публичность имѣетъ для развитія нравственнаго и социальнаго чувства; и надо только припомнить ту роль, которую представленіе о чужомъ «я» играетъ во всемъ развитіи человѣка, чтобы увидѣть, что общественное мнѣніе получаетъ свою санкцію не отъ факта своей публичности (въ объективномъ смыслѣ, т.-е. отъ того, что оно является общимъ или открытымъ

¹⁾ Тамъ, гдѣ оно становится намѣреннымъ, какъ, напримѣръ, при «настойчивомъ» подражаніи и хотѣніи, оно подходитъ подъ предыдущую категорію, т.-е. категорію дѣйствій, имѣющихъ личную санкцію желанія.

²⁾ Гл. VIII, §§ 2, 3.

для всѣхъ людей), а отъ того, что оно личностью понимается, какъ публичное (т.-е. отъ того, что индивидуумъ въ своемъ мышленіи приписываетъ ему характеръ публичности). Всякое социальное знаніе должно имѣть для меня и публичное, и личное значеніе, и только при этомъ условіи оно можетъ оказывать какое-нибудь вліяніе на мои дѣйствія, давая имъ извѣстную санкцію. И тогда личная сторона дѣлаетъ санкцію личной санкціей.

Чтобы пояснить это, напомнимъ, что ребенокъ, даже въ періодъ своихъ самопроизвольныхъ дѣйствій, не можетъ относиться къ другимъ съ тѣмъ уваженіемъ, которое подобаешь личности, — съ должнымъ уваженіемъ къ ихъ мнѣнію, являющемуся для него общественнымъ мнѣніемъ,—если онъ не займетъ такой личной позиціи, при которой, думая о другихъ, объ обществѣ, онъ думаетъ также и о самомъ себѣ. Когда онъ думаетъ о томъ, что выполненіе какого-нибудь дѣйствія другими людьми хорошо, что оно санкціонируется, онъ тѣмъ самымъ необходимо думаетъ, что если и онъ самъ выполнить это дѣйствіе,—это будетъ хорошо, будетъ санкціонировано. Хорошо, чтобы данное дѣйствіе было выполнено, вотъ къ чему онъ приходитъ; а будетъ ли оно выполнено имъ самимъ или другими,—это безразлично. Это вытекаетъ изъ единства чувства «я».

Обращаясь къ тому, какую роль играетъ общественное мнѣніе въ интеллектуальномъ періодѣ, мы и здѣсь сразу находимъ возможность использовать ранѣе добытые результаты. Чувство, вызываемое общественнымъ мнѣніемъ, надо отличать отъ самого общественного мнѣнія. Общественное мнѣніе можетъ вліять на умственные процессы какого-нибудь человѣка, хотя бы послѣдній и не думалъ объ общественномъ мнѣніи или даже не зналъ, что оно вліяетъ на него. Каждый такой случай подходитъ подъ одну или другую изъ только что разсмотрѣнныхъ категорій: либо это — случай безсознательнаго социальнаго согласованія путемъ подражанія, и тогда онъ подлежитъ санкціи влеченія; либо это—

случай соціального и нравственнаго сужденія и чувствованія, подлежащій санкціи желанія.

Но человекъ можетъ дѣйствовать, имѣя опредѣленно въ виду общественное мнѣніе, однимъ или нѣсколькими способами, которые мы уже разобрали. Либо онъ поступаетъ извѣстнымъ образомъ съ намѣреніемъ измѣнить, умиротворить, убѣдить другихъ людей,—и тогда его дѣйствія опять подлежатъ личной санкціи желанія; либо онъ поступаетъ по соображеніямъ выгоды, полагаясь на болѣе или менѣе правильное знаніе того, что другіе люди одобрятъ или осуждаютъ. Послѣдній случай отвѣчаетъ только что сдѣланному анализу, гдѣ мы нашли, что вслѣдствіе взаимодѣйствія личностей, обозначаемыхъ словами «я» и «другой», человекъ, сознавая сужденіе другого, при этомъ невольно думаетъ и о себѣ, какъ о раздѣляющемъ это сужденіе. Благодаря этому санкція, которая теперь носитъ нравственный характеръ, становится личной. Мы еще вернемся къ этому, когда будемъ разсматривать болѣе нравственныя вліянія, которыя общество оказываетъ на отдѣльную личность.

Или же человекъ можетъ дѣйствовать съ тѣмъ, чтобы использовать общественное мнѣніе или какую-нибудь иную форму соціального вліянія для какой-либо косвенной личной цѣли. Этотъ процессъ мы довольно подробно описывали, когда характеризовали переходъ ребенка въ интеллектуальный періодъ. Очевидно, что въ такомъ случаѣ вліяніе общественнаго мнѣнія совершенно выносятся изъ соціальной сферы въ сферу личныхъ цѣлей; и санкція здѣсь явно опять превращается въ санкцію желанія.

Такимъ образомъ, мы должны заключить, что вліяніе общественнаго мнѣнія проявляется повсюду, прежде всего, черезъ посредство личной санкціи индивидуума, какъ бы ни были различны эти санкціи у разныхъ индивидуумовъ; и что въ этой области противопоставленіе другъ другу личныхъ и соціальныхъ санкцій, опять-таки, ошибочно, потому что исключительно-соціальныхъ санкцій, собственно, не существуетъ.

274. Остается еще только одна сторона педагогической проблемы, касающаяся этого вопроса о санкціях: принудительное согласованіе съ социальными требованіями. Есть извѣстныя вещи, которымъ ребенокъ и взрослый человѣкъ долженъ научиться, чтобы жить въ обществѣ,—подобно тому какъ есть вещи, которыя онъ долженъ дѣлать,—извѣстныя обязанности по отношенію къ обществу,—чтобы жить. Но то, чему человѣкъ долженъ учиться, подходитъ, въ дѣйствительности, подъ другую категорію — категорію дѣланія. Ученіе, это—вещь, которую онъ долженъ дѣлать. И такъ какъ санкціи слѣдующей нашей группы—«гражданскія» санкціи—распространяются и на такіе случаи дѣйствованія въ силу принужденія, то мы и вернемся къ этому виду ученія въ слѣдующемъ параграфѣ.

§ 3. Гражданскія санкціи.

275. Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ великихъ учреждений въ социальной жизни, которыя сохраняются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ памятники того, что въ наибольшей мѣрѣ присуще только человѣку; это—учрежденія административныя, законодательныя, судебныя и т. д. Очевидно, конечно, что мы не можемъ пытаться въ предѣлахъ настоящаго очерка дать—даже если бы мы были подготовлены къ этому—философію этихъ великихъ постоянныхъ социальныхъ и политическихъ учреждений. Уже тотъ фактъ, что мы соединяемъ ихъ въ одну группу въ предлагаемой здѣсь схемѣ, свидѣтельствуетъ о нашемъ намѣреніи разсматривать только одну ихъ сторону. Этой стороною являются даваемые ими санкціи. И этимъ оправдывается соединеніе въ одну группу такихъ вещей, которыя въ иныхъ отношеніяхъ такъ обособлены другъ отъ друга. Я хочу сказать, что область всѣхъ этихъ учреждений социального характера, которымъ человѣкъ долженъ подчиняться, если онъ хорошій гражданинъ,—и которымъ его заставляютъ подчиняться, если онъ плохой гражданинъ,—одна и та

же, съ точки зрѣнія даваемыхъ ими санкцій, которыя мы называемъ «гражданскими санкціями».

Вопросъ, встающій передъ нами въ такой постановкѣ, касается природы этой гражданской санкціи. Находимъ ли мы здѣсь въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ отдѣльному человѣку обществомъ и его учрежденіями, какое-либо основаніе или санкцію для такихъ дѣйствій, которыя носятъ опредѣленно соціальный характеръ, т.-е. санкцію, которой ничто не соотвѣтствуетъ въ личной природѣ дѣйствующаго индивидуума?

276. На первый взглядъ кажется, что мы должны отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ. И лица, знакомыя съ современной соціалистической литературою, знаютъ, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ является первымъ и единодушно принимаемымъ положеніемъ нынѣшняго соціализма. Разумѣется, для теорій, проповѣдующихъ нигилизмъ и анархизмъ, характерно утвержденіе, что общество въ своихъ великихъ учрежденіяхъ, законахъ, судахъ, частной собственности и т. д. представляетъ собою огромную силу, которая насильственно подчиняетъ отдѣльнаго человѣка своимъ предписаніямъ вопреки его волѣ, а во многихъ случаяхъ вопреки его разуму и его сужденіямъ. Полезно присмотрѣться къ крайней формѣ этого ученія, чтобы распознавать его и въ смягченныхъ формахъ, въ какихъ оно представляется въ соціализмѣ. Мнѣ кажется, что современная соціалистическая пропаганда черпаетъ свою силу изъ двухъ элементовъ своего ученія: во-первыхъ, изъ дѣйствительнаго возвращенія къ индивидуализму, такъ какъ это ученіе вполнѣ признаетъ автономію индивидуума, дѣйствующаго подъ вліяніемъ санкцій чистоличнаго характера; и, во-вторыхъ, изъ предположенія о существованіи дѣйствительнаго противорѣчія между интересами и санкціями индивидуума, съ одной стороны, и интересами и санкціями соціальной группы, какъ она теперь слагается въ общество,—съ другой. Первый изъ этихъ элементовъ сказывается въ допущеніи, что индивидуумъ способенъ самъ управ-

влять собою безъ того принудительнаго механизма, съ помощью котораго общество передаетъ отдѣльнымъ людямъ накопленную и продолжающую развиваться мудрость многихъ поколѣній. Это положеніе позволяетъ, конечно, возразить противъ социалистическаго ученія, что индивидуумъ, въ концѣ-концовъ, все же очень убогое существо; что неудобно довѣрять ему въ ожиданіи, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь лучшее, разъ онъ уже испортилъ то, что получено отъ прошлаго. Но я не намѣренъ обсуждать этотъ вопросъ, такъ какъ насъ занимаетъ, главнымъ образомъ, второй элементъ социалистической теоріи.

Второй элементъ—допущеніе, что существуетъ дѣйствительное противорѣчіе между требованіями, которыя предъявляетъ къ человѣку гражданскій строй его эпохи, и требованіями его собственной природы,—мнѣ кажется, фигурируетъ во всѣхъ современныхъ социалистическихъ доктринахъ. И здѣсь должно, въ дѣйствительности, существовать нѣкоторое противорѣчіе, потому что социалистическіе писатели какъ будто свидѣтельствуютъ о такомъ противорѣчьи своимъ личнымъ отношеніемъ ¹⁾).

Но отношенія между индивидуумомъ и окружающей его социальной средою таковы, что намъ приходится выставить два положенія, подъ которыя должны подойти разныя стороны вопроса, если предшествующія разсужденія привели насъ къ правильнымъ взглядамъ. Эти положенія мы выставимъ и затѣмъ разовьемъ, имѣя въ

¹⁾ Чтобы не быть несправедливымъ, надо сказать, что социалистическій идеалъ содержитъ только первое требованіе—требованіе полной гармоніи между индивидуумомъ въ обществѣ и тѣмъ центральнымъ органомъ, которому онъ согласенъ предоставить веденіе общественныхъ дѣлъ. Но именно этой мысли, повидимому, противорѣчитъ практическое отношеніе социалиста къ гражданскимъ учрежденіямъ. Къ такому идеалу можно было бы приблизиться только путемъ согласованнаго дѣйствія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, которое давало бы возможность обществу и индивидууму вмѣстѣ идти къ ихъ общей цѣли.

виду утверждение о противорѣчии между двумя указанными факторами.

I. Мы находимъ основанія проводить различіе между среднимъ человѣкомъ и исключительнымъ человѣкомъ; между человѣкомъ нормальнымъ съ соціальной точки зрѣнія и человѣкомъ замѣчательнымъ съ этой же точки зрѣнія; представителями второй категоріи будутъ, если брать крайнія формы душевныхъ разновидностей, съ одной стороны—геній, съ другой—душевно-больной.

II. Противорѣчіе между гражданскими и личными санкціями возникаетъ только для исключительнаго человѣка или для исключительныхъ сужденій средняго человѣка.

277. По поводу обоихъ этихъ положеній рассмотримъ сперва «средняго человѣка», при чемъ остановимся нѣсколько подробнѣе на первомъ положеніи; ибо хотя никто не станетъ отрицать, что существуютъ средніе люди и исключительные люди, однако для пониманія нижеслѣдующихъ разсужденій надо ясно уразумѣть это съ соціальной и этической точекъ зрѣнія.

I. «Средній», съ соціальной точки зрѣнія, человѣкъ—это такой человѣкъ, который нормальнымъ образомъ проходитъ стадіи соціальнаго ученія, какимъ соотвѣтствуютъ уже рассмотрѣнныя нами педагогическія санкціи. Выясняя вопросъ о томъ, какими качествами долженъ обладать кандидатъ на предлагаемое обществомъ наслѣдство, мы видѣли, что такихъ качествъ два: 1) онъ долженъ быть способенъ учиться, и 2) онъ долженъ быть способенъ учиться однимъ и тѣмъ же вещамъ¹⁾. Только при условіи, что люди обладаютъ этими качествами, возможно вообще развитіе соціальныхъ учреждений. Ибо, какъ мы тоже видѣли, если бы значительная часть дѣтей какого-нибудь поколѣнія была склонна возставать противъ педагогическихъ санкцій своей среды, или

¹⁾ Гл. II, § 1.

была надѣлена такой наслѣдственностью, благодаря которой невозможно извлекать выгоду изъ уроковъ, даваемыхъ обществомъ,—тогда общество должно было бы тотчасъ же погибнуть,—развѣ только въ его распоряженіи имѣлись бы инья средства, помимо обращенія къ отдѣльнымъ личностямъ, чтобы придать силу тѣмъ санкціямъ, которыя предписываются его организаціями. Всегда долженъ существовать средній человѣкъ, въ которомъ представлены двѣ вещи: во-первыхъ, такая степень врожденной соціальной одаренности, какая нормальнымъ образомъ развивается сообразно установленнымъ соціальнымъ обычаямъ и требованіямъ; во-вторыхъ, его зрѣлыя мнѣнія должны соответствовать обычаямъ, симпатіямъ и формулированнымъ требованіямъ соціальной согласованности, какъ таковой.

Послѣднее условіе труднѣе видѣть осуществленнымъ, но оно—дѣйствительное условіе. Развитие нравственного чувства, чувства опредѣленно-соціального, которое связано съ нравственнымъ, придаетъ тотъ «публичный» характеръ идеальнымъ сужденіямъ индивидуума, который означаетъ (какъ мы видѣли въ § 200), что общество какъ бы знаетъ о личныхъ поступкахъ человѣка и согласно съ нимъ въ его сужденіяхъ объ этихъ поступкахъ. Это—необходимая черта у всѣхъ достигшихъ зрѣлости членовъ общества. Предписанія общества получаютъ силу первоначально благодаря тому, что многіе индивидуумы признаютъ эту «публичность» сужденій и то объективное согласіе, на которомъ эта «публичность» основана. Затѣмъ сужденія переходятъ въ юридическія формулы и, такимъ образомъ, кристаллизуются въ учрежденіяхъ. Но позади нихъ остаются и должны оставаться люди, представляющіе именно тотъ средній уровень достигнутаго соціального развитія, который воплощенъ въ гражданскихъ законахъ.

Эти люди, опредѣляющіе собою, такъ сказать, соціальный уровень, служатъ для общества апелляціонною инстанціей,—не въ качествѣ индивидуумовъ, а въ качествѣ носителей мѣрилъ, мѣрилъ самого общества,

которыя они представляют въ своей совокупности. Разумѣется, оба указанныхъ качества средняго чело-вѣка не обособлены другъ отъ друга, и второе изъ нихъ онъ получаетъ только при посредствѣ перваго. Только благодаря воспитанію онъ можетъ усвоить тѣ сужденія, чувствованія и т. д., которыя въ концѣ-концовъ дѣлаютъ его пригоднымъ для роли носителя общественныхъ мѣрилъ его времени. И читатель, знако-мый съ психологіей, легко пойметъ, какое значеніе все это имѣетъ для развитія самого индивидуума. Когда онъ доходитъ до соціальной согласованности своихъ личныхъ сужденій, это отражается на самомъ развитіи его личности; а когда его сужденія получаютъ тотъ «публичный» характеръ, благодаря которому чело-вѣкъ становится надежной опорой соціальныхъ учреждений своей страны и своего времени, это также является су-щественно-важнымъ моментомъ въ его личномъ развитіи.

278—II. Перейдемъ ко второму нашему утвержде-нію, касающемуся средняго чело-вѣка. Можетъ ли существовать противорѣчіе между соціальными сан-кціями, опредѣляющими его жизнь, сообразную съ тре-бованіями общества, и личными санкціями, устанавли-ваемыми его собственной природой? Возможно ли, чтобы онъ сообразовался съ гражданскими законами своей страны и своего времени, несмотря на протесты со стороны своей собственной природы?

Здѣсь передъ нами одна изъ самыхъ сложныхъ сто-ронъ развитого соціальнаго сознанія, и мы не разсчи-тываемъ, что скажемъ что-нибудь окончательное отно-сительно нея. Я полагаю, однако, что проведенныя нами разграниченія помогутъ намъ намѣтить основныя линіи для частичнаго отвѣта. Различіе между тѣмъ, что нор-мально, и тѣмъ, что исключительно, надо провести далѣе въ двухъ направленіяхъ.

1. Во-первыхъ, люди въ предѣлахъ нормальнаго различно относятся къ тѣмъ или инымъ санкціямъ, ко-торыя являются общими для всѣхъ. Мы уже видѣли,

что одни люди отдають предпочтеніе умственной санкціи; у нихъ она управляетъ влеченіями и, до нѣкоторой степени, также нравственными чувствованіями. Другіе, наоборотъ, живутъ преимущественно влеченіями; третьи обнаруживаютъ особенно утонченную нравственную чувствительность.

Такое различіе между людьми—если не выходитъ изъ круга среднихъ людей—создаетъ одну возможность конфликта между социальными и личными санкціями; эта возможность представлена въ чистомъ теоретикѣ или диссидентѣ. Это — человекъ, который разсуждаетъ объ обществѣ, основываясь исключительно на умственной санкціи. Къ этой категоріи людей принадлежитъ, на мой взглядъ, большинство социалистическихъ писателей; они сами по своему воспитанію представляютъ тотъ средній уровень, который получается отъ жизни, нормальнымъ образомъ согласованной съ требованіями общества, и обыкновенно выражаютъ также обычныя сужденія о житейскихъ дѣлахъ въ обществѣ; но они выходятъ изъ этихъ предѣловъ обычнаго, прилагая санкцію разсудка въ такихъ вопросахъ, которые не допускаютъ чисто разсудочнаго рѣшенія. Ибо въ своихъ разсужденіяхъ они нарушаютъ другія санкціи, которыя все же сохраняютъ силу, и на которыхъ основаны учрежденія общества.

Здѣсь важно отмѣтить нѣчто большее, чѣмъ противорѣчіе между личными и социальными элементами; здѣсь передъ нами—противорѣчіе между двумя видами личной санкціи. Мы встрѣчаемъ здѣсь среднее социальное сужденіе, но не поддерживаемое разсудкомъ, и отсюда возникаетъ конфликтъ личныхъ санкцій. Теоретикъ индивидуализма получаетъ изъ соединеннаго дѣйствія своихъ личныхъ санкцій иной результатъ, чѣмъ тотъ, какой получается у средняго человека; это даетъ ему возможность дѣлать новыя умственные выводы съ соотвѣтствующими социальными слѣдствіями. И вотъ онъ возвышаетъ свой голосъ противъ суще-

ствующаго соціального строя, основываясь на данныхъ разсудка; но такъ какъ въ то же время онъ принимаетъ личныя санкціи, то на практикѣ остается въ предѣлахъ сообразности съ требованіями общества.

Крайнимъ примѣромъ, гдѣ представлена эта интересная борьба санкцій, является анархистъ. Это—человѣкъ, умственный, гедоническія или экономическія санкціи котораго приводятъ его къ открытому возмущенію противъ соціального порядка. Но мнѣ кажется, что онъ не принадлежитъ къ числу среднихъ людей, такъ какъ общепринятая соціальная санкція воспроизводится у него столь неудовлетворительнымъ образомъ.

279—2. Второе различіе, которое можно провести между среднимъ и исключительнымъ,—оставаясь все же въ предѣлахъ средней категоріи,—касается сужденій одного и того же лица. Сужденія средняго человѣка колеблются между обычными и исключительными. Всѣмъ извѣстно, что у людей бываютъ свои «слабыя мѣста». Многіе изъ насъ проявляютъ настоящее болѣзненное разстройство по отношенію къ опредѣленнымъ вещамъ. Наши друзья относятся къ намъ снисходительно, когда намъ случится «сѣсть на своего конька». Психологію «слабыхъ мѣстъ» не трудно было бы написать: здѣсь дѣло идетъ о какой-нибудь апперцепціонной системѣ, которая пользуется предпочтеніемъ и разрослась до необычайныхъ размѣровъ. Это не трудно представить въ видѣ извѣстнаго взаимодействія санкцій. Человѣкъ иногда такъ ясно видитъ основанія для какой-нибудь вещи,—безразлично, будутъ ли то основанія личныя, соціальныя, умственные, нравственныя,—что эта вещь заслоняетъ собою въ его умѣ другія вещи, для которыхъ онъ также видѣлъ бы санкцію, если бы только когда-нибудь остановился на мысли о нихъ ¹⁾. И когда эти другія вещи пользуются

¹⁾ Или же ему кажется, что его мнѣніямъ принадлежитъ «санкція истины», между тѣмъ какъ эта санкція должна была бы принадлежать болѣе обширной системѣ истинъ.

вниманіемъ у другихъ людей и, быть можетъ, получаютъ болѣе сильную санкцію, чѣмъ та вещь, которою занять его умъ, онъ вступаетъ въ конфликтъ съ другими людьми и ихъ учрежденіями. Обще распространенное теперь возмущеніе противъ брака — носящее, къ счастью, по преимуществу литературный и теоретическій характеръ — является однимъ изъ крупнѣйшихъ случаевъ этого рода. Санкція чувства, которую эмоциональная жизнь, повидимому, даетъ иногда нарушеніямъ законовъ супружества, представляется — на примѣръ, въ глазахъ Грантъ Аллена (о немъ можно говорить, такъ какъ онъ самъ опубликовалъ свои мнѣнія) — столь важною, что оправдываетъ возмущеніе противъ соціальныхъ предписаній нынѣшняго общества. Соціальныя санкціи брака, проявляющіяся въ существованіи и обособленной жизни — со всѣмъ, что это означаетъ для теоріи соціальныхъ санкцій, особенно съ ея педагогической и нравственной стороны, — все это, надо думать, въ глазахъ такого писателя перевѣшивается санкціей личнаго характера, которая выражена фразою: *la mariage c'est l'injustice* («бракъ — это несправедливость»). Но это въ основѣ не есть противорѣчіе между соціальными и личными санкціями; скорѣе это, опять-таки, противорѣчіе между различными санкціями, вступающими по поводу какого-либо частнаго вопроса въ душѣ человѣка, который въ другихъ отношеніяхъ сообразуется съ сужденіями, представленными въ учрежденіяхъ общества. Когда дѣло доходитъ до обсуждения со стороны людей, мы видимъ столкновеніе между умственными и соціальными санкціями, о которомъ я еще буду говорить ниже.

Существуетъ также извѣстнаго рода конфликтъ, возникающій въ собственныхъ противорѣчіяхъ индивидуума подъ вліяніемъ обратнаго внушенія, чрезмѣрнаго самомнѣнія или просто вслѣдствіе пристрастія къ тому, чтобы создавать соціальный контрастъ между собою и другими; это — группа явленій, о которой мы

уже говорили выше¹⁾). Такой конфликтъ протекаетъ всецѣло въ сферѣ личныхъ влеченій, поскольку онъ не принимаетъ разсудочной или нравственной формы. Слѣдовательно, санкція дѣйствій, вытекающихъ изъ подобнаго собственнаго противорѣчія, носить, во всякомъ случаѣ, личный характеръ.

280. Итакъ, общій выводъ, уже намѣченный выше, состоитъ, повидимому, въ томъ, что, поскольку дѣло касается средняго человѣка, его санкціи бываютъ не двухъ родовъ—однѣ социальныя, другія личныя, между которыми возникаетъ хроническое или острое противорѣчіе; наоборотъ, у него имѣются санкціи только одного рода, именно—тѣ, которыя онъ считаетъ своими собственными. Противорѣчія, въ дѣйствительности возникающія въ его жизни и его мнѣніяхъ, появляются скорѣе въ связи съ какими-нибудь вопросами, по поводу которыхъ онъ находитъ случай спорить или слишкомъ прямолинейно прилагать санкцію разсудка.

281—3. Прежде чѣмъ оставить разсмотрѣніе средняго человѣка, надо, однако, отмѣтить еще одно обстоятельство. Мы видѣли что между социальными требованіями жизни и личными санкціями такого человѣка не только нѣтъ противорѣчія, но что его наклонности идутъ въ прямо противоположномъ направленіи. Вообще говоря, онъ такъ хорошо живетъ подъ сѣнью социальнаго зданія, что съ неодобреніемъ смотритъ на оригинальность взглядовъ, а еще болѣе—на оригинальность поступковъ. Средній человѣкъ сведенъ къ величинѣ той социальной щели, въ которую онъ попалъ благодаря своему воспитанію и послушанію. Онъ не только не считаетъ труднымъ сообразоваться съ требованіями общества, но чувствуетъ себя «не по себѣ», когда ему приходится ихъ нарушить. Въ этихъ социальныхъ отношеніяхъ люди какъ бы костенѣютъ; такой результатъ особенно ясно сказывается въ томъ поведеніи, которое мы уже называли «консерватизмомъ». Эта важная сила въ обществѣ кристаллизуется въ преобла-

¹⁾ Гл. VI, § 4.

дающій духъ условнаго соотвѣтствія принятымъ формамъ, въ извѣстное преклоненіе передъ стариною и закономъ, благодаря которому социальное превосходство оказывается въ несоотвѣтствіи со средней нормою, а прогрессу наносится ущербъ. Если бы требовались еще доказательства того, что у средняго человѣка вообще не существуетъ противорѣчій между социальными и личными санкціями, такія доказательства можно было бы найти въ этомъ консерватизмѣ. Онъ становится привычкою ума. Онъ превращаетъ глупость въ добродѣтель, а изобрѣтательность—въ порокъ. Это—лишь иное проявленіе той наклонности, различные образчики которой мы уже видѣли,—общей наклонности къ социальной инертности и привычкѣ.

Повидимому, именно въ связи съ этой наклонностью развивается только что указанное противорѣчіе между личными и социальными элементами. Противорѣчія, возникающія вслѣдствіе разсудочнаго разрѣшенія социальныхъ и политическихъ вопросовъ, прежде всего сталкиваются съ формулами крайняго консерватизма. И многія противорѣчія, дѣйствительно, прекращаются здѣсь. Но во многихъ случаяхъ противорѣчіе очень рѣзко; и часто именно нетерпимость консерватизма, съ его социальными традиціями, бываетъ на-руку «радикализму». Я не имѣю въ виду говорить здѣсь снова¹⁾ объ этихъ двухъ противоположныхъ силахъ въ социальной и политической жизни, хотя этотъ предметъ заслуживаетъ болѣе полнаго разсмотрѣнія; я хочу только указать, что дѣйствительныя острые противорѣчія, проявляющіяся въ политической борьбѣ и во многихъ спорахъ, которыми отмѣченъ путь человѣческаго прогресса на протяженіи вѣковъ,—что эти противорѣчія въ значительной мѣрѣ обусловливались искусственно вызванной интенсивностью указанныхъ двухъ привычекъ ума. Какъ бы ни было дѣйствительно противо-

¹⁾ См. то, что сказано выше (гл. V, § 3) по поводу «консерватизма» и «либерализма».

рѣчіе между разсудкомъ съ его санкціями и существующими формами управленія, религіи и соціальныхъ условностей,—а дѣйствительность этого противорѣчія имѣетъ величайшую важность для жизни и прогресса всего собственно соціального, когда разсудокъ стоитъ на сторонѣ того, что болѣе возвышенно и нравственно, — все же нельзя считать, что истинная мѣра его дается той страстностью, которую обнаруживаютъ обѣ стороны, представляющія то и другое привычное для людей отношеніе.

282. Переходя теперь къ исключительнымъ людямъ, мы встрѣчаемъ совершенно иное положеніе вещей. Люди могутъ являться соціальными исключеніями въ разныхъ отношеніяхъ; и, пожалуй, лучше всего можно охарактеризовать ихъ,—а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и короче всего отвѣтить на нашъ вопросъ, касающійся ихъ,—если сперва разсмотрѣть тѣ случаи, для которыхъ у общества имѣются спеціальныя или исключительныя формы воздѣйствія. Разумѣется, нельзя отрицать противорѣчія между личными и соціальными санкціями для поведенія въ тѣхъ случаяхъ, когда общество непосредственно считается съ этимъ противорѣчіемъ. Но по поводу такихъ случаевъ мы можемъ ограничиться немногими словами въ виду того, что нѣкоторыя изъ этихъ соціальныхъ разновидностей уже были нами упомянуты¹⁾. Прежде всего, существуютъ люди ненормальные. Они не признаютъ предписаній общества просто потому, что неспособны къ этому. Ихъ присутствіе не отражается на прогрессѣ общества, такъ какъ они ни въ какомъ смыслѣ не являются элементами общества. Они представляютъ для общества задачу, гдѣ приходится всячески изыскивать способы для того, чтобы содержать этихъ людей съ возможно меньшей потерей силъ; вотъ и все. Въ число ненормальныхъ можно включить людей со всякими дефектами—физическими, умственными и нравственными,—до тѣхъ случаевъ, гдѣ

¹⁾ Выше, гл. II § 3.

дефектъ представляет дѣйствительную или возможную опасность для другихъ; здѣсь мы начинаемъ имѣть дѣло съ различнаго рода буйными и преступными лицами. Съ ними общество также поступаетъ просто. Здѣсь противорѣчіе дѣйствительно существуетъ, но оно не плодотворно.

Говоря, что противорѣчіе не плодотворно, я хочу сказать, что эти люди не имѣютъ послѣдователей, что они не представляютъ такого жизненнаго вліянія, которое вступало бы въ противорѣчіе съ организующими и измѣняющими силами общества. Они ставятъ рядъ вопросовъ какъ передъ обществомъ, такъ и передъ отдѣльной личностью, но никто не находитъ въ нихъ союзника.

283. Есть, однако, одна сторона дефекта, признаваемого за нравственный дефектъ, которая до извѣстной степени приводитъ его въ связь съ предметомъ предыдущихъ нашихъ изслѣдованій. Преступленіе заразительно. Преступленіе, это — дефектъ, который, благодаря той сферѣ, въ которой онъ развивается, становится по существу антисоціальнымъ. И потому его заразительность, его распространеніе благодаря факту «пластическаго подражанія», о которомъ мы уже говорили, приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ полуорганизованному возмущенію противъ наивысшихъ санкцій общества. Ясно, однако, что подобнаго рода дѣйствія, выполняемая подъ вліяніемъ заразительности преступленія, какъ и аналогичныя дѣйствія, выполняемая подъ вліяніемъ толпы, относятся къ сферѣ влеченій въ сознаніи индивидуума. Вотъ и все, что надо прибавить къ сказанному ранѣе ¹⁾).

284. Остаются, однако, двѣ большихъ категоріи «исключительнаго». Это — явленія исключительныя въ умственной области и въ нравственной области. Если мы поставимъ вопросъ о томъ, существуетъ ли въ этихъ областяхъ какое-либо противорѣчіе между лич-

¹⁾ Выше, гл. VI, § 5.

ными и социальными санкціями, намъ тотчасъ же придутъ на умъ нѣкоторыя истины, вытекающія изъ соображеній о гениі, изложенныхъ въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Мы видѣли, что человѣкъ, одаренный исключительными умственными способностями, можетъ представлять собою уклоненіе отъ нормы въ одномъ или въ двухъ отношеніяхъ. Онъ можетъ быть великимъ мыслителемъ и въ то же время обладать правильнымъ сужденіемъ; тогда это будетъ дѣйствительный гений; или же онъ можетъ обладать большими умственными способностями, но неудовлетворительнымъ сужденіемъ, и тогда это будетъ лже-гений. Мы видѣли также, что лица того и другого типа могутъ вступать въ прямой конфликтъ съ санкціями общества: гений—чтобы учить, лже-гений—чтобы бунтовать. Ограничимся здѣсь этимъ заключеніемъ, отсылая для его обоснованія къ одному изъ предыдущихъ отдѣловъ нашей книги; и скажемъ, дѣлая конечный выводъ изъ своей мысли, что дѣйствительное противорѣчіе можетъ возникнуть между личными и социальными санкціями у какого-нибудь человѣка со стороны его разсудка. Онъ можетъ не считать вѣрнымъ того, что общество считаетъ вѣрнымъ; и онъ можетъ не подчиняться добровольно или совсѣмъ не подчиняться.

Съ точки зрѣнія санкцій такого человѣка, это положеніе можетъ принять двоякую форму. Во-первыхъ, онъ можетъ въ своемъ теоретическомъ мышленіи обращаться къ «санкціи истины» и можетъ ставить себѣ цѣли, отличныя отъ общепринятыхъ. Во-вторыхъ, онъ можетъ обращаться къ «санкціи успѣха» какъ по отношенію къ дѣйствіямъ, которыхъ требуетъ отъ него общество, такъ и по отношенію къ предписаніямъ социального характера,—при чемъ подъ успѣхомъ понимается цѣлесообразность и пригодность результатовъ, достигнутыхъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя и онъ, и общество ставятъ себѣ.

Этотъ выводъ можно присоединить къ такому же выводу, къ которому мы пришли выше, рассматривая вопросъ объ исключительныхъ сужденіяхъ средняго человѣка; мы видимъ, что возможно прямое противорѣчіе между социальными и личными санкціями въ умственной сферѣ,—и этимъ подтверждаются общія положенія, выставленныя нами при началѣ разсмотрѣнія социальныхъ санкцій.

Соотвѣтствующій нравственный конфликтъ, обусловленный нравственными особенностями индивидуума, мы рассмотримъ ниже ¹⁾. Для этого потребуется вся теорія социального прогресса, которую намъ еще предстоитъ изложить. Нормальныя же нравственныя и религіозныя санкціи рассматриваются въ слѣдующемъ параграфѣ.

§ 4. Нравственныя и религіозныя санкціи.

285. Переходя въ заключеніе къ вопросу о нравственныхъ и религіозныхъ санкціяхъ, выставляемыхъ для людей социальной жизнью, мы можемъ быть очень кратки; ибо въ этой области различіе между личнымъ и социальнымъ обыкновенно не проводится въ наше время даже въ самомъ обществѣ.

Изъ изложенныхъ выше соображеній явствуетъ, что въ отношеніи главнѣйшихъ требованій нравственнаго и религіознаго сознанія не можетъ существовать противорѣчія между обществомъ и индивидуумомъ. Характеръ «публичности», присущій всѣмъ религіознымъ и нравственнымъ представленіямъ, дѣлаетъ необходимымъ, чтобы одинъ и тотъ же идеаль стоялъ передъ индивидуумомъ и передъ тѣмъ обществомъ, въ которомъ индивидуумъ вырастаетъ, такъ какъ развитіе идеальнаго представленія о «я» индивидуума постоянно обусловлено усвоеніемъ нравственныхъ и религіозныхъ внушеній, получаемыхъ отъ окружающей соци-

¹⁾ Гл. XIV, §§ 3, 4.

альной среды. Объ этомъ мы уже достаточно подробно говорили. Какъ отдѣльные люди, такъ и общество должны быть нравственны и религіозны, и при томъ одинаково нравственны и религіозны. Поэтому, говоря о «содержаніи» идеальнаго сознанія, которое выражается, съ одной стороны, въ сужденіяхъ о «должномъ», а съ другой—въ чувствованіяхъ зависимости и тайны, мы можемъ сказать, что при нормальныхъ условіяхъ не возникаетъ противорѣчія между обществомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ. Санкція у нихъ одна и та же, и опредѣляется она необходимымъ движеніемъ человѣческой души при ея развитіи въ направленіи къ идеальному представленію о «я»¹⁾. Въ нравственныхъ сужденіяхъ эта санкція дается исключительно индивидуальнымъ сознаніемъ. Она—личная санкція; но присущій ей характеръ «публичности» превращаетъ ее также въ содержаніе взаимныхъ сужденій, къ которымъ, какъ мы видѣли, индивидуумъ особенно чувствителенъ.

То же самое, въ главныхъ чертахъ, можно сказать и относительно религіозной жизни. Правда, съ исторической точки зрѣнія, здѣсь существовалъ дѣйствительный вопросъ; и исторія показываетъ, что возможно въ религіозной сферѣ острое противорѣчіе. Съ религіей были искусственно связаны гражданскія санкціи. Но несомнѣнно, что теперь, по крайней мѣрѣ въ странахъ, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства, и гдѣ вѣроисповѣданіе признается дѣломъ совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка, нѣтъ и рѣчи объ общественныхъ религіозныхъ санкціяхъ, такъ какъ съ религіей уже не связываются никакія соціальныя санкціи.

286. Однако, поскольку существуетъ нѣкоторое не формальное давленіе въ пользу религіозной согласованности,—извѣстнаго рода санкція, которую человѣкъ

¹⁾ Что соціальный идеалъ совпадаетъ съ личнымъ идеаломъ, это вытекаетъ также изъ подробныхъ разсужденій о социальномъ прогрессѣ, которыя будутъ приведены ниже.

чувствуетъ благодаря социальнымъ обычаямъ и горячей вѣрѣ своего общества,—оно подходитъ подъ категорію педагогическихъ санкцій болѣе условнаго типа; образцомъ такихъ санкцій можетъ служить общественное мнѣніе, о которомъ мы уже достаточно говорили. Средній человѣкъ такъ легко поддается внушенію въ этой области и такъ легко доходитъ до крайностей въ своей внушаемости, что область религіи становится и всегда была твердынею консервативнаго духа. Это особенно ясно видно въ исторіи по догматическимъ притязаніямъ религіозныхъ системъ, которыя доходили, такъ сказать, до сверхъестественныхъ гражданскихъ санкцій, усиливая педагогическія санкции и создавая, такимъ образомъ, совершенно новую санкцію—санкцію божеской власти. Соотношеніе между этой санкціей и другими формами санкціи занимаетъ насъ здѣсь лишь постольку, поскольку отсюда возникаетъ новый вопросъ о томъ, автономенъ ли индивидуумъ въ своихъ дѣйствіяхъ, выполняемыхъ подъ вліяніемъ санкцій этого рода, которыя онъ считаетъ своими личными. Съ этой точки зрѣнія полезно будетъ нѣсколько ближе рассмотреть ту санкцію, которую я назвалъ бы санкціей религіознаго авторитета.

287. Ея вліяніе мы видимъ преимущественно тогда, когда обращаемся къ тому, что можно назвать «формой» религіознаго чувствованія, — къ учрежденіямъ и особенно къ доктринамъ, въ которыхъ она заключена въ ту или иную эпоху. Генетическая теорія доктрины — а лучшимъ образцомъ является религіозная доктрина—еще не написана. Но когда она будетъ написана, она должна будетъ отвѣтить на вопросъ о томъ, каково общее соотношеніе между человѣческимъ разсудкомъ и человѣческими чувствованіями, и каковы тѣ социальные способы, которыми при помощи разсудка вліяли на чувствованія. Въ основѣ вопроса о возникновеніи, развитіи и санкціи религіозной доктрины, дѣйствительно, лежитъ вопросъ о соотношеніи этихъ различныхъ личныхъ функцій.

Прежде всего, мы видѣли, что главная польза, которую приносить разсудокъ, какъ въ развитіи рода, такъ и въ личномъ развитіи индивидуума, заключается въ томъ, что онъ открываетъ пути и направляетъ выраженія чувствованій и эмоцій. Это проявляется въ тѣхъ задержкахъ, которыя ребенокъ примѣняетъ въ своемъ собственномъ поведеніи, какъ только онъ начинаетъ поступать разсудительно. Это проявляется также и въ томъ, какъ удачно онъ пользуется отношеніями, эмоціями, дѣйствіями другихъ людей изъ окружающей его среды. Мы видѣли и основанія для вѣры, что это управление социальными факторами со стороны разсудка является настолько важнымъ условіемъ социального прогресса, что начало его обозначаетъ одинъ изъ великихъ переломовъ въ исторіи рода. Если это такъ, то мы должны ожидать, что эта все направляющая сила—сила мысли—непремѣнно будетъ дѣлать попытки вліять и на наивысшую сторону нашей эмоціональной природы, либо въ одной области— въ области личныхъ сужденій индивидуума, либо въ другой — въ области религіозныхъ сужденій человѣческаго рода.

Это ожиданіе оправдывается въ самомъ соотношеніи между разсудкомъ и чувствованіемъ. Объ этомъ мы тоже уже упоминали. Содержаніе религіознаго чувствованія принимаетъ извѣстныя формы разсудочныхъ утвержденій благодаря самымъ условіямъ своего возникновенія въ связи съ личнымъ развитіемъ индивидуума. Категоріи личности, причины и намѣренія принадлежатъ къ числу этихъ постоянныхъ разсудочныхъ формъ, въ которыя отливается религіозный идеаль; а характеръ конкретнаго содержанія, какимъ онъ наполняется въ разные моменты, опредѣляется степенью утонченности тѣхъ построеній личности, на которыя опирается идеаль въ ту или иную эпоху. Поэтому всегда должны появляться религіозныя доктрины у индивидуума и религіозныя догматы у общества.

288. Мы видѣли также, что умственное содержаніе

идеала неизбежно э к т и р у е т с я; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ это происходитъ съ религіозною формулой. Существованіе объекта полоненія является функціей самого представленія о немъ; ибо между личнымъ представленіемъ и личной вѣрою нѣтъ никакого разрыва. Реальность появляется только благодаря искусственной абстракціи, выдѣляющей нѣкоторые элементы представленія. Такимъ образомъ, религіозное чувство всегда какъ-нибудь непосредственно объективируется въ мірѣ. Люди—всегда теисты въ той или иной формѣ.

289. И человѣкъ не изолированъ. Чувство, говорящее ему, что его вѣрованія носятъ публичный характеръ, дѣлаетъ его, въ нѣкоторомъ смыслѣ, законодателемъ для другихъ. Его чувство нравственного долга представляетъ собою именно этотъ элементъ публичности, субъективно отраженный. И потому обязанность дѣлать то, что должно, и заставлять другихъ дѣлать должное—эта обязанность всегда связывается съ мыслью о божественномъ существѣ, которое является воплощеніемъ долгаго и источникомъ его санкціи.

Поэтому вмѣстѣ съ религіознымъ чувствованіемъ само собою возникаетъ какое-нибудь публичное религіозное учрежденіе. Это—учрежденіе социальное. Въ первобытныя времена, до дифференцировки чувствованій, оно является также политическимъ учрежденіемъ. Это учрежденіе, благодаря элементу публичности, становится больше всякаго другого учрежденія оплотомъ консерватизма. Оно получаетъ сверхъестественную санкцію непосредственно отъ личнаго божества. Индивидуумъ, который по своему личному развитію является такимъ исключеніемъ, что приходитъ къ умственному построенію религіознаго идеала въ иной формѣ, чѣмъ пользующаяся этой божественной санкціей, такой индивидуумъ — бунтовщикъ противъ общества и противъ Бога. И обществу надо сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы въ подобномъ случаѣ придти къ заключенію, что такого рода человѣка надо подавить; и общество

всегда приходитъ къ такому заключенію относительно анти-соціальныхъ людей, которые причиняютъ вредъ существующимъ учрежденіямъ. Исторія свидѣтельствуешь о силѣ этого убѣжденія.

290. Религіозная доктрина, это—попытка уложить въ разсудочныя формулы тотъ идеаль, который долженъ удовлетворять чувству зависимости, тайны, грѣха—и всѣмъ сторонамъ религіозной и нравственной эмоціи — разъ навсегда. Это должно быть разъ навсегда, потому что самый идеаль религіи требуетъ характера окончательности. Но именно этотъ характеръ и связанный съ нимъ законодательный характеръ для всѣхъ разсудковъ дѣлаетъ невозможнымъ, чтобы религіозная доктрина способствовала тому процессу развитія, которымъ обусловлены ея собственный генезисъ и соціальны прогрессъ. И потому, если появляется великій реформаторъ, пророкъ, человѣкъ, предлагающій какую-нибудь новую систему, — онъ можетъ добиться признанія только однимъ изъ двухъ способовъ (и оба способа интереснымъ образомъ представлены въ великихъ историческихъ личностяхъ): либо 1) придавая тому, что онъ вноситъ чисто-практическій характеръ, т.-е. ограничиваясь соціальной и нравственной сферою личныхъ отношеній, гдѣ совершенствованіе прямо предписывается, либо 2) показывая, что его доктрины являются лишь новымъ истолкованіемъ старыхъ истинъ, подкрѣпляющимъ вѣрованія общества и ученіе церкви. Но очевидно, что то и другое можетъ быть извѣстной уловкою—уступкою тому характеру окончательности, который сверхъестественная санкція придаетъ религіознымъ формуламъ. Остается выяснить, какимъ образомъ возможенъ религіозный прогрессъ, если эта сверхъестественная санкція сохраняетъ свою силу.

291. Мнѣ кажется, что рѣшеніе, даваемое исторіей, въ очень большой степени совпадаетъ съ предложеннымъ нами теоретическимъ рѣшеніемъ вопроса о конфликтѣ между личными и соціальными санкціями. Мы

постепенно свели социальную форму религиозной санкции, претендующей и на сверхъестественный, и на гражданский авторитетъ, къ нравственной формѣ личной санкции. Покуда сверхъестественная санкція сохраняетъ свое мѣсто въ обществѣ¹⁾, она неизбежно даетъ перевѣсъ консерватизму и ведетъ къ социальному застою и упадку. Ибо тогда выражающія эту санкцію формулы, не стоя ни въ какой связи съ прогрессивнымъ социальнымъ движеніемъ, которое представлено въ личномъ развитіи индивидуума, остаются окончательными, догматическими, внѣшними и по отношенію къ болѣе утонченнымъ и усложненнымъ движеніямъ социальныхъ и нравственныхъ чувствованій. Именно развитіе нравственного чувствованія, приводящее къ постоянно возобновляемому и пересматриваемому приращенію внутри социального организма, сдѣлало возможнымъ сведеніе сверхъестественной санкции къ личной формѣ. Это повело къ тому, что религиозное чувствованіе постепенно вошло въ русло нравственной культуры, при чемъ стало придаваться должное значеніе религиозной автономіи индивидуума, а благодаря этому, въ свою очередь, усиливалась личная форма религиозной санкции, какъ, разумѣется, и должно было быть; ибо такимъ образомъ закончился конфликтъ между санкціями личного долга, которыя даетъ совѣсть, и санкціями религиозныхъ обрядовъ и правилъ, которыя даетъ непогрѣшимая, но внѣшняя власть. Поэтому роль социальной религиозной санкции въ прогрессѣ чужества была, какъ и роль всѣхъ остальныхъ социальныхъ санкцій, благопріятна для прогресса (если оставить въ сторонѣ ея религиозную функцію) лишь постольку, поскольку она отражала основное нравственное развитіе; и она постоянно возрождалась въ новой формѣ по мѣрѣ того, какъ расширялись требованія развивающагося нравственного сознанія. Поскольку религиозная санкція въ ту или иную эпоху расходилась съ

¹⁾ Обыкновенно въ государствѣ.

нравственнымъ чувствомъ общества и кристаллизовалась въ формѣ догматическихъ положеній, сочувствовать и подчиняться которымъ предписывалось по произволу, постольку религія—или, точнѣе говоря,—теологія оказывалась ограниченіемъ, черезъ которое надо перешагнуть, смирительной рубашкой, которую надо сбросить. Именно этимъ путемъ возникали великія реформаціонныя движенія въ религіозной исторіи.

292. Въ заключеніе надо замѣтить, что сведеніе соціальной санкціи религіи къ нравственной формѣ личной санкціи дѣлаетъ обратнымъ то отношеніе, которое часто предполагаютъ между нравственностью и религіей. Высшія формы религіознаго чувствованія возникаютъ благодаря тому же душевному движенію, которое завершается и нравственнымъ чувствованіемъ; это—развитіе идеальнаго или «публичнаго» представленія о «я». Поэтому невозможно обособлять другъ отъ друга обѣ санкціи иначе, чѣмъ только что указаннымъ способомъ, какой мы и видимъ въ исторіи отдаленныхъ временъ, гдѣ религіозная санкція принадлежитъ обществу—либо церкви, либо государству. Такимъ образомъ, вопросъ о первенствѣ въ чисто личной области является, по существу, вопросомъ фиктивнымъ. Но такъ какъ для нравственности требуется извѣстное положительное разсудочное построеніе, и такъ какъ въ ней отражаются дѣйствительныя представленія о данномъ соціальномъ положеніи, то она должна быть главнѣйшимъ элементомъ въ развитіи индивидуума, и, слѣдовательно, какъ мы увидимъ ниже¹⁾, также въ развитіи общества. Религіозное чувствованіе является, въ извѣстномъ смыслѣ, чѣмъ-то добавочнымъ: оно, конечно, не механически присоединено, но лежитъ менѣе близко къ центру личнаго развитія и въ эмоціональной жизни представляется менѣе непосредственнымъ продуктомъ процесса развитія. Человѣкъ не могъ вѣрить въ какое-нибудь доброе божество, пока онъ не зналъ добрыхъ людей и не сознавалъ въ собственной душѣ обязанности уподоблять-

¹⁾ Гл. XIII, § 3.

ся такимъ хорошимъ людямъ. До этого времени боже-ству не приписывается атрибутъ доброты, такъ какъ такого качества нѣтъ въ представленіи о «я». Затѣмъ въ религіозной жизни совершается непрерывное дви-женіе впередъ, параллельно съ прогрессомъ нравствен-ной жизни.

Поэтому, если бы все же надо было поставить во-просъ въ такой формѣ, въ какой его ставилъ одинъ изъ упомянутыхъ уже новѣйшихъ писателей¹⁾, у кото-раго отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ основной тонъ всей его теории соціального прогресса, мы были бы вынуждены дать отвѣтъ, стоящій въ прямомъ проти-ворѣчій съ его теоріей. Въмѣсто того, чтобы видѣть въ религіозной санкціи руководящую силу человѣческаго прогресса,—несмотря на отсутствіе поддержки со стороны такъ называемой «санкціи разума», — мы должны были бы сказать, что религіозная санкція является продуктомъ и постояннымъ показателемъ нравственной санкціи, что ея соціальное значеніе за-ключается, главнымъ образомъ, въ ея консервативномъ вліяніи, и что нравственная санкція служить самымъ важнымъ, какъ и самымъ «разумнымъ» источникомъ человѣческихъ дѣйствій—и публичныхъ, и личныхъ.

293. Мы сказали, что отождествленіе религіозныхъ и соціальныхъ санкцій въ душѣ человѣка увеличиваетъ силу религіозныхъ санкцій и придаетъ имъ ихъ значе-ніе; умѣстно будетъ сказать еще нѣсколько словъ, чтобы показать, что это такъ.

Говоря о «діалектикѣ личнаго развитія», мы видѣ-ли, что соціальная провѣрка, которой подвергаются постоянно разрастающіеся результаты личнаго истол-кованія и мышленія, существенно-необходима для раз-витія самой личности. Одна изъ функций эктивныхъ личностей, какими являются для насъ окружающіе люди, состоитъ именно въ томъ, чтобы все время давать подтвержденія, сдерживать, служить пробнымъ камнемъ для индивидуума въ отношеніи цѣнности его

¹⁾ Киддъ, Соціальная эволюція.

созданій. Именно благодаря дѣйствию такихъ внутреннихъ социальныхъ сдержекъ сужденія индивидуума о цѣнности его личныхъ представленій возникаютъ и становятся все болѣе и болѣе правильными.

Если такъ обстоитъ дѣло на низшихъ стадіяхъ развитія, гдѣ конкретныя личности изъ окружающей насъ среды служатъ какъ бы проводниками и указчиками,— насколько болѣе должно это наблюдаться въ высшихъ областяхъ, гдѣ эктивная личность представляетъ собою идеаль, добро, совершенство, божество. На всякой стадіи нравственнаго прогресса для непрерывнаго возстановленія субъективнаго нравственнаго идеала является существеннымъ субъективное движеніе, путемъ котораго строится эктивный идеаль религіозной жизни и ему придается реальное существованіе и личный характеръ. Поэтому религіозное сознаніе въ своемъ чистомъ видѣ является и причиною, и слѣдствіемъ. Оно—слѣдствіе того нравственнаго построенія, которое ему предшествовало, и которое воплощено въ содержаніи принятыхъ религіозныхъ вѣрованій. Но оно является причиною того, что вполнѣ принимается нравственный идеаль, и что ему добросовѣстно слѣдуютъ; и постольку оно является, слѣдовательно, причиною дальнѣйшаго прогресса нравственнаго построенія, для котораго, среди другихъ элементовъ, участвующихъ въ его созданіи, требуется полное социальное подтвержденіе, получаемое благодаря личному отношенію къ той эктивной личности, которая постулируется религіозной жизнью.

Поэтому религіозная вѣра и, вмѣстѣ съ нею, религіозныя учрежденія необходимы для человѣчества, такъ какъ они отвѣчаютъ нормальнымъ и существенно-важнымъ душевнымъ движеніямъ. Они необходимы и для силы нравственныхъ сужденій, и для нравственнаго прогресса. И все же вѣрнымъ остается, какъ мы сейчасъ видѣли, что въ социальномъ прогрессѣ они проявляютъ свое вліяніе косвенно, черезъ посредство нравственной санкціи, которая для индивидуума является личною.

294. Сказаннымъ мы ограничимся по вопросу о философіи религіозной санкціи. Это имѣетъ прямое отношеніе къ нашей темѣ, такъ какъ показываетъ, съ исторической точки зрѣнія, возможность прямого противорѣчія въ нравственной и религіозной сферѣ между обществомъ и индивидуумомъ; а это—главный для насъ здѣсь выводъ. Въ наше время, при достигнутой теперь ступени цивилизаціи, какъ было сказано выше, религіозная санкція обычно не принимаетъ такой формы; но иногда это все-таки бываетъ, какъ показываютъ случаи религіознаго, церковнаго и даже нравственнаго «бойкотированія» и инныя формы вмѣшательства въ личную жизнь индивидуума. Мы освободились отъ этой формы противорѣчія (поскольку дѣйствительно освободились) только благодаря борьбѣ, которую отдѣльныя личности—главнымъ образомъ, въ одиночку—вели съ обществомъ и его учрежденіями.

Реально этотъ конфликтъ между авторитетомъ и мыслью теперь существуетъ въ нашей собственной душѣ.

Мы чувствуемъ, быть можетъ, очень сильно, законченность того религіознаго ученія, которое мы усваивали въ дѣтствѣ; оно обладаетъ всѣмъ вѣсомъ соціальной наслѣдственности и той формою, въ которую оно отлилось благодаря нашему соціальному развитію; и если благодаря той неугомонности мысли, которая дѣлаетъ человѣка въ одно и то же время и изобрѣтательнымъ, и соціальнымъ существомъ, мы замѣтимъ, что нашъ нравственный идеалъ воплощается въ чемъ-нибудь иномъ, чѣмъ раньше онъ воплощался подъ вліяніемъ религіозныхъ санкцій, полученныхъ изъ ученія,—тогда возникающій въ нашей собственной жизни конфликтъ представляетъ собою длительный и тягостный возвратъ къ тѣмъ сценамъ борьбы, которыми ознаменованы самые мрачные періоды исторіи человѣчества ¹⁾).

¹⁾ Я полагаю, можно сказать также, что количество чисто нравственныхъ конфликтовъ между обществомъ и личностью значи-

295. Мы закончили теперь свой обзор такъ называемыхъ соціальныхъ санкцій. Мы нашли, что хотя и правильно называть ихъ соціальными санкціями, однако противорѣчіе ихъ съ личными санкціями, по существу, оказывается фиктивнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ право сказать, что нѣтъ такой соціальной санкціи, которая и по своему происхожденію, и по своей функціи не опиралась бы на санкціи личныя. Противорѣчія, возникающія между обществомъ и индивидуумомъ можно во всѣхъ случаяхъ понять, какъ противорѣчія между санкціями, которыя личная природа самого индивидуума устанавливаетъ въ различные періоды его развитія, или которыя обусловлены перемѣщеніемъ центра тяжести въ происходящихъ у индивидуума психическихъ процессахъ.

Изъ этихъ противорѣчій только два являются дѣйствительными факторами, съ одной стороны, въ соціальной проблемѣ, съ другой—въ нравственной проблемѣ. Это—тѣ два противорѣчія, при которыхъ инди-

тельно сокращается благодаря тому, что соціальная нравственность имѣетъ тенденцію облекаться въ религіозную форму и, такимъ образомъ, получать еще санкцію положительнаго религіознаго авторитета. Можно утверждать также и обратное. Нравственный реформаторъ становится религіознымъ пророкомъ, и благодаря этому его рѣчи о соціальномъ и нравственномъ преобразованіи получаютъ санкцію божественнаго откровенія.

Не будетъ, пожалуй, неумѣстно замѣтить здѣсь, что эти разсужденія нисколько не связаны съ вопросомъ о возможности дѣйствительнаго сверхъестественнаго вліянія въ прогрессѣ человѣчества. Существуетъ ли такое вліяніе или нѣтъ, —человѣческій духъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ. Предположимъ, напримѣръ, что Священное Писаніе содержитъ откровенія, имѣющія сверхъестественную санкцію; содержаніе этихъ откровеній все же должно подвергаться въ разное время разнымъ истолкованіямъ въ зависимости отъ развитія нравственнаго сознанія, и санкція его была бы недѣйствительна и совершенно лишена жизненности, пока это содержаніе не перенесено въ личную жизнь индивидуума и не подкрѣплено такимъ образомъ. Божескій законъ не могъ бы быть закономъ для человѣка, пока послѣдній, такъ сказать, самъ не установилъ бы его для себя.

видуумъ 1) разсудочно, 2) нравственно возстаетъ противъ предписаній общества. Разсудочное возстаніе является мотивомъ для новыхъ теоретическихъ построеній, при помощи которыхъ люди желаютъ реформировать общество или наставлять его въ томъ или иномъ вопросѣ. Нравственное возстаніе принимаетъ форму протеста или попытокъ преобразования въ области нравственныхъ, религиозныхъ и вообще такихъ обычаевъ, которые относятся къ сферѣ чувствованій, и которыхъ держится общество. Въ каждой изъ этихъ областей противорѣчіе, проявляющееся въ такомъ возстаніи разсудка или чувствованія, бываетъ настолько рѣзко, что смыслъ его становится важнѣйшею проблемою для соціальной и этической теоріи. Остается разсмотрѣть, можетъ ли дальнѣйшее примѣненіе психологическихъ принциповъ пролить свѣтъ на смыслъ этихъ противорѣчій и выяснить, въ какой формѣ возможно ожидать окончательнаго ихъ разрѣшенія.

296. Но это примѣненіе психологическихъ принциповъ дѣлаетъ необходимымъ разсмотрѣть съ болѣе широкой точки зрѣнія историческое развитіе самого общества, гдѣ обнаруживаются, естественнымъ образомъ, противорѣчія между разсудкомъ и чувствованіями индивидуума, съ одной стороны, и требованіями общества—съ другой. Поэтому мы можемъ разсчитывать, что увидимъ здѣсь функцію самого противорѣчія, такъ какъ нашли, что оно является однимъ изъ факторовъ для философіи всего соціальнаго движенія. Здѣсь мы можемъ, въ концѣ-концовъ, найти санкцію для противорѣчія,—санкцію философскаго характера. Итакъ, мы обратимся теперь къ вопросу: какое мѣсто въ соціальномъ развитіи принадлежитъ (и вообще принадлежитъ ли) противорѣчію между личными санкціями и соціальными санкціями?

Книга II.

Общество.

„Стремись быть цѣлымъ; если жъ силы нѣтъ,
Будь частью цѣлаго—и вѣрою тогда ему служи“.

Шиллеръ.

ЧАСТЬ V.

Личность въ дѣйствіи.

Глава XI.

Соціальныя силы.

Въ своей работѣ мы дошли теперь до такого пункта, гдѣ могутъ быть сведены воедино различныя стороны нашего изслѣдованія, и гдѣ можно сдѣлать нѣкоторыя указанія общаго характера по поводу главнаго предмета, который насъ занимаетъ: соотношенія между мыслями и дѣйствіями индивидуума и тѣми, которыя общество принимаетъ. Это можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, синтезомъ предшествующихъ главъ, такъ какъ положенія, которыя теперь будутъ изложены, подразумеваютъ тѣ точки зрѣнія, къ какимъ мы пришли ранѣе.

297. Если выраженіемъ «соціальныя силы» мы обозначимъ вообще вліянія, дѣйствующія въ обществѣ, разсматриваемомъ въ качествѣ прогрессирующаго въ своей организаціи цѣлаго, намъ надо будетъ различать тѣ вліянія, источникъ которыхъ лежитъ въ индивидуумѣ, отъ вліяній, исходящихъ, повидимому, отъ соціальной организаціи. Явленія личной жизни—мышленіе, борьба, покупка, продажа, любовь, ненависть, ссора, примиреніе—все это указываетъ на такой видъ дѣятельности, многочисленныя образчики котораго мы видѣли въ предшествующихъ главахъ. Это—постоянныя явленія, и они постоянно во многихъ отношеніяхъ нарушаютъ и измѣняютъ соціальную организацію и ея развитіе. Мы видѣли, что такое вліяніе оказываетъ геній, а также и преступникъ. Но они—крайность. Въ нѣкоторой степени

соціальную ініціативу проявляють всѣ індивидууми; и потому мы можемъ считать, что індивидуумъ, съ одной стороны, представляетъ собою извѣстный типъ соціальной силы. Индивидууму противостоитъ соціальныи организмъ, съ присущими ему законами, условностями, учрежденіями, обычаями и т. д. Процессъ развитія этого организма мы можемъ кратко охарактеризовать какъ процессъ, тоже обусловленный нѣкоторой соціальной силою, именно—силою, которая связана съ самимъ существованіемъ организованнаго общества ¹⁾).

Эти два типа «соціальныхъ силъ», которые будутъ ниже опредѣлены болѣе точно, не представляютъ собою какого-либо дуализма въ соціальномъ организмѣ. Всѣ наши заключенія приводили къ прямо противоположному выводу. Никакой дуализмъ этого рода невозможенъ въ философіи человѣческой жизни, если только возможна такая философія. Наоборотъ, соціальныи организмъ принимаетъ такія формы, въ которыхъ, нѣкоторымъ образомъ, объединяются или синтезируются успѣхи, сдѣланные отдѣльными индивидуумами. Съ другой стороны, индивидуумы, разсматриваемые въ качествѣ носителей соціальной силы, только даютъ частное и измѣнчивое выраженіе соціальнаго

1) Въ обычномъ словоупотребленіи выраженіемъ «соціальныи силы» обозначаютъ большой комплексъ факторовъ различнаго рода—физическихъ, духовныхъ, промышленныхъ, военныхъ и т. д. Я не вижу, чтобы, можно было достигнуть въ этой области какихъ-нибудь результатовъ, пока господствуетъ такое словоупотребленіе. Обѣ «силы», о которыхъ я говорю, это—силы психологическія; и такъ какъ только психологическія функціи могутъ лежать въ основѣ психологическаго движенія, то нельзя говорить, сверхъ того, ни о какихъ соціальныхъ силахъ. Географическая среда, напримѣръ, можетъ обусловливать собою—задерживать, или ограничивать, или подталкивать, или направлять—соціальную жизнь, но не можетъ быть силою или моментомъ въ этой жизни; такое значеніе могутъ имѣть только процессы, совершающіеся въ чьей-нибудь психикѣ. Ср. статью *Force and Condition* въ моемъ *Diction. of Philos.* См. также § 4 настоящей главы—о „соціономическихъ силахъ“.

итога благодаря процессу социальной наследственности. Это было вполне выяснено в предыдущей главе, где мы видели, что противоречія между индивидуумом и обществом сводятся къ двумъ формамъ, представляющимъ возмущеніе разсудка и чувствованій индивидуума противъ социальныхъ санкцій. Если мы это признаемъ, то теперь намъ надо посмотрѣть, не удастся ли и въ самомъ этомъ возмущеніи, съ относительнымъ и частичнымъ дуализмомъ, который оно какъ-будто создаетъ, найти все же какой-либо постоянный принципъ, связующій воедино оба фактора.

§ 1. Разграниченіе силъ.

298. Есть еще одна форма разграниченій, также основанныхъ на фактахъ, которая можетъ намъ помочь. Читатель помнитъ, что именно дѣйствія среднихъ людей, какъ мы видели, особенно хорошо отвѣчаютъ требованіямъ окружающей социальной среды. И мы нашли, что основаніемъ этого является то обстоятельство, что требованія окружающей социальной среды исторически отражаютъ именно социальные дѣйствія среднихъ людей. Законъ большинства въ политической жизни и необходимость цѣлыхъ «воспитательныхъ походовъ» для проведенія даже наиболѣе очевидныхъ социальныхъ реформъ—все это показываетъ, что общество стоитъ на сторонѣ среднихъ людей, какъ мы и должны были бы ожидать на основаніи своихъ теоретическихъ соображеній. Воля большинства—это не абстракція. Это—важный фактъ какъ съ точки зрѣнія того, что уже достигнуто обществомъ, такъ и въ отношеніи того, что ему еще предстоитъ выполнить. Намъ никогда не случается услыхать, чтобы общество, взятое въ цѣломъ, внезапно рѣшило проводить что либо; всегда отдѣльныя личности воздѣйствуютъ на общество черезъ посредство другихъ личностей. Результатъ отражается въ развитіи общественнаго мнѣнія и въ тѣхъ иныхъ формахъ социальныхъ итоговъ, въ кото-

рыхъ индивидуальныя проявленія отмѣчаются и становятся жизненными элементами коллективнаго дѣйствования. И потому съ самаго начала можно съ увѣренностью сказать, что сила, дѣйствующая въ коллективномъ социальномъ организмѣ, соотвѣтствуетъ среднимъ консервативнымъ, мало оригинальнымъ и очень зависящимъ отъ внушенія дѣйствіямъ отдѣльныхъ личностей въ обществѣ.

Ограничиваясь пока этимъ утвержденіемъ въ общей формѣ и оставляя дальнѣйшее его обоснованіе до другаго мѣста, замѣтимъ, что соотвѣтствующій фактъ мы находимъ и со стороны той силы, которая представлена отдѣльной личностью, какъ таковою. Поскольку человѣкъ представляетъ собою обособленную социальную силу, ровно постольку онъ — исключительный человѣкъ; это — человѣкъ, который благодаря своимъ личнымъ дарованіямъ или достижениямъ оказывается сравнительно одинокимъ, чувствуя особые обязательства и удовлетворенія, создаваемые такимъ положеніемъ. Если это такъ, и если въ такихъ людяхъ представлена какая-либо общая тенденція въ социальномъ движеніи, — если они имѣютъ какое-нибудь общее значеніе гдѣ-либо въ исторіи человѣчества, — тогда мы должны ожидать, что именно они приносятъ съ собою освобожденіе общества отъ того консерватизма и быстрого, прочнаго окостенѣнія, которое должно было бы получиться благодаря господству всего «средняго», проявляющемуся въ социальныхъ результатахъ, которые обусловлены дѣйствіями большинства. Это, опять-таки, настолько очевидно, что мы можемъ ограничиться этимъ общимъ указаніемъ и перейти къ болѣе точному опредѣленію тѣхъ двухъ общихъ функций, которыя мы, такимъ образомъ, приписали названнымъ двумъ видамъ социальной силы.

299. Я сперва приведу опредѣленія, которыя буду отстаивать, а затѣмъ постараюсь обосновать ихъ:—

1) Личность, это — социальная сила, которая превращаетъ общее въ частное.

2) Общество, это—соціальная сила, которая превращает частное въ общее.

300. Чтобы сразу взглянуть съ широкой общей точки зрѣнія на совмѣстную работу этихъ соціальныхъ силъ, лучше всего воспользоваться нѣкоторой біологической аналогіей. Въ настоящее время считаютъ, что біологическій прогрессъ является результатомъ двухъ соотрудничающихъ факторовъ, изъ которыхъ тотъ и другой обнаруживается въ явленіяхъ наслѣдственности. Гальтонъ и Вейсманъ показали, что существуетъ (подъ разными названіями) законъ «регрессіи», въ силу котораго, если прекращается процессъ естественнаго отбора и наступаетъ свободное брачное соединеніе индивидуумовъ со всевозможными признаками,—какъ это происходитъ въ человѣческомъ обществѣ,—дальнѣйшее совершенствованіе ¹⁾ какихъ либо видовыхъ чертъ становится невозможнымъ. Существуетъ тенденція возврата къ тому, что Гальтонъ называлъ «среднимъ родителемъ» — къ воображаемой величинѣ или воображаемому индивидууму, который представляетъ собою среднее между обоими родителями каждаго потомка. Если такое положеніе вещей сохраняется на протяжении многихъ поколѣній и въ каждомъ поколѣніи отражается на многихъ парахъ, тогда относительно каждой функціи или черты создается извѣстный наборъ цѣнностей вокругъ нѣкотораго постояннаго средняго. Въ современномъ человѣческомъ обществѣ это можно сказать о физическихъ чертахъ, такъ какъ искусственное сохраненіе всякаго рода неприспособленныхъ индивидуумовъ—больныхъ и слабыхъ—создаетъ приблизительно такія же условія, какія существуютъ при свободномъ брачномъ соединеніи особей, обладающихъ всѣми степенями совершенства и несовершенства.

¹⁾ Безразлично, примемъ ли мы, или нѣтъ, взглядъ Вейсмана, что положительное вырожденіе установившихся признаковъ возникаетъ вслѣдствіе такого положенія вещей, которое онъ называетъ „панмиксіей“.

Но въ животныхъ обществахъ, гдѣ все еще царить борьба за существованіе, уничтожающая слабѣйшихъ, получаетъ возможность дѣйствовать и другой факторъ. Это—принципъ видоизмѣненій, о которомъ мы уже говорили выше. Природа создаетъ и приспособленныхъ, и неприспособленныхъ,—при томъ тѣхъ и другихъ въ всевозможныхъ степеняхъ. Благодаря воспроизведенію появляются безчисленные индивидуумы, и среди нихъ есть такіе, которые представляли бы собою высшій типъ въ томъ или иномъ направленіи, если бы только могли избѣгнуть случайныхъ брачныхъ соединеній и, такимъ образомъ, уйти изъ-подъ власти закона регрессіи. Въ средѣ животныхъ природа обезпечиваетъ именно этотъ результатъ. Слабые и менѣ приспособленные совсѣмъ не вступаютъ въ брачныя соединенія; въ животномъ царствѣ нѣтъ больницъ и врачей, которые поддерживали бы жизнь больныхъ; нѣтъ благотворительныхъ учрежденій для голодныхъ. Такимъ образомъ, выжившій сильнѣйшій самецъ соединяется съ выжившей сильнѣйшей самкою, и въ результатъ получается болѣе сильный родъ, такъ какъ особи слѣдующаго поколѣнія представляютъ снова высшаго «средняго родителя», слагающагося изъ двухъ индивидуумовъ, каждый изъ которыхъ отличался извѣстнымъ превосходствомъ.

Такимъ образомъ, прогрессъ въ біологіи основывается на двухъ вещахъ: 1) регрессіи всего комплекса признаковъ какого-либо вида къ нѣкоторому среднему уровню, и 2) выживаніи наилучшихъ индивидуумовъ. Если бы не существовало фактора регрессіи, тогда не было бы центральнаго комплекса болѣе или менѣ стойкихъ признаковъ, характерныхъ для даннаго вида, и составляющихъ то среднее, около котораго въ опредѣленныхъ предѣлахъ возможны безопасныя колебанія у индивидуумовъ въ данной средѣ и при данныхъ условіяхъ жизни. Съ другой стороны, если бы не существовало фактора измѣнчивости, тогда не было бы исключительныхъ по своему превосходству индивидуумовъ,

которые благодаря своимъ брачнымъ соединеніямъ повышаютъ уровень «средняго родителя» или «коллективнаго средняго». Надо признавать, по крайней мѣрѣ, двѣ вещи: физическую наслѣдственность, которая даетъ возможность проявиться регрессіи, и естественный отборъ, который даетъ возможность проявиться измѣнчивости.

301. Итакъ, въ біологической области мы видимъ работу обѣихъ силъ, которыя я въ приведенныхъ выше опредѣленіяхъ назвалъ «силою, превращающею общее въ частное» и «силою, превращающею частное въ общее». Тенденція къ среднимъ величинамъ является въ біологіи силою, превращающею частное въ общее. Эта тенденція осуществляется благодаря физической наслѣдственности. Въ новыхъ величинахъ, которыя появляются вслѣдствіе видоизмѣненія, обнаруживается сила, превращающая общее въ частное. Эта сила дѣйствуетъ при посредствѣ естественнаго отбора. Сила обобщающая представлена въ прогрессѣ какого-нибудь вида или въ развитіи какого-нибудь признака среднимъ уровнемъ индивидуумовъ или признаковъ, рассматриваемыхъ сообща; сила, превращающая общее въ частное, проявляется прежде всего въ отдѣльныхъ индивидуумахъ.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ вопроса о соотношеніи между соціальнымъ прогрессомъ и біологическимъ прогрессомъ или о возможной тождественности того и другого. Но я не вижу, какимъ образомъ, покуда у насъ есть тѣло, могли бы перестать дѣйствовать законы біологіи и наслѣдственности. Но точно такъ же ясно, что въ человѣческомъ обществѣ нѣкоторыя другія вліянія, возникающія въ разумной и соціальной жизни, измѣняютъ общій результатъ. Поэтому мы можемъ просто сказать, что біологическіе законы сохраняютъ силу повсюду въ человѣческой жизни, но что иногда мы имѣемъ основаніе говорить о нарушеніи ихъ какими-то другими законами. И потому, принимая біологическую аналогію съ указанными ограниченіями,

мы можемъ приложить ее къ чисто-соціальнымъ факторамъ; ниже мы увидимъ, что мы можемъ высказать и болѣе точное сужденіе о ней.

§ 2. Соціальная сила, превращающая общее въ частное.

302. Прежде всего, индивидуумъ производитъ новыя видоизмѣненія, новыя вещи въ области соціальныхъ явленій. Въ качествѣ мыслящаго человѣка, онъ рождаетъ новыя мысли, благодаря которымъ измѣняются условности, вѣрованія, мнѣнія, учрежденія общества, если вообще имъ случается измѣниться. Индивидуумъ дѣлаетъ изобрѣтенія, которыя уничтожаютъ прежніе приемы работы, позволяютъ устроить средства сообщенія, торговлю, создаютъ новыя эры во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Индивидуумъ чувствуетъ и протестуетъ противъ того, что неправильно и устарѣло въ соціальномъ отношеніи, онъ научаетъ и другихъ поступать такъ же, и этимъ путемъ вызывается то широко распространяющееся чувство возмущенія, благодаря которому рабство отмѣнено, женщинѣ отведено принадлежащее ей соціальное мѣсто, и всѣ люди признаны свободными и равными предъ гражданскимъ закономъ. Индивидуумъ создаетъ тѣ формы законодательства, въ которыя, въ концѣ-концовъ, отливается мягкій матеріалъ популярной реформы. Индивидуумъ выдвигается на передній планъ, когда соціальный подъемъ внушаемости и волна страстей готовы перейти въ народное сумасшествіе; тогда онъ ведетъ общество къ такому мѣсту, гдѣ оно лучше видитъ и спокойно наслаждается своимъ соціальнымъ наслѣдствомъ. Все это дѣлаетъ индивидуумъ, и, дѣлая это, онъ играетъ такую роль въ соціальномъ процессѣ, которая существенно важна для его жизни и необходима для его развитія.

Однако, если мы обозначили индивидуумъ, разсматриваемый въ качествѣ исполнителя этой функціи, какъ

«силу, превращающую общее въ частное»,—мы имѣли при этомъ въ виду кое-что болѣе точное; ибо есть разница между указаніемъ, что онъ дѣлаетъ то-то и то-то, и выясненіемъ дѣйствительныхъ причинъ, почему онъ это дѣлаетъ.

303. Во-первыхъ, индивидуумъ превращаетъ общее въ частное на основѣ того общаго, что уже достигнуто обществомъ. Индивидуумъ представляетъ собою видоизмѣненіе именно потому, что существуетъ среднее, отъ котораго можно отклоняться. Если онъ слишкомъ далеко отклоняется отъ этого средняго, онъ долженъ погибнуть; такъ бываетъ иногда съ геніемъ, а чаще—съ тѣми, кто ненормаленъ въ плохомъ направленіи. Такъ обстоитъ дѣло и съ его мыслями; его достиженія, какъ и его дарованія не могутъ стоять внѣ связи съ достиженіями и дарованіями другихъ людей. Мы уже видѣли, что онъ долженъ сперва учиться у общества, а затѣмъ дѣлать свои изобрѣтенія. Далѣе, о своихъ собственныхъ мысляхъ, чувствованіяхъ, преобразованіяхъ онъ долженъ имѣть такія сужденія, которыя сами подлежатъ закону средняго уровня, прежде чѣмъ ему можно будетъ пускать ихъ въ ходъ, чтобы наставлять или революціонизировать общество. Даже правильная оцѣнка собственныхъ видоизмѣненій мыслей сама есть извѣстное видоизмѣненіе, которое не должно слишкомъ сильно отклоняться отъ среднихъ соціальныхъ сужденій. Словомъ, онъ долженъ пользоваться старыми матеріалами; онъ долженъ обращаться къ общепринятымъ сужденіямъ; онъ долженъ дѣлать частною какую-нибудь новую форму или степень того, что уже старо. Онъ не создаетъ; онъ превращаетъ общее въ частное, оставаясь въ предѣлахъ того соціальнаго матеріала, который уже имѣется у него подъ руками.

Это дѣлаетъ въ нѣкоторой степени всякій индивидуумъ, не являющійся во всѣхъ отношеніяхъ точнымъ выразителемъ средняго уровня. Онъ поневолѣ долженъ

по-своему продумывать свои мысли, какъ бы онѣ ни были банальны. Онѣ можетъ быть жертвою предразсудка, ограниченнаго круга социальныхъ вліяній, дурнаго воспитанія, и потому можетъ превращать въ частное то общее, что онѣ ошибочно понимаетъ въ социальной сферѣ; точно такъ же, съ другой стороны, онѣ можетъ на время попасть въ какой-нибудь круговоротъ чувствованій и внушеній и, такимъ образомъ, вывести частное по касательной къ своей нормальной социальной кривой. Словомъ, могутъ встрѣчаться всевозможныя видоизмѣненія, какъ уже было съ избыткомъ показано при разсмотрѣніи тѣхъ санкцій, подъ вліяніемъ которыхъ индивидуумъ выполняетъ обычныя свои дѣйствія. Но, при всемъ томъ, таковъ остается индивидуумъ — единственный факторъ, превращающій общее въ частное, единственная надежда на социальный прогрессъ, единственный путь, какимъ социальный темпераментъ можетъ развиваться и отливаться во все новыя и частныя формы на благо или горе того общества, въ которомъ живетъ индивидуумъ, а, можетъ быть, и всего міра.

304. Во-вторыхъ, индивидуумъ превращаетъ общее въ частное, сообразно имѣющимся у него душевнымъ даннымъ. Это мы также видѣли, когда говорили о гениі; но это надо сказать обо всѣхъ людяхъ. Каждый индивидуумъ долженъ выбирать нѣкоторыя изъ своихъ мыслей, какъ нѣчто особенно сокровенное, какъ исключительныя сокровища, какъ перлы въ своей коллекціи; къ нимъ онѣ долженъ привязываться и забывать обо всемъ остальномъ. А такъ какъ каждый индивидуумъ является, въ то же время, и социальнымъ существомъ, то этотъ выборъ долженъ въ извѣстной степени отражаться на томъ, какъ извлекается частное изъ общераспространенныхъ социальныхъ матеріаловъ даннымъ индивидуумомъ и другими; подобно тому, какъ социальное сужденіе (мы это видѣли), въ силу обратнаго отношенія, отражается на личномъ выборѣ. Благодаря своимъ

личнымъ предпочтеніямъ, индивидуумъ больше поддается однимъ социальнымъ внушеніямъ, чѣмъ другимъ, потому что одни онъ усваиваетъ, а другихъ не усваиваетъ. Это, опять-таки, наиболѣе ясно проявляется въ гениі. Его собственныя вѣрныя мысли становятся нѣкотораго рода социальнымъ мѣриломъ, сѣтью опредѣленной величины и формы, въ которой частности социальной жизни вообще получаютъ особый видъ. Онъ создаетъ постоянный взаимный обмѣнъ между собственными мыслями и мыслями общества и, такимъ образомъ, на основѣ ихъ всѣхъ извлекаетъ изъ общаго болѣе богатое частное.

Далѣе, какъ индивидуумъ превращаетъ общее въ частное, такъ онъ и дѣйствуетъ; этимъ путемъ у него создаются разнообразныя формы личной санкціи, вліяющія на него. Такимъ образомъ, его дѣйствія сразу получаютъ социальное значеніе. Они увеличиваютъ число социальныхъ «образцовъ», на которые реагируетъ людской потокъ; и его примѣръ оказываетъ рѣшающее вліяніе на «общій итогъ» того круга, въ которомъ онъ вращается. Взятый самъ по себѣ, онъ можетъ, конечно, представлять собою скромную величину; и, говоря объ индивидуумѣ, который настолько шаблоненъ, что не имѣетъ большой индивидуальной цѣнности, мы говоримъ именно о массѣ людей въ обществѣ; но когда мы станемъ разсматривать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, — передъ нами окажется наиболѣе важный факторъ прогресса въ повседневной социальной жизни. Именно самые обыкновенные люди ведутъ обыкновенныхъ людей къ добру или ко злу, въ хорошую сторону или въ дурную. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, имѣющій наибольшее личное вліяніе, долженъ очень часто сдѣлаться шаблоннымъ, чтобы воспользоваться тѣмъ вліяніемъ, которое фактически доставляетъ ему его умъ или характеръ. И потому наиболѣе общій и (если оставить въ сторонѣ міровые перевороты, наступающіе тогда, когда великіе люди играютъ свою роль) наиболѣе важный видъ работы, при помощи которой инди-

видуумъ превращаетъ общее въ частное, состоитъ въ томъ, что онъ самъ опредѣляетъ цѣнность своихъ мыслей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствій, посредствомъ которыхъ можно вліять на окружающихъ людей.

305. Въ-третьихъ, съ болѣе объективной точки зрѣнія, индивидуумъ превращаетъ общее въ частное для будущаго и для общества. Именно здѣсь біологическая аналогія оказывается наиболѣе полезною. Мы видѣли, что простой наличности видоизмѣненій еще недостаточно для прогресса: ибо видоизмѣненія бываютъ во всякихъ направленіяхъ. Такъ, индивидуумъ подраздѣляетъ мысли на хорошія и дурныя. Въ высшей нравственной области его поведеніе иногда принимаетъ такой частный характеръ, который не одобряется его собственной нравственной санкціей (а она всего больше приближается къ голосу общества). Такимъ образомъ, если существуютъ какъ различныя произведенія ума индивидуума, такъ и различные виды умовъ у разныхъ индивидуумовъ, то біологія показываетъ, какой отсюда получается результатъ. Мы должны ожидать все большей нивелировки дарованій изъ поколѣнія въ поколѣніе и регресса къ неподвижному, среднему строю соціальной жизни. Не только физическія и умственные способности людей должны оставаться почти неизмѣнными, но и соціальная жизнь должна характеризоваться извѣстными консервативными условностями. Въ біологіи мы находимъ, однако, что только наиболѣе приспособленные особи оставляютъ потомство въ силу закона переживанія и безпощадной «борьбы за существованіе». Такимъ образомъ, средній уровень повышается и видъ прогрессируетъ; исключеніе составляетъ человѣкъ, у котораго дѣйствіе случайныхъ брачныхъ соединеній и преобладаніе «искусственнаго отбора» какъ будто приводитъ къ тѣмъ неподвижнымъ результатамъ, какихъ мы и должны были бы ожидать ¹⁾).

¹⁾ Много споровъ велось по вопросу о томъ, повысился ли уровень умственныхъ способностей вмѣстѣ съ повышеніемъ куль-

Въ самомъ дѣлѣ, что касается физическихъ и душевныхъ способностей, то мы находимъ, что законъ «переживанія наиболѣе приспособленныхъ» неприменимъ къ людямъ такъ, какъ къ животнымъ, потому что во многихъ областяхъ соперничество организмовъ сильно сокращено благодаря извѣстнымъ способамъ разумаго и социального сохраненія жизни слабѣйшихъ существъ. Въ человеческой жизни мы поддерживаемъ существованіе физически слабѣйшихъ и даемъ имъ возможность вступать въ бракъ; мы поддерживаемъ жизнь и умственно слабыхъ и предоставляемъ имъ дѣйствовать. Единственные люди, противъ которыхъ общество ведетъ войну, и противъ которыхъ оно должно вести войну ради своего собственнаго существованія, это—люди противообщественные, наиболѣе яркими представителями которыхъ являются преступники.

Поэтому, такъ какъ гарантія прогресса въ биологическомъ мірѣ—законъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ, и отрицательное его дѣйствіе на неприспособленныхъ—здѣсь устранена, то мы должны были бы ожидать того регресса, который наступаетъ въ биологическомъ мірѣ, когда указанный законъ перестаетъ дѣйствовать.

Но не такъ обстоитъ дѣло въ социальной жизни. Фактически общество все время прогрессируетъ—въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, т.е. въ отношеніи цивилизаціи, матеріальныхъ удобствъ, нравственной чувствительности, культурности и т. д. ¹⁾.

туры. Этотъ вопросъ намъ незначѣмъ разсматривать, такъ какъ мы изслѣдуемъ дѣйствительный социальный прогрессъ; поэтому нѣтъ нужды намъ высказывать какое-либо мотивированное заключеніе, но кажется, что мало есть доказательствъ или даже совсѣмъ нѣтъ доказательствъ, которыя можно было бы привести въ пользу утвердительнаго отвѣта.

¹⁾ Вопросъ о непрерывности и направленіи этого прогресса разсматривается въ гл. XIII. По поводу различныхъ формъ борьбы, соперничества и т. д. см. статьи „Rivalry“ и „Existence (Struggle for)“ въ моемъ Diction. of Philos., а также мою книгу Development and Evolution, гл. XV.

Мы вынуждены поэтому заключить, что этотъ видъ прогресса не зависитъ ни отъ какого закона, который можно было бы установить по аналогіи съ закономъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ. И, какъ показываютъ факты, причиною этого является именно разсматриваемый нами процессъ, путемъ котораго индивидуумъ превращаетъ общее въ частное, если привести этотъ процессъ въ связь съ соотвѣтствующимъ ему фактомъ соціального распространенія или «превращенія частнаго въ общее», о чемъ мы еще будемъ говорить.

Благодаря тому, что индивидуумъ превращаетъ общее въ частное,—благодаря этому получается важнѣйшій матеріалъ для всего человѣческаго и соціального прогресса. Этимъ замѣняется законъ измѣнчивости, царящій въ органической сферѣ. Это значитъ, что индивидуумы могутъ, благодаря характеру тѣхъ частныхъ явленій, которымъ они отводятъ особое мѣсто въ области своихъ мыслей, чувствованій или дѣйствій, имѣть вліяніе, нисколько не соотвѣтствующее ихъ численности и ихъ соціальному положенію. Правильной мысли присуща жизненность, хотя бы вначалѣ эта мысль исходила изъ одной человѣческой головы. Она распространяется съ помощью соціального внушенія, воспитанія, подражанія и т. д., а затѣмъ путемъ соціальной наслѣдственности передается послѣдующимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, индивидуумъ можетъ сдѣлаться въ продолженіи своей жизни—иногда даже еще самъ того не понимая—центромъ великаго соціального движенія. Его изобрѣтеніе можетъ произвести переворотъ въ промышленности; его открытіе можетъ увеличить средства обмѣна; его стихи или научныя сочиненія могутъ опредѣлять собою желанія народа и составлять эру въ исторіи человѣческихъ знаній.

306. Въ этомъ—великая разница между соціальнымъ и біологическимъ прогрессомъ; и причину ея не трудно

найти. Въ біологіи вліяніе, которое индивидуумъ можетъ оказывать на свой видъ, по необходимости должно ограничиваться предѣлами физической наслѣдственности. Мы видѣли, что послѣдняя неразрывно связана съ закономъ регресса. Индивидуумъ не можетъ составлять слѣдующаго поколѣнія; онъ можетъ составлять только половину одной семьи въ слѣдующемъ поколѣніи. И даже эта семья подчинена закону измѣнчивости. Если у генія есть единственный сынъ, этотъ сынъ можетъ быть идіотомъ, а вѣроятно, что онъ будетъ немногимъ выше среднихъ людей. Далѣе, супруга, которую выбираетъ для себя геній, несетъ равную съ нимъ отвѣтственность за слѣдующее поколѣніе, а геній не всегда примѣняетъ наивысшее сужденіе при выборѣ своей супруги. Все это (о чемъ можно было бы привести много дальнѣйшихъ соображеній по поводу разныхъ интересныхъ подробностей) показываетъ, почему вліяніе индивидуума въ біологіи по необходимости должно быть ограниченнымъ. «Выродокъ», какъ бы онъ ни былъ цѣненъ даже съ точки зрѣнія наивысшей приспособленности, всегда остается въ біологіи случайностью, а не чѣмъ-то устойчивымъ. Съ чисто біологической точки зрѣнія, онъ представляетъ не бѣольшую цѣнность, чѣмъ всякій иной индивидуумъ; ибо въ длинной цѣпи онъ приводится къ общему среднему, и особая высота его дарованій, въ концѣ-концовъ, измѣряется не въ немъ самомъ, а въ этомъ среднемъ.

Но къ сущности того вида организациі, который принесло съ собою разумное соціальное сотрудничество, принадлежитъ тотъ фактъ, что оно устраняетъ разъ навсегда всѣ эти парализующія ограниченія, обусловленныя физической наслѣдственностью. Разумѣется, геній въ качествѣ біологическаго экземпляра подлежитъ дѣйствию физической наслѣдственности, какъ и тѣ, кто слѣдуетъ за нимъ; но этому не подлежатъ ни мысли генія, ни учрежденія и постановленія, въ которыхъ его мысли и чувствованія принимаютъ

соціальную форму. Генію намъ приходится уступать всякій разъ, когда мы въ немъ нуждаемся, и создать его вторично—это задача, которой ни одинъ человѣкъ не въ состояніи разрѣшить. Но его мысли и чувствованія даны разъ навсегда. Его мысль звучить въ теченіе вѣковъ въ ушахъ людей, когда его физическія дѣти давно уже обратились въ прахъ, и когда множество поколѣній уже потрудились надъ развитіемъ того, что онъ создалъ. Кто въ состояніи прослѣдить линію физической наслѣдственности, идущую отъ Аристотеля? А если бы это и было возможно, какова была бы ея цѣнность? Но кто не можетъ прослѣдить въ нашей соціальной наслѣдственности нити, идущія отъ Аристотеля? И вотъ я говорю, что въ этомъ-то заключается важнѣйшее, существенное свойство соціальной истины, въ противоположность біологическому факту: она разрываетъ узы физической наслѣдственности.

Мы видѣли, что на мѣсто послѣдней становится «соціальная наслѣдственность». Во-первыхъ, человѣкъ долженъ сдѣлаться разумнымъ,—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—чтобы мыслить и подчинять себѣ природу; и нравственнымъ, чтобы не убивать мыслителя, а использовать его. При этихъ двухъ условіяхъ, а также благодаря вытекающимъ изъ нихъ формамъ санкціи и благодаря учрежденіямъ, въ которыхъ все это воплощается, человѣкъ становится господиномъ надъ природою и... надъ самимъ собой. Но первая побѣда надъ природою, которую человѣку надо было одержать, чтобы положить начало своей соціальной исторіи,—это была побѣда надъ ограниченіями, которая создаетъ физическая наслѣдственность. Первымъ его возстаніемъ—и при томъ такимъ, въ которомъ были заключены всѣ послѣдующіе протесты,—было его возстаніе противъ этого біологическаго закона¹⁾.

¹⁾ На часто выдвигаемый вопросъ о томъ, не относится ли другое предположеніе, карающееся біологической эволюціи,—именно, предположеніе о переживаніи наиболѣе приспособленныхъ,—къ

307. Едва ли надо повторять, что сказанное относится не только къ людямъ съ выдающимися способностями, но и ко всѣмъ людямъ вообще и ко многимъ животнымъ, у которыхъ есть значительная социальная традиція и социальные инстинкты. Эта форма возстанія сдѣлалась инстинктивною и сама была закрѣплена сперва въ силу закона измѣнчивости, а затѣмъ въ силу закона социальной наслѣдственности. Человѣкъ, являющийся социальнымъ существомъ, это—самый нормальный человѣкъ; социальные учрежденія, это—пути, по которымъ наиболѣе нормально протекаетъ его жизнь. Такъ, всякій изъ насъ мыслить, чувствуетъ, дѣйствуетъ—превращаетъ общее въ частное—на всѣ времена. Мы дѣйствуемъ сообразно своимъ способностямъ, чтобы создавать социальное наслѣдство для своихъ потомковъ; и великій человѣкъ, государственный дѣятель, поэтъ, научный геній не дѣлаетъ ничего большаго. Его вліяніе имѣетъ ту силу, какая ему принадлежитъ въ дѣйствительности, лишь постольку, поскольку мы, обыкновенные люди, поддерживаемъ тѣ подмостки, на которыхъ онъ играетъ свою роль. Мы нужны ему точно такъ же, какъ мы сами надѣемся имѣть его. И помимо этого взаимнаго вліянія между нимъ и нами, мы,

представленіямъ, какъ таковымъ, мы уже дали отвѣтъ (гл. V, § 4). Мы видѣли, что незаконно пользоваться такого рода аналогіей для построения социологической теоріи, которая была бы аналогична біологической теоріи, разъ оказывается непримѣнимымъ основной принципъ,—принципъ физической наслѣдственности,—необходимый въ біологіи для дѣйствительности борьбы и переживания. Представленія распространяются социальнымъ путемъ, посредствомъ подражательнаго «обобщенія», о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить (§ 3). Несостоятельное примѣненіе біологической аналогіи въ социологической литературѣ въ значительной степени объясняется непризнаніемъ того факта, что оба принципа должны дѣйствовать совмѣстно въ біологіи и что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ отсутствуетъ въ социальной эволюціи. Относительно различныхъ видовъ отбора см. § 40, прим.; § 120 и сл.; а также мою книгу Development and Evolution, гл. XII, § 2.

въ свою очередь, играемъ роль геніевъ, героевъ, великихъ законодателей по отношенію къ нашимъ дѣтямъ, нашимъ ученикамъ, нашимъ товарищамъ, которые находятся въ менѣе привилегированномъ положеніи или менѣе одарены, чѣмъ мы.

308. Въ-четвертыхъ, эта тенденція превращать общее въ частное объясняетъ намъ противорѣчія между личными и социальными санкціями. Общій фактъ социальной организаціи связанъ съ двумя главными тенденціями, которыя въ индивидуумѣ представлены тѣми санкціями, которыя мы называемъ разсудочными и нравственными. Разсудочныя санкціи, какъ мы видѣли на ребенкѣ— и на такихъ яркихъ социальныхъ образчикахъ, какими являются профессиональные преступники,—очень легко переходятъ въ крайность, давая результаты не-социальные или анти-социальные. Но мы видѣли, что самое развитіе разсудка въ сторону общаго знанія, съ его чувствованіями социальной, нравственной и религіозной цѣнности, вызываетъ возникновеніе новой категоріи санкцій. И именно съ послѣдними отождествляются подлинныя социальныя санкціи (какъ онѣ выражены обществомъ и его учрежденіями). Такимъ образомъ возникаетъ конфликтъ между собственными санкціями челоѣка, обнаруживающійся въ видѣ разсудочнаго возстанія индивидуума противъ общества. Это означаетъ просто, что извлекаемое имъ частное не можетъ быть ассимилировано съ тѣми обобщеніями, которыя сдѣлало общество; и тогда либо данный челоѣкъ долженъ быть обезвреженъ, либо общество должно быть преобразовано въ тѣхъ отношеніяхъ, которыхъ касается его мысль. Указанные уже случаи развитія необычайныхъ разсудочныхъ требованій, направленныхъ противъ преобладающихъ сужденій общества,—требованій преступника, а часто и ребенка,—служатъ образчиками такого мышленія, превращающаго общее въ частное и болѣе или менѣе свободнаго отъ нравственныхъ задержекъ.

Кромѣ того, есть и разновидности другого рода—индивидуумы, которые вслѣдствіе своей безпокойной совѣсти не желаютъ повиноваться закону; или которые возстаютъ противъ нравственныхъ мѣрилъ общества, отстаивая, быть можетъ, болѣе высокую и болѣе чистую нравственность, нежели та, до которой дошло общество. Эти конфликты не только не представляются признакомъ безпорядка и возвратомъ къ дуализму въ соціальной теоріи, но являются дѣйствительными событіями въ томъ болѣе широкомъ взаимодействіи силъ, изъ котораго слагается соціальный прогрессъ. Никакому психологу не надо объяснять, что частное является частичнымъ только въ силу своего частичнаго конфликта съ общимъ; и чѣмъ рѣзче конфликтъ (при условіи, что частное все же остается частнымъ, а не чѣмъ-то обособленнымъ), тѣмъ больше его цѣнность какъ съ точки зрѣнія возможностей общаго, такъ и съ точки зрѣнія реальности отдѣльныхъ фактовъ. Но этого рода конфликты мы рассмотримъ нѣсколько подробнѣе послѣ того, какъ изслѣдуемъ вторую изъ нашихъ соціальныхъ силъ—обобщеніе, дѣлаемое самимъ обществомъ.

§ 3. Сила, превращающая частное въ общее.

309. Теперь, когда мы переходимъ къ разсмотрѣнію той силы, которую представляетъ общество въ противоположность индивидууму, пожалуй, излишне будетъ принимать предосторожности, чтобы не впасть въ дуализмъ взглядовъ; отъ такого дуализма должно уберечь то, что изложено въ предшествующей главѣ. Единственный дуализмъ, который сколько-нибудь обоснованъ, это — дуализмъ фактовъ, проявляющійся въ указанномъ уже противорѣчьи санкцій; и мы скоро увидимъ, что онъ является лишь частнымъ случаемъ въ болѣе глубокомъ единствѣ, обнимающемъ весь процессъ соціального развитія. Но тенденціи, обнаруживающіяся въ продуктахъ соціальной эволюціи, во-

площенныхъ въ учрежденіяхъ, стоятъ въ такомъ контрастѣ съ достиженіями отдѣльныхъ индивидуумовъ, что надо, пожалуй, сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно этого контраста. Помня о характерныхъ чертахъ той функціи индивидуума, которую мы назвали «превращеніемъ общаго въ частное», надо принять во вниманіе нѣкоторыя истины, касающіяся общества. Ихъ мы обозначимъ общимъ терминомъ «обобщеніе».

310. Во-первыхъ, общество обобщаетъ то, что индивидуумъ уже превратилъ въ частное. Это значитъ просто, что общество не является само тѣмъ, кто мыслить, чувствуетъ или дѣйствуетъ. Слишкомъ сильно было бы сказать, какъ часто говорятъ, что общество представляетъ собою лишь агрегатъ индивидуумовъ и потому само не можетъ ничего дѣлать; ибо, какъ мы видѣли, самыя кровавыя сцены въ исторіи—не говоря уже о менѣе исключительныхъ явленіяхъ—были непосредственнымъ дѣломъ извѣстныхъ соціальныхъ группъ, взятыхъ въ цѣломъ,—дѣломъ, для котораго ни одинъ индивидуумъ въ группѣ не нашелъ бы санкціи, если бы выполнилъ его въ одиночку. Это выяснено работами авторовъ, писавшихъ въ послѣдніе годы о соціальной психологіи. Соціальный факторъ—это не есть агрегатъ индивидуумовъ, соединенныхъ въ извѣстныя группы.

Тѣмъ не менѣе, вѣрно, что мысль, подъ вліяніемъ которой дѣйствуетъ вся группа, имѣется въ умахъ индивидуумовъ, поскольку вообще здѣсь имѣется какая-либо мысль; вѣрно, въ общемъ, также и то, что у толпы нѣтъ такихъ мыслей и такихъ дѣйствій, которыхъ не могло бы быть и у индивидуумовъ, когда они поступаютъ подъ вліяніемъ внушенія, хотя бы внушеніе получалось и какимъ-либо инымъ путемъ. Существуютъ различныя соотношенія этого рода между мыслями индивидуума и общества; но я могу остановиться только на одномъ соотношеніи, которое является нормальнымъ и представляетъ для насъ особый

интересъ, такъ какъ мы увидимъ, что оно охватываетъ всѣ остальные.

То, что воспринимается обществомъ и, въ качествѣ его приобрѣтенія, получаетъ долговѣчную форму,—это обыкновенно бываетъ продуктомъ самаго строгаго мышленія наиболѣе способныхъ индивидуумовъ. Во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности и человѣческаго знанія новыя идеи получаютъ отъ тѣхъ людей, которые благодаря своимъ дарованіямъ и своему воспитанію при нормальныхъ для даннаго общества условіяхъ оказываются наиболѣе способными сдѣлать дѣйствительный шагъ впередъ въ пониманіи природы, въ полезномъ примѣненіи своихъ знаній и въ достиженіи наивысшихъ и самыхъ идеальныхъ формъ поэтическаго, художественнаго и эмоциональнаго проникновенія. Это—нормальные учителя общества.

Дѣло общества при этомъ—обобщать частныя мысли или цѣнности. Какая-нибудь новая законодательная схема—скажемъ въ области обложения—является продуктомъ мысли одного человѣка. Эта мысль должна сдѣлаться общей мыслью въ группѣ остальныхъ гражданъ или остальныхъ законодателей. Это—одна форма обобщенія мысли. Послѣдняя не сохраняетъ въ каждой головѣ именно той формы, какую она имѣла первоначально. Сущностью мысли является ея общая часть, могущая претвориться въ дѣло. И для того, чтобы мысль могла послужить на благо общества, въ жизнь проводится именно эта часть ея, которая оказалась общею. Поэтому форма, въ какой подобнаго рода мысль реализуется въ видѣ закона,—или, въ иныхъ случаяхъ, въ видѣ учрежденія, обряда, обычая,—рѣдко бываетъ именно та, которую представлялъ себѣ ея создатель. Идея или сущность проекта остается та же; но ей придается такая форма, при которой она оказывается приспособленной къ мышленію многихъ людей и къ практическимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней этими людьми.

Затѣмъ, послѣ такого перваго обобщенія, другіе

способные люди снова превращают общее въ частное; это видно по тѣмъ «усовершенствованіямъ», которымъ подвергается всякое практическое изобрѣтеніе послѣ первоначальнаго своего воплощенія въ какой-нибудь грубой машинѣ.

Разумѣется, различныя изобрѣтенія и различныя мысли всякаго рода очень отличаются другъ отъ друга какъ по своему характеру, такъ и по своей соціальной участи; и я не хочу сказать, что мысль всякаго мыслителя непременно подвергается усовершенствованію, прежде чѣмъ она начнетъ оказывать соціальное дѣйствіе. Но вѣрно, какъ кажется, то, что, если смотрѣть съ точки зрѣнія учрежденія, которое въ концѣ-концовъ создается благодаря мысли какого-нибудь великаго мыслителя,—эта мысль оказывается такого рода мыслью, что средній человѣкъ можетъ воспринять ее, привязаться къ ней, дѣйствовать сообразно съ нею. Въ политической жизни принципы надо выставлять конкретно, съ многочисленными примѣрами, такъ какъ только при этомъ условіи они получаютъ убѣдительную силу для голосящихъ. Соціальныя мѣропріятія, представляющія наименьшую сложность и допускающія наиболѣе широкое приложеніе, скорѣе всего будутъ приняты. Художественное произведеніе, затрогивающее какое-нибудь общее чувствованіе или имѣющее настолько общій смыслъ, что всякій средній человѣкъ можетъ понять его и почувствовать его красоту, такое произведеніе скорѣе всего будетъ оцѣнено людьми. Все это, повидимому, показываетъ, что до той исключительной высоты, на какой стоитъ оригинальный мыслитель, не могутъ подняться члены общества, къ которымъ онъ обращается со своей мыслью. Наоборотъ, его мысль должна сообразоваться съ главнымъ запасомъ установленныхъ истинъ, которыя общество уже понимаетъ и цѣнитъ. Въ результатъ получается то, что новая мысль, такъ сказать, «урѣзывается», самыя смѣлыя и новыя ея черты затемняются; и въ концѣ-концовъ она воплощается въ такой общей формѣ, въ какой ее могутъ оцѣнить наиболѣе широкіе

круги, и сама она можетъ получить наиболѣе широкое примѣненіе.

311. Во-вторыхъ, надо также замѣтить, что лишь въ той мѣрѣ, въ какой этотъ процессъ обобщенія выполненъ правильно, долговѣчность новыхъ элементовъ въ соціальной жизни представляется обезпеченной; ибо новыя санкціи, получившіяся благодаря мышленію и борьбѣ одного поколѣнія, должны быть усвоены слѣдующимъ, должны войти въ составъ педагогической санкціи, которая принудительно вліяетъ на сыновей и дочерей. А только общія понятія, составляющія основу учреждений, могутъ этимъ путемъ сдѣлаться объектомъ педагогической санкціи. Особенности мысли, которыя принадлежатъ только единичному мыслителю, или даже такія, которыя ему удалось передать людямъ одного съ нимъ поколѣнія, не могутъ продолжать жить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, если эти послѣдующія поколѣнія пользуются тѣми же прерогативами мышленія. Послѣдующія поколѣнія могутъ только строить дальше на основѣ тѣхъ общихъ принциповъ или идей, которыя предшествовавшими поколѣніями были продуманы и внесены въ структуру соціальнаго зданія.

Примѣры этого имѣются въ изобиліи. Такъ, развитіе демократическихъ идей въ наше время повсюду обнаруживаетъ ту измѣнчивость, какой и надо было бы ожидать въ виду разницы въ степени искренности, съ которою тотъ или иной народъ продѣлалъ работу обобщенія. Во Франціи была сдѣлана попытка примѣнить сразу демократическую философію одного чловека и одной школы академическихъ мыслителей, всецѣло сохраняя за этой философіей тотъ характеръ, который былъ ей приданъ именно этими людьми. Результатъ показалъ абсолютную невозможность сразу выстроить новое соціальное зданіе, основаніемъ котораго должна служить мысль о «свободѣ, равенствѣ и братствѣ»,—мысль имѣвшая мало общаго съ предыдущимъ развитіемъ національной жизни во Франціи. Оба ука-

занныхъ выше затрудненія проявились здѣсь, и каждое изъ нихъ оказалось непреодолимымъ. Во-первыхъ, для новой идеи не существовало надлежащей опоры въ видѣ соотвѣствующихъ законовъ или социальныхъ условностей; не было ни прецедентовъ, ни охраны, ни нормъ, на которыя можно было бы сослаться. При такомъ положеніи вещей частный характеръ мысли охраняетъ ее лишь до тѣхъ поръ, пока она не распространяется въ широкихъ кругахъ, или пока не появляется носящая такой же частный характеръ идея другого мыслителя, которая съ большей социальной силою обращается къ внушаемости народа. Во-вторыхъ, наиболѣе ярко проявился второй недостатокъ—отсутствіе надлежащихъ педагогическихъ санкцій для новыхъ поколѣній демократической Франціи. Учрежденія, созданныя однимъ человѣкомъ, не могутъ существовать просто потому, что одинъ человѣкъ не въ состояніи обезпечить для своей мысли продолжателей, какъ онъ можетъ это по отношенію къ своей семьѣ. Во всѣхъ превратностяхъ республиканской жизни во Франціи мы видимъ націю, которая то здѣсь, то тамъ ищетъ чего-нибудь, чему она могла бы учить своихъ сыновей.

Чрезвычайно поучительный контрастъ къ этому представляетъ развитіе демократическихъ идей въ Англіи. Мысль о народномъ конституціонномъ правленіи послѣдовательно и успѣшно упрочивалась благодаря именно тому процессу социального обобщенія, о которомъ мы теперь говоримъ. Камень за камнемъ извлекался изъ каменоломенъ республиканскаго правленія и всеобщаго избирательнаго права и укладывался въ зданіе монархіи; но это дѣлалось столь удачно и постепенно, что все зданіе стоитъ, какъ памятникъ въ одно и то же время и великимъ мыслямъ великихъ людей—такихъ великихъ, какъ Руссо и Вольтеръ,—и истинному социальному прогрессу.

Франція получила прочное демократическое правленіе дорогой цѣною, заплативъ за него и революціей, и

анархіей, и безпорядками; Англія получила то же самое, но путемъ постепеннаго развитія.

То же самое мы видимъ и въ области искусства, и даже въ области механическихъ изобрѣтеній. Въ какой-нибудь школѣ живописи царить одинъ стиль одного великаго человѣка; ему принадлежитъ оригинальная мысль, или манера, или стиль. Но тѣ, кто подражаютъ ему, не составляютъ его школы. Каждый художникъ, который учится у него, долженъ обобщить мысль или манеру учителя, связывая ее со всей традиціей искусства и съ тѣмъ, что есть оригинальнаго и крупнаго въ немъ самомъ. Такимъ образомъ въ школѣ появляются все новые мастера. Остальные только копируютъ. И въ томъ, что настоящій художникъ даетъ, какъ вкладъ на всѣ времена для мірового развитія искусства, должна содержаться та общая сущность метода или идеи, которая можетъ сдѣлаться содержаніемъ педагогической дисциплины изъ поколѣнія въ поколѣніе. Здѣсь, какъ и повсюду, чисто-личное является эксцентрическимъ и временнымъ; и хотя вначалѣ новый успѣхъ достигается благодаря носящимъ частный характеръ произведеній одного какого-нибудь мыслителя, однако изъ этого частнаго только то, что можетъ быть обобщено, становится истиннымъ выигрышемъ для общества и для всего міра.

312. Въ-третьихъ, дѣйствительный прогрессъ общества измѣряется не непосредственно тѣмъ частнымъ, что достигнуто индивидуумами, а обобщеніями, которыя сдѣланы обществомъ. Здѣсь опять-таки, мы можемъ воспользоваться аналогіей, взятой изъ біологіи. Дѣйствительнымъ мѣриломъ того, чего достигъ какой-нибудь видъ, служить положеніе, занимаемое этимъ видомъ, какъ таковымъ, на лѣстницѣ жизни въ отношеніи того или иного качества. Индивидуумъ оцѣнивается по тому, насколько онъ отвѣчаетъ среднему уровню, который представленъ всѣмъ видомъ. Если онъ слишкомъ сильно уклоняется

отъ общаго типа, онъ будетъ «выродкомъ», и именно потому, что упроченіе его особенностей менѣе вѣроятно въ виду общей тенденціи физической наслѣдственности—тенденціи возвращаться къ среднему уровню. Но мы видѣли, что социальный прогрессъ въ этомъ отношеніи не подвергается ограниченіямъ со стороны физической наслѣдственности; однако, вѣрно и то, что форма наслѣдственности, благодаря которой совершается социальный прогрессъ, — социальная наслѣдственность, передача при посредствѣ педагогическихъ факторовъ и т. д.—подвергается аналогичнымъ ограниченіямъ въ своей собственной сферѣ¹⁾. Ибо подобно тому, какъ какое-нибудь физическое видоизмѣненіе, слишкомъ отклоняющееся отъ средняго, имѣетъ тенденцію стираться въ возвращающихся вспять продуктахъ наслѣдственности, точно такъ же и мысль, слишкомъ удаляющаяся отъ традицій, обычаевъ, условностей, не усваивается народнымъ умомъ и, такимъ образомъ, стирается несмотря на свою цѣнность. Великіе мыслители сами являются лучшимъ мѣриломъ возможностей, представляемыхъ данною социальною группою, чѣмъ отдѣльныя мысли, высказанныя тѣмъ или инымъ изъ нихъ. Ибо разъ есть мыслители, всегда можно ожидать и мыслей: они вѣдь не могутъ не думать. Когда же дана мысль, ея конечная ошибочность является ея смертию. По этому поводу возникаютъ интересные вопросы, на которые, быть можетъ, могла бы отвѣтить статистика: сколько дѣйствительно великихъ людей производитъ та или иная нація, то или иное общество въ каждомъ поколѣніи? и существуетъ ли какая-нибудь связь между числомъ великихъ людей и тѣмъ подъемомъ общаго уровня культуры, который мы называемъ социальнымъ прогрессомъ? Оба эти вопроса чрезвычайно сложны, и допускаютъ только относительное разрѣшеніе въ виду неопредѣленности выраженія «дѣйствительно великій».

¹⁾ Но только аналогичнымъ. Дѣйствительный процессъ родствененъ духовному «обобщенію».

Теперь для насъ интересно то обстоятельство, что какая-нибудь мысль или какое-нибудь представленіе—частное, выведенное однимъ умомъ,—можетъ не сдѣлаться объектомъ обобщенія, необходимаго съ соціальной стороны. Это часто случается. И это означаетъ, что существуетъ извѣстный предѣлъ для сохраненія какого-либо соціальнаго вліянія при посредствѣ соціальной наслѣдственности, подобно тому какъ существуетъ предѣлъ, о которомъ мы уже говорили, для физической наслѣдственности. Слишкомъ оригинальная мысль, это—соціальный «выродокъ». Часто она бываетъ мертворожденною. Такимъ образомъ, для провѣрки того, какіе элементы дѣйствительно имѣются въ національной или соціальной жизни, могутъ служить ея обобщенія,—установленные учрежденія, обычаи, вѣрованія, условности,—а не отдѣльные памятники тѣмъ геніямъ, которыхъ она создала. Было бы совершенно ошибочно рисовать себѣ, на примѣръ, картину національной жизни древнихъ грековъ на основаніи греческой героической поэзіи, или принимать «мысли» Эпиктета или Паскаля за мѣрило нравственныхъ воззрѣній римлянъ или французовъ. Какъ мы сказали выше «свобода, равенство и братство»—это было достаточнымъ идеаломъ въ качествѣ лозунга для демократіи на всѣ времена; но событія, послѣдовавшія непосредственно за побѣдой восторженныхъ поклонниковъ этого лозунга, не представляли собою осуществленія той идеальной жизни, которой надо было бы ожидать отъ проведенія указанной формулы въ дѣйствительность. И обобщаетъ ли человѣчество этотъ лозунгъ гдѣ-либо хотя бы теперь?—какъ ни сильно бьются сердца отдѣльных людей при звукѣ этихъ словъ.

313. Въ-четвертыхъ, соціальный прогрессъ, провѣряемый и измѣняемый такимъ способомъ, долженъ приводить къ постоянному подавленію санкцій индивидуума, поскольку онѣ остаются въ конфликтѣ съ санкціями общества. Если мысли, чувство-

ванія, протесты, похвалы индивидуума, пользующіеся его личною санкціей, не подвергаются такому соціальному обобщенію, которое, какъ мы видѣли, необходимо для ихъ долговѣчности, они, тѣмъ самымъ, становятся бесплодны и понемногу стущовываются. Они не являются цѣнными факторами въ соціальномъ организмѣ, сколько бы разъ они ни возвращались у отдѣльных индивидуумовъ и сколько бы ни искали себѣ соціального выхода. Такое устраненіе мыслей происходитъ даже тогда, когда сами индивидуумы не устраняются. Мы бойкотируемъ опредѣленные книги, отвергаемъ извѣстныя лжеученія, уничтожаемъ народные предразсудки посредствомъ «воспитательныхъ походовъ». Общее направленіе соціальной эволюціи дается прошедшимъ,—главнѣйшими продуктами работы безчисленныхъ мыслителей, продуктами, которые всѣ ассимилированы или обобщены въ великой системѣ принятыхъ истинъ и традицій. Мы видѣли, что какая-нибудь новая идея можетъ очень существенно измѣнить эту систему; и мѣриломъ величія всякой идеи служить то, насколько она измѣняетъ традицію. Но, давая такой результатъ, будучи такимъ образомъ обобщаема и получая соціальную цѣнность, подобная идея пользуется уже соціальною санкціей, и, слѣдовательно, вліяніе ея на индивидуумовъ данной соціальной группы перестаетъ имѣть своимъ источникомъ только личность или авторитетъ отдѣльнаго мыслителя. Пусть послѣдній умретъ,—его мысль все же продолжаетъ жить въ учрежденіяхъ, которыя составляютъ достояніе всѣхъ людей. Такимъ образомъ санкція переходитъ изъ личной сферы въ соціальную; а затѣмъ, благодаря воспитанію дѣтей, она снова переходитъ изъ соціальной въ личную сферу. Всѣ остальные мысли или формы дѣйствованія, которымъ индивидуумъ даетъ начало, оказываются мимолетными и исчезаютъ.

Разумѣется, соціальный ростъ какой-нибудь идеи можетъ быть очень постояннымъ; здѣсь могутъ происходить приливы и отливы; число сторонниковъ дан-

ной идеи может то увеличиваться, то уменьшаться; и все же она может, въ концѣ-концовъ, побѣдить и получить всеобщее социальное признаніе. Такова, въ дѣйствительности, исторія большинства социальныхъ реформъ и многихъ учреждений. Но отъ этого не становится менѣе вѣрно, что повсюду индивидуальное является убывающимъ, а социальное—возрастающимъ факторомъ. Какая-нибудь идея распространяется и получаетъ социальное значеніе ровно постольку, поскольку она получаетъ болѣе общую форму, которая дѣлаетъ ее социально пріемлемою. Переходъ ея изъ чистоличной въ законченную социальную форму можетъ быть ознаменованъ всевозможными колебаніями. Но когда она получаетъ социальное воплощеніе, тогда она становится долговѣчной и продуктивной въ человѣческой жизни не потому, что тотъ или иной индивидуумъ даетъ ей свою личную санкцію, а потому, что она является достояніемъ общества, какъ такового.

Закрывающаяся въ этомъ параграфѣ мысль интересна, главнымъ образомъ, въ виду того, что она позволяетъ сдѣлать нѣкоторые выводы относительно направленія социального прогресса. Эти выводы будутъ изложены въ заключительныхъ главахъ настоящей книги.

§ 4. Соціономическія силы.

313а. Разсматривая, какъ мы это дѣлали, объ интрасоціальныя или психологическія силы, которыя мы теперь признали за единственныя дѣйствительныя социальные силы, мы не должны оставлять безъ вниманія и той чрезвычайно важной группы вліяній, которая обуславливаетъ собою социальную жизнь и социальный прогрессъ. Разсмотрѣніе ихъ, собственно, принадлежитъ соціономикѣ ¹⁾ — наукѣ о

¹⁾ Этотъ терминъ предложенъ (см. мой *Diction. of Philos.*) по аналогіи съ терминомъ біологовъ—«біономика» (и біономическія соотношенія); въ естествознаніи этимъ терминомъ обозначаются соотношенія между организмами и окружающей ихъ средою.

соотношеніи между соціальною жизнью и ея обстановкою, включая сюда и другія соціальныя группы. Эти внѣ-соціальныя силы являются условіями, но не соціальными силами въ строгомъ смыслѣ слова. Они представляютъ собою, такъ сказать, берега или преграды для соціального потока, а благодаря своему взаимодействію съ подлинными соціальными силами оставляютъ даже слѣды на самомъ соціальномъ организмѣ. Соотношеніе между ними и подлинными соціальными силами подобно тому соотношенію, которое психологъ признаетъ между собственно психологическими и фізіологическими явленіями. Различныя состоянія организма—напримѣръ, отравленіе, утомленіе, голодъ, пресыщеніе отражаются на душевномъ строѣ и, такимъ образомъ, вліяютъ на психическое развитіе индивидуума; но мы не называемъ, однако, всего этого душевными или психическими силами. Они имѣютъ психическое значеніе только потому, что при посредствѣ создаваемыхъ ими раздраженій и ограниченій они обусловливаютъ извѣстные единообразные результаты въ самой психической организаціи. Эта аналогія между внѣ-соціальными вліяніями съ ихъ послѣдствіями, отражающимися на соціальномъ организмѣ, и между внѣ-душевными или фізіологическими вліяніями, отражающимися на душевной жизни индивидуума,—эта аналогія есть нѣчто большее, чѣмъ аналогія. Когда мы размышляемъ, мы находимъ, что именно благодаря связи между душою и тѣломъ (одна часть аналогіи) внѣ-соціальныя силы (другая часть аналогіи) получаютъ свое значеніе. Отсюда становится еще яснѣе, что мы не можемъ называть перечисленные ниже вліянія соціальными силами; ибо они настолько далеки отъ непосредственнаго воздѣйствія на организацію общества, что становятся факторами въ этой организаціи только окольнымъ путемъ—путемъ возбужденія нервной системы индивидуумовъ. Называть измѣненія въ составѣ крови психологическими фактами было бы такъ же правильно, какъ называть физическія перемѣны, на-

примѣръ, прорытіе Суэцкаго канала, соціальными фактами; но то и другое, несомнѣнно, должно быть принято въ расчетъ при философскомъ выясненіи всѣхъ опредѣляющихъ условій въ обѣихъ этихъ областяхъ знанія.

Какого рода условія я разумѣю подъ терминами «внѣ-соціальный» и «соціономическій», это будетъ ясно изъ нижеслѣдующаго перечня. Этотъ перечень, однако, не претендуетъ на полноту. Исчерпывающее разсмотрѣніе указанныхъ условій не входитъ въ нашу задачу въ виду тѣхъ основаній, которыя изложены въ § 2 «Введенія» къ настоящей книгѣ ¹⁾).

1) Групповой отборъ (описанный выше, въ § 120).—Групповой отборъ является чрезвычайно важнымъ условіемъ въ развитіи соціальныхъ агрегатовъ, находящихся въ періодѣ инстинктивности или самопроизвольности,—т.-е. того, что я называю «сообществами». Но этотъ видъ отбора имѣетъ значеніе для всѣхъ обществъ, когда условія таковы, что соперничаютъ между собою группы, взятая въ цѣломъ. Не только настоящая война, но и торговля и соціальная война всякаго рода даетъ примѣръ группового отбора. Дѣйствіе этого принципа вполне аналогично и даже тождественно съ дѣйствіемъ естественнаго отбора въ биологии, и аналогію эту прекрасно разработалъ Бэгхотъ въ своей замѣчательной книгѣ (*Bagehot, Physics and Politics*). Она же служитъ однимъ изъ основныхъ положеній книги *S. Alexander, Moral Order and Progress*. Бэгхотъ ясно сознаетъ (хотя и не говоритъ объ этомъ съ полной отчетливостью) разницу между групповымъ отборомъ, какъ условіемъ эволюціи на самыхъ раннихъ стадіяхъ человѣческаго объединенія, и дѣйствіемъ настоящей соціальной силы «разсужденія» (о которой мы выше говорили, обозначая ее

¹⁾ Однако сказаннаго достаточно, чтобы увеличить полезность этой книги для читателей, интересующихся соціологіей, и чтобы уяснить, какова дѣйствительная область соціальной психологіи.

словомъ «обобщеніе») при болѣе высокихъ формахъ. Но если существуетъ разница между низшими и высшими формами, то это служить лишнимъ доказательствомъ того, что групповой отборъ является условіемъ, а не соціальной силою; ибо низшія формы опредѣляются, какъ мы видѣли, въ очень значительной степени, біологическими принципами въ родѣ инстинкта и физической наслѣдственности, и не приводятъ къ соціальному прогрессу, который позднѣе является продуктомъ работы психологическихъ силъ. Но именно здѣсь-то групповой отборъ и имѣетъ наибольшее значеніе.

Большинство авторовъ, которые смотрятъ на происхожденіе и прогрессъ общества съ точки зрѣнія естественнаго отбора, впадаютъ въ ошибку потому, что не проводятъ различія между соперничествомъ и отборомъ группъ, съ одной стороны, и внутреннимъ прогрессомъ общества — съ другой ¹⁾, т.-е. различія между «однотипной» и «многотипной» эволюціей. Групповой отборъ объясняетъ переживаніе групповыхъ типовъ. Но въ большинствѣ случаевъ именно благодаря внутреннимъ психологическимъ процессамъ возникаетъ и прогрессируетъ соціальная организація въ предѣлахъ группы. Естественный или индивидуальный отборъ можетъ дѣйствовать и здѣсь, но лишь подчиненнымъ образомъ.

2) Индивидуальный отборъ, это—естественный отборъ, дѣйствующій среди индивидуумовъ, между которыми ведется соперничество на жизнь и на смерть. Представимъ себѣ, напримѣръ, что гениальный человѣкъ, еще не давшій міру своего изобрѣтенія,—скажемъ, той машины, которая, будучи осуществлена, оказала бы большое вліяніе на судьбу рабочаго класса,—что этотъ человѣкъ встрѣчаетъ въ своемъ кабинетѣ вора, который его убиваетъ. Здѣсь передъ

¹⁾ Эту ошибку допускаетъ даже такой осторожный мыслитель какъ проф. Пирсонъ (K. Pearson, Grammar of Science, 2-е изд., стр. 358—361).

нами такой случай, когда благодаря устраненію одного человѣка задержится ходъ эволюціи какого-либо народа или всего человѣчества. Подобнаго рода случай показываетъ, что естественный отборъ индивидуумовъ является важнымъ условіемъ соціального развитія, — когда важное значеніе принадлежитъ самимъ индивидуумамъ. Но естественный отборъ не есть опредѣленная сила даже въ біологіи ¹⁾. Онъ — отрицательное условіе, констатированіе — въ соціологіи, какъ и въ біологіи — той эволюціи, которая совершается въ дѣйствительности, и ничего не говоритъ о томъ, какова она была бы при другихъ условіяхъ. Эта эволюція, опять-таки, особенно важна на тѣхъ ступеняхъ общественности, гдѣ царитъ непосредственное соперничество между индивидуумами, разрѣшающееся благодаря физической силѣ или духовной одаренности; но она оказывается безрезультатною въ другихъ и наиболѣе существенныхъ случаяхъ вслѣдствіе того обстоятельства, что признаки, подвергающіеся отбору, не закрѣпляются путемъ планомѣрныхъ брачныхъ соединеній; какъ было сказано выше, дѣйствію физической наслѣдственности, которое является необходимымъ звеномъ въ эволюціи благодаря естественному отбору, здѣсь нѣтъ мѣста.

3. Вторженіе «физиологическаго круга». Мы видѣли выше (§ 43), что «причинный кругъ», представленный такими психологическими и

¹⁾ Неоднократно было указано (см. Соре, Primary Factors of Evolution, гл. VII; Baldwin въ Psychol. Rev., IV, 1897, стр. 219), что естественный отборъ въ біологической эволюціи является не силою или причиною, а условіемъ. Въ самомъ выраженіи „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“, которое предложено Спенсеромъ, уже заключается анализъ естественнаго отбора. Приспособленность предполагается; она возникаетъ путемъ измѣненія; переживаніе или отборъ, который подразумѣвается подъ словами „естественный отборъ“, представляетъ собою констатированіе получившихся результатовъ „заднимъ числомъ“. Этимъ просто утверждается, что здѣсь нѣтъ необходимости еще въ какой нибудь положительной силѣ (напримѣръ, въ „особомъ актѣ творенія“).

соціологическими фактами, какъ вѣрованія, желанія и т. д., часто вторгается въ дѣятельность «физиологическаго круга» при посредствѣ личнаго отбора индивидуумовъ, вступающихъ въ брачное соединеніе. Физическая наслѣдственность индивидуумовъ обусловлена сочетаніемъ чертъ, имѣющихся у родителей, и слѣдовательно, отчасти опредѣляется взаимнымъ выборомъ послѣднихъ. Но также вѣрно и обратное: физиологическіе факты вторгаются въ область соціологическихъ и, такимъ образомъ, опредѣляя ихъ собою, становятся «внѣ-соціальнымъ условіемъ» или соціономической силою. Это сказывается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ физическая наслѣдственность вліяетъ на индивидуумовъ или на цѣлыя группы такимъ образомъ, что дѣлаетъ ихъ малоспособными, или повышаетъ ихъ одаренность, или измѣняетъ въ ту или другую сторону ихъ соціальную приспособленность. Люди крупной, мужественной породы имѣли бы то соціальное преимущество, что могли бы брать женъ изъ какой-нибудь высшей группы, а это тотчасъ же отражалось бы на ихъ собственной группѣ. Тамъ, гдѣ соціальное предпочтеніе зависѣло бы отъ физическихъ достоинствъ, тамъ кривыя отъ рожденія ноги являлись бы элементомъ соціальной неприспособленности. То, что называется физической «внѣшностью» и что, вѣроятно, въ значительной степени сводится къ способу держать себя и къ энергичности,—это во многихъ соціальныхъ положеніяхъ замѣняетъ и умъ, и культурность, и ораторскія дарованія. Но эти вещи сами по себѣ не являются соціальными элементами и не могутъ сдѣлаться таковыми ни при какихъ измѣненіяхъ. Они оказываютъ то или иное вліяніе исключительно черезъ посредство тѣхъ психическихъ состояній, условіями которыхъ они служатъ, или которыя вызываются ими въ другихъ. Человѣкъ, воображающій себя кривоногимъ, былъ бы почти такъ же безпомощенъ, какъ если бы онъ въ дѣйствительности обладалъ этимъ недостаткомъ. И есть ли на свѣтѣ такой шаблонный герой, чтобы его «внѣшность» не каза-

лась величественною какой-нибудь дѣвицѣ, снѣдаемой любовью?

4. Далѣе существуютъ физическія условія, о которыхъ такъ много говорилось,—земля и небо, рѣки и каналы, горы и луга. Намъ говорятъ, что они опредѣляютъ собою социальную эволюцію. Да, опредѣляютъ, но не потому, что они сами—соціальныя явленія, а только благодаря тому, что они обуславливаютъ эту эволюцію, вторгаются въ ходъ ея, ограничиваютъ ее. Пусть какая-нибудь порода животныхъ, которая не въ состояніи мыслить, понимать какое-либо социальное положеніе, знать другъ друга въ качествѣ участниковъ взаимнаго социальнаго обмѣна, — пусть такая порода живетъ на лугахъ, въ рѣкахъ, подъ вѣчно голубымъ небомъ,—и какого рода социальное вліяніе будутъ оказывать на нее всѣ эти физическія явленія? Но придайте этой природѣ психологическія черты, пусть это будутъ люди,—и чего не сдѣлаютъ они, даже на самой плоской равнинѣ. Здѣсь передъ нами опять внѣ-соціальныя условія. Земля и вода обуславливаютъ собою раздѣленіе и обособленіе, соперничество и взаимную защиту, терпимость и соединеніе, обмѣнъ и союзничество; но налицо должна быть сущность социальнаго матеріала и социальнаго процесса, и именно она дѣйствуетъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Укажемъ еще примѣръ изъ новѣйшей біологической теоріи, гдѣ рѣчь часто можетъ итти о результатахъ такихъ физическихъ различій. Утверждаютъ, что факты изоляціи представляютъ собою извѣстную біологическую силу, такъ какъ, если животныя изолированы другъ отъ друга, данный родъ лишается возможности получать смѣшеніе ихъ наслѣдственныхъ чертъ, и наслѣдственность рода заранѣе ограничивается; отсюда возникаютъ различные типы. Фактически это вѣрно; но почему придавать нѣкоторой абстракціи значеніе реальной силы? Изоляція всегда достигается благодаря какой-нибудь реальной силѣ,—скажемъ, благодаря вихрю, который уноситъ изолируемые индиви-

дуумы,—но біологическими силами являются жизненные процессы, сохранившіеся у этихъ индивидуумовъ. Вихрь, это—условіе, которое въ нѣкоторой степени отрицательно опредѣлило собою результатъ; но кто назоветъ вихрь біологической силою? Самое большее, это—вторженіе физическихъ силъ въ біологическій кругъ. Точно такъ же обстоитъ дѣло со всѣми физическими перемѣнами, за которыми признается извѣстное вліяніе на соціальную жизнь и соціальное развитіе: онѣ являются условіями, вторгнувшимися физическими факторами, но не соціальными силами.

Разсмотрѣніе этихъ внѣ-соціальныхъ условій заставляетъ насъ еще рѣшительнѣе отстаивать свой взглядъ, что только психологическіе источники перемѣнъ могутъ быть названы «соціальными силами»¹⁾. Можно было бы указать и другія условія этого рода, но разсмотрѣніе ихъ привело бы къ тому же выводу.

¹⁾ Силою въ физикѣ называется то, что производитъ перемѣну въ состояніи покоя или движенія; и разные виды силъ—это такіе производители перемѣнъ, которые обнаруживаются при различныхъ, но постоянныхъ физическихъ условіяхъ. Мы говоримъ о силахъ душевныхъ, соціальныхъ и т. д. въ аналогичныхъ случаяхъ, когда совершается перемѣна въ явленіяхъ того или иного порядка; и чтобы придать этому термину сколько нибудь понятный смыслъ, мы должны относить его къ явленіямъ опредѣленнаго порядка съ такой же точностью, какъ это дѣлаетъ физикъ, который всегда опредѣляетъ силы при помощи движенія въ пространствѣ, обусловливающего собою другое движеніе въ пространствѣ. Иначе говоря, сила внутренне присуща тому движенію, въ которомъ, какъ мы говоримъ, она проявляется. По поводу различія между „соціономическимъ“ и „соціальнымъ“ отвѣтъ на нѣкоторыя возраженія см. во „Введеніи“, § 2.

ЧАСТЬ VI.

Соціальная організація.

Глава XII.

Соціальный матеріаль и соціальный процессъ.

I. Соціальный матеріаль.

Цѣль настоящей главы—очертить извѣстное пониманіе общаго факта человѣческой соціальной организаціи, основанное на всемъ вышесказанномъ и соотвѣтствующее опредѣленной тенденціи, которая доказала за послѣдніе годы свою плодотворность, особенно въ работахъ французскихъ авторовъ¹⁾; это — тенденція признавать психологическій характеръ мотивовъ, дѣйствующихъ въ обществѣ. На мой взглядъ, прочнымъ успѣхомъ является то, что біологическая аналогія замѣнилась психологической аналогіей, и что послѣдняя приводитъ авторовъ, пишущихъ о такъ называемой «соціологіи», къ изслѣдованію тѣхъ психологическихъ процессовъ, которые скрываются въ такъ называемыхъ «соціальныхъ» дѣйствіяхъ и побужденіяхъ.

¹⁾ Рекомендую читателю чрезвычайно удачные обзоры, напечатанные въ *Revue de Métaph. et de Morale* (май 1895 г. и май 1896 г.) М. Лапи подъ заглавіемъ „L'Année Sociologique 1894, 1895 гг.“ и продолженные за 1896 г. въ томъ же журналѣ (іюль 1897 г.) Ф. Симіаномъ. См. также интересную книгу *La combe, De l'Histoire considérée comme science*, гдѣ дается обоснованіе психологической точки зрѣнія. Ежегодникъ *L'Année Sociologique* издается Дюркгеймомъ.

§ 1. Разграниченіе вопросовъ.

314. Вопросы, которые должны интересовать того, кто научно изучаетъ общество, мнѣ кажется, два, и каждый изъ нихъ, въ свою очередь, распадается надвое. Первый вопросъ относится къ матеріалу или содержанію соціальной организаціи: что, собственно, организуется?—въ чемъ, собственно, дѣло у общества, что въ немъ повторяется, чѣмъ оно пользуется? Когда мы говоримъ о соціальномъ дѣйствіи хотя бы въ самомъ скромномъ значеніи этого слова, что, собственно, ведетъ къ дѣйствію, какого рода матеріаль долженъ имѣться налицо, разъ имѣется налицо соціальное дѣйствіе? Этотъ вопросъ недавно подвергался очень оживленному обсужденію въ нѣсколько иной постановкѣ. Спрашивали: въ чемъ заключается критерій соціального явленія? Но вопросъ, который я ставлю, представляется болѣе узкимъ, такъ какъ по поводу всякой организаціи возникаетъ еще другой вопросъ въ дополненіе къ вопросу о матеріалѣ, именно—вопросъ о функціональномъ методѣ или процессѣ организаціи соціального матеріала, о типѣ той психологической функціи, которая объясняетъ принимаемую организаціей форму. Мнѣ кажется, что во многихъ добросовѣстныхъ спорахъ послѣдняго времени слабымъ пунктомъ было именно то, что не ставились раздѣльно эти два вопроса—1) о матеріалѣ и 2) о функціональномъ методѣ организаціи данного матеріала.

Возьмемъ примѣръ. У нѣкоторыхъ животныхъ наблюдается организація, которая кажется какъ-будто соціальною. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ при болѣе близкомъ изслѣдованіи мы находимъ, что дѣйствія этихъ животныхъ являются врожденными, что каждое животное играетъ свою роль, въ главной части или всецѣло, просто потому, что оно такъ устроено; когда организмъ его созрѣваетъ для данныхъ дѣйствій, оно выполняетъ ихъ подъ вліяніемъ раздраженій, полу-

чаемыхъ отъ окружающей среды. Теперь противопоставимъ этому выполнение тѣхъ же дѣйствій, при разумномъ сотрудничествѣ, со стороны группы людей или дѣтей, которые намѣренно соединились, чтобы сдѣлать данныя вещи сообща. Само собою очевидно, что психологическое содержаніе въ обоихъ случаяхъ будетъ неодинаково; въ одномъ случаѣ передъ нами дѣйствіе біологическое и инстинктивное, въ другомъ—психологическое и усвоенное. Въ глазахъ наблюдателя результатъ можетъ быть одинъ и тотъ же; и все же остается въ силѣ вопросъ: является ли и методъ или типъ функціи однимъ и тѣмъ же; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что психологическое содержаніе—иное. Поэтому мы можемъ считать, что для начала такое разграниченіе обоихъ вопросовъ достаточно обосновано.

315. Но каждый изъ этихъ двухъ вопросовъ распадается надвое. Если мы признаемъ, что различіе между привычкою (съ ея относительнымъ постоянствомъ функцій) и приспособляваніемъ (съ его относительной пластичностью функцій, которыя проявляются при всѣхъ успѣхахъ въ усвоеніи) касается и общества, тогда какъ матеріаль, такъ и методъ или процессъ соціальной организаціи должны принимать эти двѣ формы и, дѣйствуя сообща, должны производить ихъ. Если, на примѣръ, мы замѣтимъ, что какой-нибудь индивидуумъ имѣетъ привычку поступать опредѣленнымъ образомъ, но въ то же время съ каждымъ днемъ совершенствуется въ выполненіи данного дѣйствія, мы все же скажемъ, что дѣйствіе это, въ извѣстномъ смыслѣ, остается по своему содержанію или значенію одно и то же на протяженіи всего ряда — отъ упрочившейся привычки до искуснаго видоизмѣненія. Когда мы опредѣляемъ содержаніе какого-либо дѣйствія, наше опредѣленіе должно считаться именно съ этой возможностью всего ряда дѣйствій, начиная съ неизмѣнныхъ повтореній, выполняемыхъ въ силу привычки, и кончая крайними видоизмѣненіями, которыя достигаются

путемъ приспособляванія. Иначе говоря, фактъ развитія путемъ ряда приспособляваній долженъ приниматься въ расчетъ при всякомъ опредѣленіи соціальнаго содержанія. И когда говорятъ о прогрессѣ, то надо опредѣлять фактическое содержаніе на каждой данной ступени соціальной организациі. Иными словами, матеріаль соціальной жизни, это—измѣняющійся, развивающійся матеріаль; и при опредѣленіи его надо всегда считаться съ этимъ его свойствомъ.

Такъ должно обстоять дѣло и съ теоріей метода соціального функціонированія. Процессъ соціальной организациі приводитъ къ нѣкоторой развивающейся системѣ. Прогрессъ реаленъ, каково бы ни было его направленіе, если только онъ вытекаетъ изъ постоянного дѣйствія единообразнаго процесса измѣненія на единообразный матеріаль. Это мы видимъ въ соціальной жизни, и это—первое условіе, которое ставится соціальной теоріи какъ тогда, когда она трактуетъ о матеріалѣ, такъ и тогда, когда она трактуетъ о функціи.

§ 2. Историческія теоріи.

316. Чтобы уяснить эти разграниченія и вытекающіе изъ нихъ вопросы, достаточно будетъ отмѣтить недавніе опыты разсмотрѣнія соціальной организациі съ психологической точки зрѣнія ¹⁾. Я укажу только типы

¹⁾ Въ отлпчіе отъ механическихъ и біологическихъ теорій. Такъ называемая біологическая „теорія“ представляетъ собою, на мой взглядъ, просто наборъ болѣе или менѣе удачныхъ аналогій, къ которымъ постоянно присоединяютъ все новыя аналогіи; такъ, Новиковъ видитъ въ „умственно избранныхъ“ членахъ общества „соціальное чувствилище“, а Лиліенфельдъ сравниваетъ безумствующую толпу съ женщиной въ истерическомъ припадкѣ. Что касается до мысли Симіана, согласно которой богатые представляютъ собою жировую ткань общества, духовенство тоже представляетъ собою жиръ, а полицейскіе органы являются соціальными фагоцитами, которые пожираютъ блуждающія преступныя клѣтки, то, признавая все это, мы все же должны сказать словами послѣдняго изъ названныхъ авторовъ: „Что же мы получили? Аналогію?—но она ничего не доказываетъ“. Однако, о біологической аналогіи мы серьезно будемъ говорить ниже (гл. XIV).

разныхъ теорій и буду ссылаться на отдѣльныхъ авторовъ только для иллюстрированія этихъ теорій.

1) Теорія подражанія представлена Тардомъ. Этотъ взглядъ на социальную организацію содержитъ много вѣрнаго, съ точки зрѣнія функціональнаго метода; какъ будетъ видно въ одной изъ послѣдующихъ главъ ¹⁾, я самъ полагаю, что подражаніе представляетъ собою истинный типъ социальной функціи, и теорія, которая правильно трактуетъ о подражаніи, пожалуй, дала бы окончательное разрѣшеніе вопроса. Но исчерпывающимъ объясненіемъ общества эта теорія не можетъ быть, такъ какъ она не даетъ отвѣта на вопросъ о социальномъ матеріалѣ. Тардъ не говоритъ намъ, чему подражаютъ, что можетъ благодаря подражанію упрочиться въ качествѣ социальной привычки, а также видоизмѣняться постепенно въ формахъ социального прогресса ²⁾. Повидимому, онъ больше сознаетъ необходимость отвѣтить на этотъ вопросъ въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «Соціальная логика», гдѣ онъ вводитъ извѣстные элементы содержанія, какъ, напримѣръ, «вѣрованія и желанія», чтобы пополнить этотъ пробѣлъ. Но, по моему мнѣнію, включая такіе элементы и оставаясь послѣдовательнымъ, Тардъ долженъ былъ бы отступить отъ прежней своей теоріи.

Но, оставляя въ сторонѣ личные взгляды Тарда, можно сказать, что, взятое въ самомъ чистомъ видѣ, подражаніе представляетъ собою именно такое явленіе, гдѣ социальные элементы исчезаютъ. Представимъ себѣ

Пожалуй, наилучшее подробное рассмотрѣніе всѣхъ фактовъ органической аналогіи дано въ книгѣ René Worms, *Organisme et Société*. О нѣкоторыхъ идеалистическихъ взглядахъ будетъ упомянуто ниже (§ 331). См. также прим. къ § 333 по поводу теорій „Общей воли“ и „Общественнаго договора“. Интересное изложеніе и обсужденіе этихъ теорій съ психологической точки зрѣнія, близкое къ моимъ взглядамъ, можно найти въ книгѣ Бартъ, *Философія исторіи съ точки зрѣнія соціологіи*.

¹⁾ Гл. XIII.

²⁾ См., однако, его „Законы подражанія“, стр. 163.

помѣщеніе, наполненное попугаями, которые подражаютъ другъ другу въ правильной послѣдовательности, и предположимъ, что это подражаніе продолжается до безконечности со всѣми возможными индивидуальными видоизмѣненіями, на какія только способны попугаи; гдѣ же здѣсь будетъ соціальная связь между попугаями? Поскольку подражаніе точно,—а въ данномъ случаѣ это зависитъ отъ врожденнаго инстинкта,—мы можемъ замѣнить попугаевъ камертонами и заставить ихъ звучать сообща, сильно ударивъ по одному изъ нихъ. И дѣйствительно, говоря о конечной природѣ подражанія въ своей книгѣ о «Соціальныхъ законахъ», Тардъ приводитъ ее въ нѣкоторое космическое соотношеніе съ повтореніемъ волнообразныхъ движеній въ физикѣ. Я не вижу, какимъ образомъ простая наличность подражанія могла бы говорить въ пользу чего бы то ни было, если не дѣлать при этомъ—открыто или безмолвно—двухъ допущеній: 1) что матеріаль соціальной организациі есть, по существу, матеріаль, допускающій подражаніе; и 2) что благодаря подражанію этотъ матеріаль принимаетъ такіа формы организованности, какія мы, дѣйствительно, и видимъ въ обществѣ.

317—2. Другого рода теоріи, противъ которыхъ можно выставить многія ихъ тѣхъ же возраженій, представлены ученіемъ Дюркгейма о «принужденіи»¹⁾, вмѣсто котораго другіе авторы говорятъ о «подчиненіи». Согласно этимъ теоріямъ сущность соціальной организациі заключается въ принудительномъ вліяніи одного лица на другихъ,—вліяніи, которое обусловлено авторитетомъ, соціальнымъ положеніемъ и т. д. Это совпадаетъ съ крайнею теоріей общества, которая построена на «внушаемости» и видитъ въ толпѣ, дѣйствующей подъ вліяніемъ наиболѣе сильныхъ въ ея средѣ личностей, подлинный типъ соціальной организациі; эту теорію мы уже подвергли критикѣ выше²⁾.

1) Revue Philosophique, май и іюль 1894 г.

2) Гл. VI, § 4.

Теоріи этого рода оказываются слабыми въ виду того, что ихъ защитники очень рѣшительно пользуются аналогіями съ гипнотическимъ внушеніемъ. А общій элементъ такихъ ученій съ ученіемъ Тарда доказываетъ тѣмъ что Тардъ обращается къ той же аналогіи. Аналогія представляется мнѣ вполне правильною; согласно этому взгляду, самымъ крайнимъ и самымъ чистымъ образчикомъ соціальной организаціи долженъ былъ бы служить гипнотическій «раппортъ». Здѣсь принудительность почти абсолютна, подражаніе совершенно, подчиненіе внѣ сомнѣнія. Но сказать это, значитъ ясно указать, что соціальный элементъ здѣсь совершенно испарился. Здѣсь нѣтъ мѣста для критерія соціальнаго матеріала. Человѣкъ загипнотизированный, или вообще очень легко поддающійся внушенію, имѣетъ тенденцію воспринимать всѣ внушенія приблизительно съ одинаковой силою, повиноваться всему, не понимать ничего, быть такого же рода орудіемъ повторенія, какимъ является попугай или камертонъ. Я совершенно не въ состояніи понять, какимъ образомъ здѣсь можетъ быть какая-либо организація, отличная отъ повторенія, какой-либо прогрессъ, отличный отъ произвольной прихоти. Быть можетъ, въ исторіи дѣло происходило такъ, что первый человѣкъ, ставшій соціальнымъ существомъ, сдѣлался таковымъ потому, что его побѣдилъ болѣе сильный человѣкъ, превратившій его въ своего раба; но дальнѣйшій прогрессъ отъ такого состоянія принужденія въ направленіи къ сотрудничеству былъ возможенъ только въ той мѣрѣ, въ какой ослаблялось или видоизмѣнялось это одностороннее принужденіе. Иначе говоря, возможно, что принужденіе — или, скорѣе, подражаніе, къ которому можно свести принужденіе, какъ только оно перестаетъ быть одностороннимъ и становится взаимнымъ, — было и продолжаетъ быть функціональнымъ процессомъ или методомъ соціальной жизни; но направленія прогресса, фактически совершающагося въ обществѣ, повидимому, опредѣляются извѣстными

внутренно-присущими возможностями плодотворнаго подражанія и сотрудничества въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областяхъ. Эти области надо опредѣлить, и отсюда возникаетъ совершенно иной вопросъ о матеріалѣ или содержаніи. Я знаю, что сторонники «теоріи принужденія» принимаютъ за типическое принужденіе не принужденіе силою, а принужденіе внушеніемъ; и именно эта тенденція ставитъ ихъ ученіе въ одинъ рядъ съ теоріей подражанія и дѣлаетъ его важнымъ, но менѣе важнымъ вкладомъ въ эту теорію.

318—3. Существуетъ еще одинъ взглядъ на социальную организацію, который можно назвать психологическимъ, но только въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ. Выразителемъ этого взгляда является Зиммель въ одной части своихъ разсужденій объ обществѣ¹⁾. Здѣсь дѣлается попытка путемъ анализа социальныхъ явленій и событій установить формальные принципы, представленные въ каждой области или въ каждомъ общемъ образчикѣ социальной жизни. Къ такимъ формальнымъ принципамъ принадлежатъ раздѣленіе труда, «субординація», сотрудничество и т. д. Это—очень плодотворное направленіе, на мой взглядъ, и оно должно привести къ созданію нѣкоторой состоятельной социальной логики, къ системѣ принциповъ, на основаніи которыхъ можно классифицировать социальные явленія, и которые могутъ служить пробнымъ камнемъ для отдѣльныхъ случаевъ организаціи. Но возражать противъ построенія науки о социальной жизни на этихъ принципахъ приходится именно потому, что они являются принципами формальными; строить науку такимъ образомъ было бы то же самое, что строить психологію конкретной повседневной жизни на принципахъ формальной логики. Принципы, приложимые ко всему, непригодны ни для какого конкретнаго

¹⁾ Я опредѣленно оговариваюсь, что не имѣю въ виду даже по одному этому частному вопросу передать очень тонкія детальныя мысли Зиммеля.

случая. Кромѣ того, въ нихъ или въ основанной на нихъ системѣ отсутствуетъ генетическая точка зрѣнія. Если и признать эти принципы, установленные путемъ анализа социальныхъ событій, все же передъ нами остается вопросъ о первоначальной формѣ, какую они имѣли въ первобытныхъ обществахъ. Имѣть дѣло съ болѣе простыми явленіями и отъ нихъ переходить къ сложнымъ—это легче, чѣмъ идти противоположнымъ путемъ; и съ этой точки зрѣнія представлялось бы вполне возможнымъ разсматривать всѣ такого рода принципы,—разъ уже разрѣшенъ вопросъ о социальномъ матеріалѣ,—какъ болѣе развитыя формы подражанія и внушенія. Однако, помимо этого, главное возраженіе противъ подобнаго рода мысли заключается въ томъ, что она касается только формы и функціональнаго метода и предполагаетъ извѣстные виды матеріала для социальной организаци. Напримѣръ, принципъ раздѣленія труда предполагаетъ наличность сознательной мысли, участвующей въ каждомъ такомъ раздѣленіи и постоянно примѣняемой къ дѣлу членами общества.

319—4. Теоріи другой группы имѣютъ то достоинство, что носятъ генетическій характеръ; это—тѣ теоріи, которыя за основаніе социальной жизни обществъ принимаютъ извѣстныя простѣйшія эмоціи, какъ, напримѣръ, сочувствіе. Такихъ теорій держатся Спенсеръ, Новиковъ и англійскіе философы-моралисты. Это, быть можетъ, древнѣйшая форма социальной теоріи, такъ какъ свое происхожденіе она ведетъ отъ Аристотеля; и потому ей принадлежитъ весь авторитетъ, накопленный вѣками. Теорія эта представлена въ столь многочисленныхъ формахъ, что я не могу заняться ихъ разборомъ. Отъ простого «сочувствія» мы переходимъ къ «альтруистической теоріи», которая выводитъ социальную жизнь изъ нравственной; затѣмъ къ теоріямъ «социальнаго инстинкта» и «врожденнаго благорасположенія», которыя утверждаютъ, что человекъ—общественное существо по самой своей природѣ,

и что доказательствами тому служатъ сочувствіе и альтруистическія эмоціи; и, наконецъ, мы доходимъ до вершины описательной неопредѣленности ¹⁾ — до формулы настолько широкой, что она обнимаетъ всё прочія,—именно, до формулы о «сознаніи рода», которую предложилъ проф. Гиддингсъ.

По поводу всѣхъ этихъ теорій вообще можно сказать, что въ нихъ постоянно смѣшиваются вопросъ о функціональномъ методѣ и вопросъ о матеріалѣ соціальной организаціи. По отношенію къ функціональному методу теорія подражанія вноситъ необходимыя дополненія къ этимъ ранѣе выдвигавшимся теоріямъ.

Помимо этого недостатка, надо сказать, что эмоціональная и инстинктивная жизнь не даетъ тѣхъ матеріаловъ, которые необходимы для соціальной организаціи. Есть два вида сочувствія, два вида соціальнаго инстинкта, два вида родового сознанія. Это станетъ ясно, если мы ближе присмотримся къ указаннымъ выше условіямъ,—именно, что матеріалъ соціальной организаціи долженъ быть таковъ, чтобы допускать и образованіе соціальныхъ привычекъ, и такія приноровленія, какія проявляются въ соціальномъ приспособленіи и развитіи. Собственно инстинктивная жизнь и эмоціональная, возникающая въ связи съ инстинктивными дѣйствіями,—напримѣръ, органическое сочувствіе, импульсивный альтруизмъ, такія проявленія родового чувства, какъ материнская любовь, и т. д.—все это родовыя привычки. Поскольку онѣ удовлетворяютъ тому условію, чтобы общество жило, руководствуясь накопленными привычками, постольку онѣ не даютъ обществу способности измѣнять свои привычки и развиваться. Если бы сочувствіе наше другъ къ другу было чисто инстинктивно, и если бы мы поступали исключи-

¹⁾ Впрочемъ, въ предисловіи къ третьему изданію своей интересной книги „Основы соціологіи“ Гиддингсъ опредѣляетъ „сознаніе рода“ уже больше, какъ извѣстную форму сочувствія, признавая свою близость къ Адаму Смиту, о взглядахъ котораго мы будемъ говорить ниже (§§ 330, 332).

тельно подъ вліяніемъ такого сочувствія, новая організація была бы столь же невозможна, какъ если бы мы вели между собою самую ожесточенную борьбу; ибо дѣйствія были бы въ такой же мѣрѣ случайны. Точно такъ же и изъ одного лишь чувства соціальной склонности не получилось бы различныхъ формъ соціальной организаціи. Если бы человѣкъ сознавалъ, что другіе—существа одного съ нимъ рода, это само по себѣ еще ни въ малѣйшей степени не опредѣляло бы, каковы тѣ мысли и дѣйствія, которыя могли бы быть съ пользою признаваемы и развиваемы въ предѣлахъ родовыхъ привычекъ. Если мы допустимъ наличность подходящаго содержанія, наличность нѣкотораго общаго матеріала; словомъ, если мы допустимъ уже существующую соціальную организацію въ группахъ, которыя—послѣ того какъ онѣ создались въ природѣ—мы условно называемъ родами, тогда, конечно, весьма просто будетъ сказать, что то, что является общимъ у всѣхъ членовъ рода, есть родовое сознание; но это въ такой же мѣрѣ служитъ объясненіемъ, какъ слова «пристрастіе къ вину» объясняютъ наслѣдственное предрасположеніе къ алкоголизму.

Только когда мы обратимся ко второму или высшему виду сочувствія, къ соціальному инстинкту, къ родовому сознанию и т. д., только тогда становится болѣе яснымъ условіе, гласящее, что соціальная организація должна быть прогрессивною, такъ какъ только здѣсь возможно осуществленіе этого условія. Въ инстинктахъ не обнаруживается большой организованности, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя прочно установленныя и прирожденныя формы сотрудничества. Въ противоположность инстинктивнымъ, высшія эмоціи и дѣйствія, возникающія тогда, когда сознание становится въ большей или меньшей степени размышляющимъ, получаютъ различный характеръ соотвѣтственно тому душевному содержанію, которое они сопровождаютъ. Существуетъ разумное сочувствіе, разумная общественность, разумное родовое сознание, и ихъ цѣн-

ность заключается именно въ томъ, что они даютъ нѣкоторый критерій,—матеріальный критерій,—стоящій выше простаго факта чувствованія и инстинкта. Доказать это на основаніи ранѣе представленныхъ разграниченій и соображеній—главная задача настоящей главы, и потому я не стану здѣсь останавливаться на этомъ; но мы видимъ, что теоріи, трактующія о соціальной организаціи съ помощью такихъ общихъ опредѣленій, какія были приведены выше, совершенно несостоятельны, такъ какъ оставляютъ безъ отвѣта основной вопросъ о матеріалѣ соціальной организаціи. Мы должны знать, чему плодотворно подражаютъ въ обществѣ? какія чувствованія и дѣйствія, обусловленные сочувствіемъ, даютъ такіе результаты, которые имѣютъ соціальную цѣнность и оказываются долговѣчными? каковъ тотъ элементъ, который иногда имѣется въ сознаніи рода, и который въ этихъ случаяхъ ведетъ къ прогрессу, характерному для нравственнаго общества, въ противоположность, скажемъ, стаѣ рыбъ? ¹⁾ Разумѣется, я не намѣренъ проводить границъ, даже между нравственнымъ обществомъ и стаей рыбъ. Только позднѣе, когда мы опредѣлимъ матеріалъ соціальной организаціи, можно будетъ поставить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ матеріалъ можетъ имѣться въ наличности даже въ дѣйствіяхъ стаи рыбъ. Но что такое этотъ матеріалъ,—вотъ въ чемъ вопросъ.

320. Сдѣланный краткій обзоръ теорій, изъ которыхъ каждая претендуетъ на психологическій харак-

¹⁾ По моему мнѣнію, Гиддингсъ, на примѣръ, ближе всего подходитъ къ отвѣту на этотъ вопросъ въ слѣдующей фразѣ (изъ предисловія къ 3-му изд., стр. XII): „Простѣйшее соціальное душевное состояніе, какое извѣстно или какое можно себя представить, это—сочувственное сознаніе сходства между „я“ и „не-я“. Но въ его подробныхъ разсужденіяхъ я не нахожу ничего, что выходило бы за предѣлы традиціонной теоріи сочувствія. Признавая „измѣнчивыя формы“ „сознанія рода“, проф. Гиддингсъ, мнѣ кажется, ищетъ какого-нибудь матеріальнаго критерія для соціальныхъ явленій.

теръ, даетъ намъ возможность уяснить себѣ свою проблему. Только для этого я и говорилъ о нихъ; и если я неудовлетворительно ихъ изложилъ, это, я надѣюсь, не будетъ истолковано въ томъ смыслѣ, будто я ихъ низко цѣню. Какую форму послѣ сдѣланнаго обзора принимаютъ возникающія проблемы, это можно показать въ нѣсколькихъ положеніяхъ, которымъ и будетъ посвящена остальная часть настоящей главы.

1) Констатированіе, что какія-либо явленія—явленія социальныя, возможно только при двухъ условіяхъ, которыя относятся къ матеріалу и къ функціональному методу. Допустить ошибку въ одномъ отношеніи, значитъ ошибаться вообще; съ одной стороны, это было бы то же, что опредѣлять жизнь съ помощью одной лишь морфологіи, не выдѣляя кристаллы, разъ они имѣютъ правильную форму; съ другой—это было бы то же, что опредѣлять жизнь съ помощью одной лишь фізіологіи, которая не исключала бы остроумно устроеннаго резинового сердца или механизма, какъ бы дышащаго благодаря воздушному насосу, разъ они исправно дѣйствуютъ.

2) Вполнѣ обоснованнымъ представляется дѣлаемое Тенніэсомъ разграниченіе между «общностью» и «обществомъ». Различіе между ними,—выраженное въ принятыхъ мною терминахъ и согласно обычному психологическому и біологическому разграниченію,—это различіе, съ одной стороны, между сравнительно неизмѣнною, сравнительно опредѣленною и сравнительно безсознательною организаціей, крайнимъ образчикомъ которой служитъ животный инстинктъ, и, съ другой, между сравнительно измѣнчивою, прогрессирующею, пластическою и сознательною организаціей, какую мы видимъ въ человѣческой жизни. Я буду обозначать эти два типа словами «собраніе» и «общество». Ниже мы увидимъ, что существенная разница между ними заключается въ слѣдующемъ: въ то время какъ въ «собраніяхъ» индивидуумы чувствуютъ и дѣй-

ствуютъ одинаково, въ обществахъ индивидуумы также и думаютъ одинаково ¹⁾).

3) Только что проведенное разграниченіе касается, главнымъ образомъ, матеріала, или содержанія, такъ какъ методъ взаимодѣйствія, по существу, одинъ и тотъ же въ обоихъ типахъ организаціи; именно, этотъ методъ—подражаніе ²⁾).

Итакъ, первая наша задача состоитъ въ опредѣленіи фактовъ, относящихся къ матеріалу соціальной жизни. Что представляетъ собою тотъ элементъ, который является общимъ для всѣхъ обществъ и способенъ прогрессивно организовываться въ каждомъ обществѣ?

§ 3. Матеріаль соціальной организаціи.

321. Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о матеріалѣ соціальной организаціи, я приведу сперва общій выводъ, а затѣмъ намѣчу нѣкоторые ряды фактовъ, подкрѣпляющіе этотъ выводъ.

Нашъ выводъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующемъ положеніи: матеріаломъ соціальной организаціи являются мысли (подъ этимъ мы разумѣемъ интеллектуальныя состоянія), имѣющія такое соціальное значеніе, которое намъ теперь надо разсмотрѣть. Эти мысли, или знанія, или свѣдѣнія возникаютъ въ умѣ индивидуумовъ данной группы, какъ изобрѣтенія, какъ болѣе или менѣе новыя понятія; это—то, что мы назвали результатомъ «превращенія общаго въ частное». При возникновеніи ихъ нѣтъ основанія называть ихъ соціальнымъ матеріаломъ, такъ какъ они представляютъ собою личное достояніе ин-

¹⁾ См. § 333а и ср. второй отдѣлъ гл. XIV о „соціальномъ прогрессѣ“. Дюркгеймъ идетъ дальше и требуетъ еще „индивидуализированія“ въ дополненіе къ „мышленію“ въ дѣйствительныхъ „обществахъ“.

²⁾ Т.-е. „сознательное подражаніе“ въ обычномъ смыслѣ. Оно дѣйствуетъ и въ „собраніяхъ“ животныхъ, поскольку среди послѣднихъ существуетъ сотрудничество, не носящее чисто инстинктивнаго характера.

дивидуума. Они становятся социальными только тогда, когда общество—т.-е. другие члены социальной группы или некоторые из них—также разделяют эти мысли, эти знания или сведения. Благодаря этому последние переходят из индивидуальной и частной формы в общую или социальную форму, и только в этой формѣ они служат социальнымъ матеріаломъ в силу того, что мы назвали «обобщеніями», выполняемыми обществомъ. Очевидно, что послѣ всего изложеннаго нами ранѣе эти положенія совсѣмъ не представляются новыми; если мы здѣсь приводимъ ихъ, а также и нижеслѣдующія доказательства, подкрѣпляющія ихъ, то главный нашъ интересъ заключается въ томъ, что теперь мы можемъ отчетливо формулировать эти положенія въ примѣненіи къ настоящей нашей темѣ и уяснить себѣ, какого рода мысли имѣютъ социальное значеніе.

Общія соображенія, на которыхъ основано это мнѣніе, можно представить путемъ противопоставленія ихъ специальнымъ доказательствамъ. Мы увидимъ, что эти общія соображенія возникаютъ въ связи съ общими требованіями, которыя предъявляются къ социальной теоріи, какъ было выяснено на предшествующихъ страницахъ.

1) Только мысли или знания допускаютъ такое плодотворное подражаніе, какого требуетъ теорія прогрессивной социальной организаціи. Некоторые авторы утверждали, что такого рода подражаніе возможно и по отношенію къ вѣрованіямъ и желаніямъ. Однако, для психолога ясно, что вѣрованія и желанія являются функціями содержанія тѣхъ знаній, въ связи съ которыми они возникаютъ. Одинъ индивидуумъ не можетъ передать другому никакого вѣрованія, если не передастъ сперва тѣхъ фактовъ, истинъ, свѣдѣній, въ которые самъ вѣритъ. Подражающій долженъ сперва узнать мысль, а затѣмъ уже онъ будетъ въ состояніи подражать вѣрѣ въ эту мысль. Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ желаніемъ. Я не могу желать того,

чего вы желаете, если я не представляю себѣ желательнаго предмета приблизительно такъ, какъ вы. И вѣрованіе, и желаніе являются, какъ было доказано выше, функціями содержанія мысли.

Если ставится вопросъ о подражательномъ распространеніи или воспроизведеніи, которое отъ одного члена извѣстной соціальной группы передается другому, то зрудіемъ такой системы воспроизведеній должна служить мысль или знаніе. Единственное иное психологическое объясненіе могло бы гласить, что подражательное распространеніе совершается просто благодаря заразительности чувствованій и влеченій¹⁾. Но въ такомъ случаѣ мы возвращаемся къ уже ранѣе поднятому вопросу о томъ, возможенъ ли прогрессъ общества. Мы видѣли, что господство подражательныхъ чувствованій и влеченій—безразлично, обуславливалось ли бы подражаніе инстинктомъ или внушеніемъ,—дѣлало бы возможною только такую форму организаціи, гдѣ упрочившіяся привычки представляютъ собою все, и гдѣ не было бы ни приспособливанія, ни движенія, ни прогресса. Мы видѣли, что именно такое положеніе вещей характерно для нѣкоторыхъ «собраній» животныхъ и для людской толпы, которая именно этимъ отличается отъ настоящихъ обществъ²⁾.

1) По поводу основного психолого-соціального факта существуетъ большое разнообразіе взглядовъ. Лебонъ говорить о „чувствованіяхъ“, Новиковъ—о „желаніяхъ“, Лакмбъ—о „потребностяхъ“. Лапи даетъ въ указанной статьѣ интересную критику этихъ положеній.

2) См. выше, гл. VI, § 5. Біологическій взглядъ, согласно которому единичная личность, какъ таковая, является матеріаломъ соціальной организаціи, можетъ быть опровергнута немногими словами. Личности именно въ качествѣ личностей вступаютъ другъ съ другомъ въ соціальныя соотношенія, а различія между личностями—это именно психологическія различія. Передъ соціальнымъ закономъ всѣ физическіе организмы равны, если только какой-нибудь изъ нихъ въ силу своей окраски и т. п. не вызываетъ опредѣленнаго психологическаго отношенія, о чемъ мы уже упоминали, говоря о „соціальныхъ силахъ“ (§ 297, прим.). Разница между вещами, соединенными въ

2) Новый матеріаль, новые «образцы для подражанія», новыя схемы измѣненной организаціи могутъ появиться въ какомъ-нибудь обществѣ на любой стадіи его развитія только въ формѣ мыслей, понятій или изобрѣтеній. Это представляется само собою очевиднымъ. Если мы зададимся вопросомъ о томъ, какимъ образомъ возникаетъ какая-нибудь новая законодательная мѣра, какое-нибудь предположеніе о новой реформѣ, какое-нибудь новое мнѣніе въ области моды, искусства, литературы, даже какой-нибудь новый покрой одежды или измѣненная высота шляпъ,—мы должны сказать, что обо всемъ этомъ кто-нибудь подумалъ первымъ. Подумалъ — вотъ что здѣсь наиболѣе важно. Быть можетъ, чувствованіе и желаніе натолкнули на данную мысль; быть можетъ, настоятельная потребность ускорила данное изобрѣтеніе; быть можетъ, нежелательныя явленія сдѣлали данную реформу необходимою; но при всей настоятельности, какую мы только можемъ себѣ представить,—новое мѣропріятіе, реформа, мода должны возникнуть гдѣ-либо въ формѣ конкретнаго проекта, который общество можетъ принять и распространить. Эта частная форма является тогда — если оставить въ сторонѣ случайно счастливыя открытія ¹⁾ — мыслью какого-нибудь одного человѣка; а общество затѣмъ «обобщаетъ» данную мысль.

Итакъ, изъ всего, что дѣлаетъ индивидуумъ, именно его мысли являются такими факторами въ его жизни, которые имѣютъ соціальное значеніе. Разумѣется, существуетъ и такая форма соціального распростране-

группы, и людьми, соединенными въ общество, заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ существуетъ взаимный обмѣнъ. Такимъ образомъ, объектомъ соціального изслѣдованія является этотъ взаимный обмѣнъ, а матеріаломъ служить то, что въ этомъ взаимномъ обмѣнѣ фигурируетъ. Остроумный разборъ теоріи „единичной личности“ можно найти въ книгѣ Лакотъ, Исторія какъ наука (введеніе).

1) Разумѣется, эти продукты счастливой случайности должны быть вновь продуманы другими.

нія, источникомъ которой служатъ исклю- но дѣй-
 ствія того или другого человѣка,—независѣбъ ж-ть того,
 можно ли открыть въ данныхъ дѣйс-тъ вы. какову-
 нибудь мысль или нѣтъ. Но помимо то,оказан, тоятель-
 ства, что такія дѣйствія должны быть про, и подра-
 жающими, какъ бы самопроизвольны или,ьномъ йны они
 ни были у первоначальнаго ихъ выполни,е отъ -очевид-
 но, что эта форма социальнаго зачинанія,ается, -длеть
 къ категоріи простыхъ случайностей и,еденій, -тся къ
 повторенію, къ социальной условности,е ино, -дѣйствию
 толпы; сама по себѣ она совершенно несп, что п, а созда-
 вать какіе-нибудь новые элементы со,осто бл, го про-
 гресса. Такъ обстоитъ дѣло даже тамъ, гдѣ,ій¹⁾. является
 заразительность преступленія, о которо,е ранѣ, уже го-
 ворили. Какъ бы мы ни сожалѣли о с,огресс, явшемся
 преступленіи, какъ бы ни оплакивали е,дражат, твы, мы
 все же не опасаемся, что преступленія,буслов, -тъ быть
 признаны за нормальныя формы социаль,ушеніе, -дѣйствио-
 ванія. Это означало бы распадъ. му орг,

Имѣя въ виду эти общія сообра,ютъ со—а ихъ
 однихъ достаточно, чтобы оправдать т,ни дви,ый раз-
 боръ того положенія, согласно которо,акое п,сль или
 знаніе является матеріаломъ социальной,браній: заціи,—
 приведемъ теперь двоякаго рода доказа,именн, ва, под-
 крѣпляющія этотъ взглядъ. Одни изъ н²⁾. яведены
 изъ фактовъ социальнаго развитія ребе,акъ оно
 уже было нами очерчено; другія—изъ, факта, -дѣйствио-
 щихъ фактовъ, касающихся того, ка,орить о,ловѣкъ,
 будучи уже социальнымъ и нравственным—о „потрѣствомъ,
 относится къ исторически сложившимся критик,деніямъ
 общества. Это — двѣ области, гдѣ изс,ь, согла,ніе уча-
 ствующихъ психологическихъ факторо,еріалом,иводить
 къ надежнымъ результатамъ. и словаи

322—I. Дальнѣйшее развитіе мыслей,угъ съ занныхъ
 нами по поводу социальныхъ интересовъ,стями —иводить
 насъ къ тому взгляду, что такъ называе,кономъ, алекти-
 б изъ нѣ

¹⁾ Гл. I, § 1.

ка», путемъ которой ребенокъ познаетъ самого себя, научаясь понимать окружающую его социальную среду,—что эта діалектика можетъ быть подмѣчена и въ социальной организаціи. Если мы признаемъ, что представленіе о собственномъ «я» возникаетъ постепенно, по мѣрѣ ознакомленія ребенка съ окружающими его лицами, и что у ребенка нѣтъ двухъ различныхъ представленій о своемъ и чужомъ «я», а есть только одно представленіе, общее, въ главныхъ чертахъ, для обоихъ случаевъ ¹⁾),—тогда оказывается столь же невозможно конструировать социальный факторъ, организованныя соотношенія между нимъ и другими, не считаясь съ его и ихъ представленіями о «я», какъ невозможно конструировать представленія о «я», не считаясь съ социальными соотношеніями. Представленіе о «я» возникаетъ непосредственно изъ извѣстныхъ данныхъ социальныхъ соотношеній; и это—та форма, которую данныя фактическія соотношенія принимаютъ въ организаціи новаго личного опыта. «Я», о которомъ человѣкъ думаетъ въ любой моментъ, не есть та изолированная и относимая исключительно къ собственному тѣлу абстракція, какъ ее обыкновенно представляютъ наши теоріи личности. Это, скорѣе, чувство, говорящее о цѣлой сѣти соотношеній между мною, вами и другими людьми, гдѣ подъ вліяніемъ сильныхъ эмоцій, активной жизни, конкретныхъ представленій главное значеніе въ силу необходимости придается то одной сторонѣ, обозначаемой словомъ «я», то другой, обозначаемой словомъ «ты» или «онъ». Социальный смыслъ такого положенія вещей становится ясенъ, если мы взглянемъ на психологическія условія его въ цѣлой группѣ. Итакъ, обозначимъ чувство ребенка, относящееся къ тому взятому въ цѣломъ личному положенію, въ какомъ онъ находится въ тотъ или иной моментъ, «положеніемъ его представленія о собственномъ я». Это выра-

¹⁾ Эта общая часть заключается, главнымъ образомъ, какъ уже было сказано, въ двигательныхъ элементахъ. Ср. „Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода“, а также выше § 29.

женіе, которымъ я пользуюсь просто ради краткости, можетъ быть всегда распространено въ слѣдующихъ словахъ «соціальное положеніе, рисующееся при представленіи о собственномъ я».

323. Но то, что можно сказать о развитіи одного индивидуума путемъ подражательнаго усвоенія личнаго матеріала,—то же можно сказать обо всѣхъ; и мы повсюду видимъ, что дающій превращается въ берушаго, а берущій въ дающаго. Развивающееся чувство, относящееся къ «положенію представленія о собственномъ я»,—одно и то же у всѣхъ именно въ той мѣрѣ, въ какой соціальныя связи несутъ внутренній характеръ. Возможность сотрудничества—напримѣръ, сотрудничества дѣтей во время игры—обусловлена тѣмъ, что личныя представленія, по существу, тождественны у всѣхъ членовъ даннаго круга при всякомъ положеніи. Мое дѣйствіе зависитъ отъ того, какъ я понимаю вашу мысль и мысль другихъ лицъ, а ваше дѣйствіе зависитъ отъ того, какъ вы понимаете мою мысль и мысль другихъ лицъ, и т. д. ¹⁾. Съ объективной точки зрѣнія мы говоримъ, что дѣти находятся въ соціальныхъ соотношеніяхъ; съ субъективной точки зрѣнія надо сказать, что у нихъ одни и тѣ же представленія о лично-соціальномъ положеніи, и это—именно «представленіе о я», которое должно проявиться при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ въ той стадіи развитія, какой оно достигло у того или иного ребенка. Елена понимаетъ Елизавету, приписывая ей свои собственные побужденія, желанія, склонности, симпатіи и антипатіи, и, поступая сообразно этому пониманію, находитъ, что оно даетъ ожидаемые результаты; точно такъ же и Елизавета предполагаетъ, что ея представленіе о собственномъ «я» приложимо къ Еленѣ,

¹⁾ Напомню о томъ случаѣ (см. § 183), гдѣ моя дѣвочка Елена придавая нѣкоторую искусственную словесную цѣнность какому-нибудь предмету, рассчитывала при этомъ на тождественность желанія, соціальнымъ путемъ вызваннаго у Елизаветы, и учитывала это желаніе въ своихъ собственныхъ интересахъ.

и она тоже получает при этомъ желаемые результаты. Если бы оказалось, что такія ожиданія не оправдываются во многихъ случаяхъ дѣйствованія, это значило бы, съ объективной точки зрѣнія, что соціальныя соотношенія разстроены. Но это могло бы случиться только при томъ условіи, если бы въ то же время у cadaго изъ обоихъ дѣтей чувство личнаго «я»—по-скольку факторы его являются внутренними—распалось или вернулось къ начальной формѣ своего развитія.

324. Вопросъ о матеріалѣ соціальной организаціи выдвигается здѣсь, какъ только мы спросимъ, что собственно служить предметомъ этого взаимнаго обмѣна между дѣтьми. И здѣсь мы находимъ именно то различіе, какое видѣли, когда разсматривали разницу между сотрудничествомъ у людей и у животныхъ. Мы знаемъ, что ребенокъ вначалѣ реагируетъ на удовольствіе и боль чисто-органически, инстинктивно, непосредственно-эмоціонально. Его сочувствіе, какъ и его антипатіи вначалѣ носятъ органической характеръ. Но пристальное наблюденіе показываетъ, что сознательные акты подражанія, оригинальныя объясненія, колебанія, задержки, хотѣнія появляются у него, въ сущности, благодаря развивающемуся представленію о личныхъ различіяхъ, которое лежитъ въ основѣ развитія у него представленія о собственномъ «я». Вначалѣ соотношение таково, что за непосредственнымъ раздраженіемъ слѣдуетъ непосредственная реакція. Если бы такое положеніе вещей продолжалось, то люди образовали бы «собранія», а не «общества». Прямое внушеніе, эмоціональная реакція, сотрудничество въ такой мѣрѣ, въ какой оно могло бы, передаваясь наслѣдственно, совмѣщаться съ другими чертами,—таково было бы положеніе вещей. Представимъ себѣ, однако, что ребенокъ начинаетъ мыслить, и мы увидимъ, что въ его жизни появляются извѣстныя важныя черты, имѣющія соціальное значеніе. Во-первыхъ, разграниченіе элементовъ окружающей среды по тому, являются ли они личностями или нѣтъ; во-вторыхъ, различное отношеніе къ лю-

дямъ, и къ различнымъ людямъ, въ зависимости отъ того, ассимилируются ли элементы личнаго внушенія съ тою или иною группою переживаній; въ-третьихъ, пониманіе другихъ людей, путемъ принятія за мѣрило самого себя; т.-е. ребенокъ считаетъ, что у другихъ людей такое же отношеніе къ опредѣленнымъ обстоятельствамъ, какъ и у него самого, и что они думаютъ о немъ такъ, какъ онъ думаетъ о нихъ. Но все это обусловлено мышленіемъ, требуетъ наличности извѣстныхъ знаній и производства выбора среди нихъ. Теперь эмоціи вытекаютъ изъ представленій о какихъ-либо переживаніяхъ, и отношенія, дѣйствія, реакціи принимаютъ теперь характеръ средствъ для достиженія какой-нибудь личной цѣли, при чемъ цѣлью является представленіе, приводящее къ тому или иному отношенію или дѣйствию. Къ этому процессу развитія мы постоянно возвращались на протяженіи всей настоящей работы.

Итакъ, первый результатъ, полученный нами изъ разсмотрѣнія дѣтей, можетъ быть выраженъ въ слѣдующемъ положеніи: то, что мы называемъ объективными соціальными соотношеніями, это — объективныя проявленія общаго у различныхъ индивидуумовъ «положенія ихъ представленія о собственномъ я», какъ оно представляется наблюдателю, вмѣстѣ съ тѣми моментами развитія этого положенія, которые у каждаго индивидуума обусловливаются непосредственно даннымъ положеніемъ.

325—II. Теперь намъ удалось обосновать два положенія: во-первыхъ, что матеріаломъ соціальной организаціи надо считать мысли, и именно—мысли, которыя возникаютъ въ умахъ отдѣльныхъ лицъ, затѣмъ подражательно продумываются другими лицами и, такимъ образомъ, вступаютъ въ обращеніе въ соціальной средѣ; и, во-вторыхъ, что соціальное чувство ребенка, т.-е. его чувство соціальныхъ положеній—какъ бы оно

ни было бѣдно и ограничено или полно и богато—возникаетъ и развивается въ качествѣ функціи его представленія о собственномъ «я». Иначе говоря, для ребенка общество, это—съ личной, субъективной точки зрѣнія—извѣстное конкретное положеніе, связанное съ измѣненіями въ тѣхъ элементахъ и отношеніяхъ, изъ которыхъ слагается его представленіе о «я». Остается дальнѣйшій вопросъ: если данъ этотъ объективный социальный матеріаль—мысли, и если дано также это субъективное социальное чувство индивидуума, каковъ же объективный характеръ социальной организаціи? Ибо передъ наукою стоитъ, конечно, именно этотъ объективный вопросъ,—вопросъ не только о томъ, что думаетъ каждый индивидуумъ относительно социального положенія, когда вообще думаетъ о немъ, но и что долженъ думать наблюдатель, уже выяснивъ научно все относящееся къ социальному положенію? И потому, въ виду двухъ ранѣ данныхъ опредѣленій, его вопросъ ставится такъ: является ли мыслью, которая служить матеріаломъ социальной организаціи, всякая случайная мысль, или это должна быть мысль какого-нибудь опредѣленнаго рода? Въ послѣднемъ случаѣ должна ли это быть такого рода мысль, какая имѣется у индивидуума, когда социальные положенія уже чувствуются имъ, какъ функціи представленія о собственномъ «я»? Я полагаю,—скажу это сразу,—что вѣрно послѣднее предположеніе; и правильность его проявляется въ томъ, что мы выше¹⁾ называли публичнымъ характеромъ всякой социальной истины. Что же такое этотъ публичный характеръ съ объективной точки зрѣнія социальной науки? Это можно выразить въ одномъ положеніи (которое мы затѣмъ пояснимъ): всякая мысль, имѣющая социальное значеніе, связана съ «положеніемъ представленія о собственномъ я», которое по своему возникновенію и

¹⁾ Гл. VIII, § 3.

развитію вполнѣ аналогично «положенію представленія о собственномъ я» у каждаго отдѣльнаго члена общества.

326. Возьмемъ для поясненія обычное отношеніе общества къ человѣческой жизни—въ противоположность тому отношенію, какое отдѣльный человѣкъ иногда считаетъ себя въ правѣ занять къ своей собственной жизни, когда ему случается лишить свою мысль ея «публичнаго» характера и дѣйствовать исключительно подъ вліяніемъ низшихъ не-этическихъ санкцій.

Предположимъ, что въ умѣ какого-нибудь человѣка встаетъ вопросъ о томъ, не устроить ли ему ограду на своемъ полѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, чтобы такимъ образомъ предохранить себя отъ несчастнаго случая. Онъ разсуждаетъ такъ: «Я уже много разъ переходилъ это поле и никогда не попадалъ подъ поѣздъ; вѣроятно, никогда и не попаду; поэтому строить ограду—лишніе хлопоты и расходы». Итакъ, онъ рискуетъ своей жизнью, и будущее, вѣроятно, оправдываетъ его расчеты. Его личныя санкціи, преимущественно санкціи разсудка, повидимому, укрѣпляютъ его въ принятомъ рѣшеніи.

Теперь представимъ себѣ, что тотъ же человѣкъ занимаетъ и какую-нибудь общественную должность, и ему надо разсматривать вопросы вообще объ устройствѣ оградъ въ мѣстностяхъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога. Онъ знаетъ, въ такомъ случаѣ, что въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ грунтовую дорогу, ежегодно бываетъ убито извѣстное число пѣшеходовъ. Онъ можетъ по поводу каждаго изъ нихъ привести тѣ же соображенія, которыя приводилъ о самомъ себѣ, т.-е. что несчастье маловероятно. Но теперь, когда онъ стоитъ на публичной точкѣ зрѣнія, эти соображенія уже не санкціонируются у него въ мысляхъ. Теперь рѣчь идетъ уже не о продолженіи жизни того или иного человѣка, а о возможно большей безопасности для коллективной или взятой въ цѣломъ жизни общества. Установка оградъ во всѣхъ

мѣстахъ пересѣченія дорогъ, несомнѣнно, предохра- няла бы ежегодно многихъ гражданъ отъ гибели. Итакъ, соціальная или публичная санкція толкаетъ че- ловѣка въ прямо противоположномъ направленіи; и онъ не только высказывается въ пользу даннаго мѣро- пріятія, но беретъ на себя часть издержекъ и позво- ляетъ поставить ограду на своемъ собственномъ полѣ.

327. Если теперь мы возьмемъ это положеніе въ простѣйшей формѣ и попытаемся анализировать его, мы увидимъ, что въ немъ содержится нѣсколько эле- ментовъ.

1) Такое измѣненіе точки зрѣнія индивидуума, при которомъ прежнее личное представле- ніе о «я» стѣснено болѣе высокимъ или идеаль- нымъ представленіемъ о «я»; когда дѣйствія человѣка носятъ публичный характеръ, его «я» оказывается инымъ; и если онъ хочетъ быть вѣренъ этому «я», онъ уже не можетъ поступать сообразно своему личному представленію. 2) У него въ душѣ есть чувство, гово- рящее о взаимности дѣйствій всѣхъ инди- видуумовъ съ точки зрѣнія этого болѣе широкаго представленія о «я»; и фактически существующее соци- альное положеніе, въ которомъ участвуютъ всѣ инди- видуумы, возможно потому, что эта взаимность и то- ждественность отношеній, дѣйствительно, реальны. Въ этомъ и состоитъ публичное положеніе пред- ставленія о «я» или социальное положеніе, связанное съ публичнымъ предста- вленіемъ о «я».

328. Только благодаря реальности перваго изъ ука- занныхъ элементовъ, въ душѣ человѣка становится воз- можнымъ второй и получаетъ значеніе для объектив- ной науки. Публичное или взаимное соотношеніе су- жденій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возникаетъ только вслѣдствіе ассимилированія личныхъ и эктив- ныхъ представленій о «я» съ нѣкоторымъ болѣе широкимъ цѣлымъ того же рода. Образование болѣе широкаго «я» именно служить доказательствомъ того, что ча-

стичныя «я» сливаются другъ съ другомъ; и если публичное соотношеніе обусловлено общимъ элементомъ въ имѣющихся у различныхъ индивидуумовъ представленіяхъ о «я», то каждый индивидуумъ долженъ пройти процессъ развитія, соотвѣтствующій этому ассимилированію, и у всѣхъ индивидуумовъ долженъ создаться приблизительно одинъ и тотъ же идеалъ. Первое условіе обезпечивается тѣмъ, какъ у каждого нормальнымъ образомъ развивается «положеніе представленія о собственномъ я», а второе— дѣйствительной жизнью индивидуумовъ въ атмосферѣ общей соціальной традиции и общаго соціального наслѣдства.

Итакъ, противопоставляя точку зрѣнія общества точкѣ зрѣнія индивидуума, мы находимъ такое положеніе вещей, какое приходится признавать соціальной наукѣ, т.-е. фактическое объединеніе индивидуумовъ именно при посредствѣ того тождественнаго высшаго «я», образованіе котораго у нихъ становится возможнымъ благодаря ихъ совмѣстной жизни. И потому, съ этой точки зрѣнія, мы можемъ назвать это публичнымъ «положеніемъ представленія о собственномъ я» — соціальнымъ положеніемъ, которое связано съ публичнымъ представленіемъ о «я»,—и заняться изслѣдованіемъ законовъ его прогресса и развитія, все время имѣя въ виду отдѣльных индивидуумовъ, функціей развитія которыхъ является это «положеніе». Интересно отмѣтить, что въ такъ понимаемомъ публичномъ «я» мы получили нѣкоторое генетическое обоснованіе для мысли, высказанной еще Аристотелемъ и столько разъ повторявшейся въ исторіи этическихъ ученій,—мысли о гипотетическомъ «лучшемъ челоуѣкѣ» или оракулѣ, чьи сужденія были бы вѣрны, если бы ихъ можно было узнать. По ходу нашихъ мыслей, это публичное «я» представляетъ собою объективную форму организаціи, къ какой нормальнымъ путемъ приходятъ развивающіяся личности, и значеніе его, я надѣюсь, станетъ яснѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

329. Могутъ, однако, сказать, что всѣ мысли, изобрѣтенія, схемы, идеи, реформы и т. д., конечно, со-всѣмъ не должны обладать непременно тѣмъ качествомъ, которое мы назвали «публичностью», чтобы быть пригодными для поученія и реформированія общества. Но это не такъ; они должны обладать указаннымъ качествомъ, и именно это я хочу доказать. Никакое знаніе, просто въ качествѣ знанія, не можетъ быть соціальнымъ знаніемъ или сдѣлаться орудіемъ соціального прогресса, пока оно не будетъ переработано публичнымъ «я», превратившись въ умахъ индивидуумовъ, думающихъ объ этомъ, въ нѣчто публичное, чтó противопоставляется личнымъ мыслямъ, которыя принадлежатъ только отдѣльнымъ индивидуумамъ. Въ чемъ бы ни заключалась мысль, какъ бы велико ни было открытіе, сколь многообѣщающей ни казалась бы реформа,—все это не имѣетъ соціальной цѣнности, пока я не могу считать этого также мыслью идеальнаго «я»; и только когда послѣднее раздѣляетъ эту мысль, она получаетъ силу и общую авторитетность для всѣхъ остальныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ данной группѣ. Исходя изъ своихъ личныхъ сужденій, я могу напередъ учесть это дальнѣйшее развитіе своей мысли; т.-е. я могу съ довѣріемъ ожидать, что мое изобрѣтеніе будетъ одобрено обществомъ и, такимъ образомъ, получить требуемый публичный характеръ; но я питаю такое довѣріе только въ томъ случаѣ, если обращаюсь именно къ этому высшему «я», уже образовавшемуся въ моей душѣ благодаря соціальному опыту, и при его посредствѣ предвижу судьбу своей мысли, которой я приписываю ту или иную цѣнность. Такъ обстоитъ дѣло, если изобрѣтеніе разсматривается съ субъективной точки зрѣнія. Когда же мы встанемъ на объективную точку зрѣнія,—т.-е. на точку зрѣнія науки о соціальной организаціи,—мы должны сказать, что ни одна мысль не имѣетъ соціального характера и соціального значенія, если она находится только въ умѣ одного индивидуума и еще

ожидаетъ того обобщенія, которое придастъ ей публичный характеръ благодаря тому, что отнесетъ ее къ нѣкоторому публичному и общему «я».

Иначе говоря, чтобы моя личная мысль сдѣлалась социальнымъ матеріаломъ, она должна войти въ ту организацію или интеграцію публичнаго «положенія представленія о собственномъ я», которая болѣе или менѣе правильно отражается во всякомъ взросломъ человѣкѣ; этимъ путемъ данная мысль становится достояніемъ того высшаго «я», которое устанавливаетъ законы для всѣхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что всѣ люди согласны со мною въ данной мысли, и что они признаютъ ее обязательно (обязательною и для меня) такъ, какъ я признаю ее (обязательною для нихъ). Такимъ образомъ, данная мысль участвуетъ въ развитіи личнаго «я» и, именно благодаря этому, получаетъ также публичный характеръ. Безъ такой связи она не можетъ имѣть социального значенія. Конечнымъ субъективнымъ критеріемъ социальной мысли является мысль о «я», со всѣми ея много-различными отношеніями къ социальному положенію. А конечнымъ объективнымъ критеріемъ является фактическое утвержденіе мысли индивидуумами посредствомъ общаго воздѣйствія на то положеніе, какое взаимно связывается съ ихъ представленіями о «я». Этимъ они показываютъ свое объединеніе въ нѣкоторомъ публичномъ «положеніи представленія о собственномъ я».

Итакъ, заканчивая разсмотрѣніе нашего вопроса въ послѣдней его постановкѣ, мы приходимъ къ выводу, что развивающееся «положеніе представленія о собственномъ я» въ умѣ индивидуума—если брать это положеніе въ его взаимодействіяхъ и взаимоотношеніяхъ въ извѣстной группѣ—и есть именно матеріалъ социальной организаціи. Ибо ни въ чемъ иномъ мы не находимъ, чтобы были выполнены условія, требуемыя для полученія публичнаго значенія.

Такимъ образомъ само собою возникаетъ публичное «положеніе представленія о собственномъ я»; ни съ какой иной точки зрѣнія не можемъ мы объяснить реакціи индивидуума на ту организацію, которая обнаруживается въ обществѣ. Поэтому, и разсматривая развитіе ребенка и человѣка, и при объективномъ разсмотрѣніи общества, мы приходимъ къ отождествленію организаціи индивидуальной личности непосредственно съ организаціей общества, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и въ отношеніи метода дѣйствованія. Это можно нѣсколько пояснить посредствомъ краткаго разбора двухъ теорій, которыя, какъ кажется при поверхностномъ взглядѣ, приходятъ къ сходному выводу; я имѣю въ виду, съ одной стороны, теорію Адама Смита, съ другой—теорію Гегеля.

330. Замѣчательныя разсужденія Адама Смита о соціальной связи, которую онъ обозначаетъ словомъ «сочувствіе», хорошо знакомо всѣмъ, кто изучалъ англійскую этику. Замѣчаніе, которое я хочу сдѣлать по поводу этихъ разсужденій, заключается въ томъ, что Адамъ Смитъ предполагаетъ наличность «публичнаго характера», необходимаго для соціальной организаціи, и этимъ предположеніемъ удовлетворяется.

По его мнѣнію, я сочувствую тому, что я нахожу «подходящимъ» въ симпатіяхъ другихъ людей, такъ какъ именно это и я самъ испытывалъ бы; и чувство такого согласія, это—нравственное одобреніе. Затѣмъ, перенесенное на меня самого, мое сужденіе о самомъ себѣ является отраженіемъ чувства, говорящаго мнѣ, что и вы точно такъ же сочувствуете мнѣ.

Но, разбираясь въ этомъ утвержденіи, мы можемъ сказать, что какъ только мы сталкиваемся съ какимъ нибудь соціальнымъ положеніемъ, т.-е. съ положеніемъ, гдѣ участвуютъ два лица—нападающій и подвергающійся нападенію,—передъ нами встаетъ вопросъ: кому же я долженъ сочувствовать? И тотъ же вопросъ встаетъ по поводу моего собственного одобренія или неодобренія самого себя, если въ этомъ одобреніи или

неодобрениі надо видѣть отраженіе сочувствія, которымъ я пользуюсь со стороны другихъ людей. Ибо я не знаю, будетъ ли другой человѣкъ сочувствовать мнѣ (т. е. одобрять меня), или тому, кому мои дѣйствія вредятъ. Каковъ же тотъ общій элементъ, который придастъ какому нибудь соціальному дѣйствию, какъ таковому, публичный характеръ и устойчивую цѣнность? Адамъ Смитъ отвѣчаетъ на это въ общей формѣ, говоря, что одобреніемъ пользуется то дѣйствіе, которому всего болѣе сочувствуютъ ¹⁾). Но это ни къ чему насъ не приводитъ; ибо какъ могу я знать, кому вы больше сочувствуете? Мнѣ остается только опять спросить себя, кто вызывалъ бы большее сочувствіе съ моей стороны. Такимъ образомъ, если строить теорію послѣдовательно, въ концѣ-концовъ мѣрило окажется совершенно то же, съ какого мы и начинали, именно—личное сочувствіе индивидуума. Позднѣе Адамъ Смитъ вводитъ сужденіе гипотетическаго лучшаго человѣка, къ которому безмолвно апеллируютъ. Но это кажется мнѣ такимъ предположеніемъ, дѣлать которое онъ не имѣлъ права, такъ какъ оно, конечно, не вытекаетъ изъ описаннаго имъ взаимодѣйствія разныхъ формъ сочувствія.

331. Излагая и подвергая критикѣ различныя теоріи, мы намѣренно оставили въ сторонѣ одну группу мыслителей, ученіе которыхъ, несмотря на различія въ частностяхъ, можетъ быть обозначено, какъ «идеалистическая» теорія соціальной жизни. Эта теорія, въ общемъ, пользуется дедуктивнымъ методомъ и устанавливаетъ извѣстный взглядъ на общество, исходя изъ посылокъ идеалистической философіи. По этой причинѣ, т. е. въ виду того, что данное ученіе является чисто-дедуктивнымъ, на немъ мало останавливаются мыслители, работающіе въ этой области болѣе на-

¹⁾ Такъ, мнѣ кажется, выводъ изъ разсужденій Адама Смита о полезности, присущей „тому поведенію, которое способствуетъ благополучію либо индивидуума, либо общества“. Адамъ Смитъ. Теорія нравственныхъ чувствъ, стр. XXX.

учнымъ способомъ,—особенно еще потому, что социальныя теоріи этого типа связаны съ именами Гегеля и нео-гегельянцевъ.

Эта философія, взятая въ самыхъ общихъ чертахъ, отождествляетъ дѣйствительность съ мыслью; она считаетъ, что въ сознаніи, и особенно въ самосознаніи дѣйствительность какъ бы «приходитъ въ себя»; въ социальной организаціи эта философія видитъ объективированіе или универсализацію самосознанія, которое первоначально «приходитъ въ себя» въ индивидуумѣ. Соціальныя теоріи этой школы сводятся, повидимому, къ слѣдующему: во-первыхъ, основной характеръ дѣйствительности — т. е. характеръ мысли — не утрачивается при объективированіи, благодаря которому индивидуумъ становится универсальнымъ въ видѣ общества; и, во-вторыхъ, дѣйствительность вполне «приходитъ въ себя»—въ обществѣ, какъ и въ индивидуумѣ—въ формѣ нѣкотораго «я». Соединяя эти два положенія, мы получимъ теорію, согласно которой именно въ формальной мысли индивидуума о «я» реализуются и субъективная форма дѣйствительности, и ея объективная форма, въ какой она существуетъ въ обществѣ ¹⁾).

Для насъ здѣсь интереснѣе этотъ выводъ, чѣмъ лежащая въ его основѣ метафизика, и я хотѣлъ бы строго отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Именно положеніе, касающееся мысли о «я», въ большой мѣрѣ подтверждается нашимъ подробнымъ индуктивнымъ изслѣдованіемъ, поскольку оно посвящено какъ развитію ребенка, такъ и эволюціи общества.

Однако, съ эмпирической точки зрѣнія, и эта теорія Гегеля также дѣлаетъ предположеніе о публичномъ характерѣ. Съ метафизической стороны она содержитъ это предположеніе съ самаго начала, такъ какъ именно въ возникновеніи личнаго самосознанія у индивидуума видитъ проявленіе универсальнаго «я», проникающаго

¹⁾ Гегель проводитъ разграниченіе между „субъективной душою“ и „объективнымъ духомъ“.

собою всю природу. Но, принимая индивидуальную форму на первых стадіяхъ реализаціи какого либо «я»,—если смотрѣть съ генетической точки зрѣнія,—оно временно утрачивается это качество; что оно его снова получить,—этого надо ожидать; а что социальная жизнь является важнѣйшимъ стимуломъ для получения его вновь,—это представляется апріорно вѣроятнымъ. Гегель говоритъ, что социальная жизнь, въ самомъ дѣлѣ, оправдываетъ это ожиданіе. Но какимъ образомъ? На этотъ вопросъ надо отвѣчать фактами.

Что касается до социального матеріала, то отвѣтъ Гегеля сходенъ съ изложеннымъ нами взглядомъ. Онъ указываетъ на зависимость между личнымъ развитіемъ и прогрессирующими социальными условіями,—зависимость, которая проявляется, прежде всего, въ фактѣ подчиненія, напримѣръ, раба господину. Позднѣе, благодаря вліяніямъ семьи и государства, возникаютъ извѣстныя постоянныя самоограниченія, взаимныя отношенія, потребности жизни и общенія, имѣющія общее или публичное значеніе, разъ они признаны всѣми.

Я сознаю, что это—довольно слабое изложеніе взглядовъ Гегеля, но оно можетъ показать, чего въ нихъ недостаетъ. Здѣсь нѣтъ именно моста отъ личной мысли къ мысли, носящей публичный характеръ. Такимъ мостомъ, по моему мнѣнію, служитъ подражательный процессъ ассимилированія и развитія.

Если даны сложныя социальныя положенія,—откуда ихъ одинаковое значеніе для всѣхъ членовъ общества, откуда внутренній элементъ «публичности», являющийся для всѣхъ насъ необходимымъ условіемъ всего социального? Разумѣется, метафизика Гегеля указываетъ этотъ элементъ; мысль по самой своей природѣ признаетъ свою универсальность на этомъ высшемъ уровнѣ социального самосознанія. Но если смотрѣть съ точки зрѣнія дѣйствительнаго генетическаго развитія, то здѣсь необходимъ какой нибудь эмпирической процессъ развитія и для индивидуума, и для общества. Этотъ

эмпирический «факторъ», по Гегелю, характеризуемый, какъ «необходимый и законный», какъ «основаніе явленія» социальной жизни и ея «внѣшнее или феноменальное начало», но «не лежащій въ ея основѣ и существенный ¹⁾ принципъ», это—«с и л а». Но если предыдущія наши положенія вообще вѣрны, то «сила», «принужденіе» не составляютъ социального процесса.

Словомъ, большой заслугою писателей-идеалистовъ является то, что они даютъ сравнительно полный и точный отвѣтъ на вопросъ о матеріалѣ социальной организаци; но, за исключеніемъ одного автора ²⁾, взгляды котораго еще не опубликованы въ подробностяхъ, никто изъ нихъ не описываетъ подражательнаго процесса или типа функций, благодаря которому социальный матеріалъ — «положеніе представленія о собственномъ я»—получаетъ публичный характеръ и, такимъ образомъ, въ одно и то же время пріобрѣтаетъ значеніе и для общества, и для индивидуума ³⁾.

332. Въ качествѣ болѣе положительнаго доказательства того, что социальный матеріалъ всегда бываетъ

¹⁾ Т. е. въ метафизическомъ смыслѣ. Процессъ „самопризнаванія“ (das anerkennende Selbstbewusstsein) характеризуется Гегелемъ какъ „сраженіе“. „Я не могу сознать себя, какъ самого себя, въ другомъ индивидуумѣ, пока я вижу въ этомъ другомъ другое и полновластное существованіе; и я, слѣдовательно, склоненъ подавить эту его полновластность... Борьба за признаніе ведется не на жизнь, а на смерть... Борьба заканчивается въ первомъ случаѣ одностороннимъ отрицаніемъ и неравенствомъ... Такимъ образомъ возникаетъ положеніе господина и раба... Въ борьбѣ за признаніе и въ подчиненіи господину мы видимъ, съ феноменальной стороны, возникновеніе социальной жизни человѣка и начало политическаго единенія“. — Encyclopädie, часть III, §§ 431—3. Это сближаетъ Гегеля со сторонниками „теорій принужденія“, о которыхъ мы уже говорили (§ 317).

²⁾ Проф. Ройса, который соглашается съ этимъ главнымъ возраженіемъ, заявляя въ одномъ частномъ сообщеніи: „Я не нахожу у него (Гегеля) ясно выраженаго признаванія подражательнаго фактора, какъ такового“. Я съ удовольствіемъ печатаю въ прил. 3 отрывокъ изъ письма проф. Ройса, гдѣ указывается различное значеніе, придаваемое разсужденіемъ Гегеля о „господинѣ и рабѣ“.

³⁾ Ср., напримѣръ, Mackenzie, Introduction to Social Philosophy, 2-е изд., стр. 199 и сл., 258 и сл.

связанъ съ «положеніемъ представленія о собственномъ я», замѣтимъ, что съ нашими взглядами вполне согласуются многіе факты, собранные англійскими моралистами для доказательства того положенія, что сочувствіе, во всѣхъ его проявленіяхъ, означаетъ: «поставить себя на мѣсто другого». Ибо надо только вмѣсто искусственной «постановки себя на мѣсто другого» говорить о подражательномъ тождествѣ понятій «я» и «другой», чтобы прийти къ тѣмъ же выводамъ. Это значить, что старое ученіе о сочувствіи, по существу, правильно, поскольку оно признаетъ участіе здѣсь собственного «я»; необходимо только дополнить это ученіе изслѣдованіемъ генезиса и природы той категоріи явленій, которая обозначается словомъ «сочувствіе». Такое дополненіе вноситъ теорія, рассматривающая представленіе о «я», какъ результатъ прогрессивнаго подражанія, и учитывающая то активное взаимодѣйствіе обоихъ членовъ, участвующихъ въ образованіи указаннаго представленія, благодаря которому оно именно и развивается. Такимъ образомъ, всей схемѣ придается извѣстное единство, и изъ нея устраняется элементъ предположенія. Напримѣръ, можно было бы перебрать весь рядъ тонкихъ доказательствъ, приводимыхъ Адамомъ Смитомъ въ началѣ его книги о нравственныхъ чувствованіяхъ, и, разбирая ихъ одно за другимъ ¹⁾, убѣдиться, что всѣ они сводятся воедино и опредѣленно говорятъ о томъ, что мы назвали «публичностью», между тѣмъ какъ Адамъ Смитъ могъ только дѣлать предположенія въ этомъ смыслѣ. Ибо онъ предполагаетъ, во-первыхъ, что мы сочувствуемъ другъ другу; это онъ дѣлаетъ своимъ основнымъ положеніемъ. Затѣмъ онъ предполагаетъ, что для обѣихъ сторонъ пріятно, когда онѣ находятся въ состояніи сочувствія. Оба эти положенія фактически вѣрны и въ равной мѣрѣ относятся къ животнымъ. Но здѣсь не указывается основаніе фактовъ, заключающееся: 1) въ тождественности прогрессирующей мысли, которая, 2)

¹⁾ Я отказываюсь отъ такого разбора въ виду недостатка мѣста.

именно развиваясь въ каждомъ, объединяетъ всѣхъ въ извѣстныхъ соціальныхъ соотношеніяхъ. Оба эти факта, въ примѣненіи къ человѣку, становятся понятны, если держаться того взгляда, что съ самаго начала объединяющее представленіе о «я» развивается благодаря подражательному внушенію. Ибо, съ этой точки зрѣнія, сочувствіе является необходимымъ эмоціональнымъ отношеніемъ, которое вытекаетъ изъ тождественнаго представленія о «я»; и удовольствіе отъ взаимнаго сочувствія и сотрудничества, это—удовольствіе отъ личной дѣятельности, нормальнымъ образомъ вплетающейся въ такое положеніе, которое всѣ индивидуумы понимаютъ, и котораго всѣ они желаютъ.

333. Дальнѣйшія доказательства вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ положеній, уже выставленныхъ на предшествующихъ страницахъ, на которыя мы, ради полноты, просто и сошлемся.

1) Мы можемъ привести доказательства въ пользу того, что каждый человѣкъ въ своемъ личномъ развитіи зависитъ отъ соціальныхъ стимуловъ, и что онъ приходитъ къ такимъ мѣриламъ соціальныхъ сужденій и чувствованій, которыя, въ главныхъ чертахъ, отражаютъ мѣрила, общераспространенныя въ окружающей его средѣ (части I—II). По этому вопросу можно воспользоваться сочиненіями Лесли Стивна, Гёффдинга, С. Александера, Ройса и др.

2) Дальнѣйшій доводъ можно получить изъ постановки того же вопроса по отношенію къ нравственной публичности; этотъ доводъ будетъ говорить въ пользу того, что, съ генетической точки зрѣнія, соціальное внушеніе и соціальныя вѣрованія внутренне связаны съ нравственностью (гл. I, § 3, и гл. VIII, §§ 2—4). Объ этомъ обстоятельствѣ будетъ еще упомянуто ниже, при разсмотрѣніи связи между нравственнымъ и соціальнымъ прогрессомъ.

3) Наконецъ, можно привести доказательство изъ исторіи соціальной жизни человѣка, показывающее су-

ществованіе такого постоянного взаимнаго обмѣна между индивидуумомъ и обществомъ, какой представляется необходимымъ, если стоять на занятой нами точкѣ зрѣнія (части III—IV ¹).

§ 4. Собранія животныхъ и человѣческія общества.

333 а. Остается подвести итогъ фактамъ, которые касаются формъ мнимо-соціальной организаціи среди животныхъ ²). Разумѣется, различіе, проводимое между совмѣстной жизнью людей и животныхъ, не является абсолютнымъ. Типы, о которыхъ мы говоримъ, — это относительные типы, а не различные виды. Если мы говоримъ, что человѣкъ — существо, чья соціальная жизнь представляетъ собою организацію, возникающую вслѣдствіе его развитія въ качествѣ нѣкотораго „я“, т. е. существо, которое думаетъ о себѣ и, слѣдовательно, думаетъ и о другихъ въ связи съ собою,—это не значить, что въ его соціальной жизни нѣтъ факторовъ, обусловленныхъ низшими функціями—влеченіями, эмоціями, инстинктами и т. д. Человѣкъ является также и

¹) Эти соображенія касаются только того, что можно назвать внутреннимъ доказательствомъ, почерпнутымъ изъ хода соціальной исторіи человѣка. Виѣшнее или антропологическое доказательство еще должно быть приведено.

Здѣсь надлежало бы подвергнуть оцѣнкѣ теорію „общей воли“, какъ ее выставилъ Руссо и, въ особенности, какъ ее недавно развилъ Бозанкетъ въ своей „философской теоріи государства“; но это, скорѣе, соціологическая, а не психологическая теорія, и я надѣюсь кратко коснуться ея въ другомъ мѣстѣ. Однако, можно сказать, что поскольку эта теорія носитъ психологическій характеръ, ее лучше было бы назвать теоріей „общаго я“, и, какъ таковая, она сходна съ моими собственными взглядами (ср. § 339 и Введение, § 2). Болѣе опредѣленно волюнтаристическая точка зрѣнія представлена у Вундта въ *Logik der Gesellschaftswissenschaften* (W u n d t, *Logik*, т. 2-й, II, гл. 4) и Барта, *Философія исторіи съ точки зрѣнія соціологіи*. Ср. также статью Baldwin-Stout, *General Will* въ моемъ *Dictionary of Philosophy*.

Теорія „общественнаго договора“ также была воскрешена и поставлена на болѣе прочное психологическое основаніе въ нѣкоторыхъ новыхъ работахъ (De Greef, *Introduction à la Sociologie*; Fouillée, *La Science sociale contemporaine*).

²) Ср. по этому вопросу §§ 142, 158 и сл., 103, 319 и сл.

животнымъ. У него есть извѣстныя самопроизвольныя наклонности къ общественности, помимо важной способности мыслить себя въ сознательной соціальной жизни. Но если бы это было все, чѣмъ онъ обладаетъ, это повело бы къ такого рода стадной жизни, которая выше была названа «соціономическою», — по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Этимъ именно обладаютъ животныя. По своему т и п у это — совмѣстная жизнь, потому что для нихъ естественно жить сообща. Такая жизнь соотвѣтствуетъ періодамъ «инстинктивности» и «самопроизвольности» въ эволюціи одаренности. Вполнѣ признавая, что существуетъ такая совмѣстная жизнь у животныхъ, мы все же находимъ ее отличною отъ человѣческой, подобно тому, какъ первоначальныя самопроизвольныя реакціи ребенка — его застѣнчивость, органическое сочувствіе, и т. д. — отличны отъ его позднѣйшихъ разумныхъ и обдуманнхъ дѣйствій. Но переходъ совершается постепенно, какъ постепенно возникаетъ та форма организаціи, которую мы назвали положеніемъ «представленія о собственномъ я». Я пытался показать, какъ ребенокъ въ дѣйствительности переходитъ отъ низшихъ ступеней къ высшимъ. Такъ обстоитъ дѣло и съ животными формами: онѣ по п р е и м у щ е с т в у инстинктивны, нѣ сколько самопроизвольны, въ небольшой степени разумны (у наивысшихъ видовъ) и никогда не бываютъ нравственными. Если у индивидуумовъ какой либо отдѣльной группы есть зачатокъ образующагося въ нихъ «я», ихъ организація получаетъ оттѣнокъ настоящаго «соціального» значенія, хотя по своему т и п у эта организація все же остается организаціей «собранія». Замѣчаніе (Эльвуда), будто здѣсь я нахожу пробѣлъ въ генетической цѣпи — непреходимую пропасть между животными и человѣкомъ, — это замѣчаніе опровергается всѣми моими взглядами, согласно которымъ соціальная жизнь постепенно развивается, возникая вмѣстѣ съ сознаниемъ собственного «я». Но если допустить эту непрерывность развитія, то главнымъ фактомъ, ко-

торый подчеркивался на предшествующихъ страницахъ, является все увеличивающееся и типическое различіе между стаднымъ сознаніемъ, которое отражаетъ, по преимуществу, прочно установившіяся и не прогрессирующія нервныя функціи, представляющія собою продуктъ біологическаго отбора, и тѣмъ сознаніемъ, которое, освободившись отъ этихъ ограниченій, обнаруживаетъ свою способность къ психологической организаціи, носящей интеллектуальный и нравственный характеръ. Только послѣдняго рода организацію я называю «обществомъ»; организацію же перваго рода я обозначаю словомъ «собраніе»¹⁾.

¹⁾ Когда критикуютъ тотъ взглядъ, что соціальнымъ матеріаломъ является „представленіе о я“, то указываютъ обыкновенно на необходимость признавать стадныя дѣйствія животныхъ. Мы вполне ихъ признаемъ; но и тогда передъ нами все же остается вопросъ: какимъ образомъ можемъ мы получить человѣческое общество съ его отличительными чертами? Такими чертами являются: 1) разумное противодѣйствіе стаднымъ влеченіямъ или разумное же ихъ подкрѣпленіе; 2) всеобщій и публичный характеръ правъ и обязанностей; 3) особая „общая воля“ или „общее я“; 4) учрежденія, въ которыхъ это „общее я“ воплощено,—въ особенности государство. Эти вещи такъ рѣзко бросаются въ глаза! человѣкъ съ его соціальною исторіей такъ отличается отъ животныхъ съ ихъ физической наслѣдственностью! — что дѣйствительно необходимо выяснять человѣческіе факторы, а не затемнять ихъ. См., напримѣръ, неправильные выводы біологическаго натурализма (противопоставляемаго психологическому) у такого автора, какъ Сутерландъ („Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“).

Замѣчательно, что смыслъ моего взгляда, согласно которому „соціальнымъ матеріаломъ“ служить „мысль“, постоянно ошибочно понимается. Бозанкетъ критикуетъ эту теорію, находя, что въ ней отводится слишкомъ много мѣста повторенію и подражанію, и остается въ пренебреженіи „мысль“ (логическій принципъ *sui generis*); другіе (напримѣръ, Дэвисъ въ *Journ. of Philos.*, 30 авг. 1906 г.) находятъ, что „мысль“ здѣсь является новымъ и ненужнымъ „принципомъ“. Между тѣмъ подъ „мыслью“ я разумѣю только какого либо рода познаваемое содержаніе или „представленіе“, которое давало бы душевному состоянію опредѣленную форму и „образецъ“ для подражанія. Эмоція или влеченіе—безразлично, „стадная“ или „заразительная“ — были бы слѣпыми, неорганизованными, непригодными для плодотворнаго подражанія, если бы не представленіе или „мысль“, которыя являются ихъ общимъ ядромъ въ различныхъ душахъ.

Глава XIII.

Соціальний матеріалъ и соціальний процессъ:

II. Соціальний процессъ.

§ 1. Процессъ соціальной организаціи: подражаніе.

334. Намъ нѣтъ нужды долго останавливаться на процессѣ или методѣ соціальной организаціи и на томъ типѣ функцій, какого она требуетъ со стороны индивидуумовъ, такъ какъ всѣ предшествующія наши разсужденія основывались на опредѣленномъ построеніи этого метода и этихъ функцій и, въ свою очередь, подкрѣпляли это построение.

1) Мы указывали, что развитіе у индивидуума представленія о собственномъ «я», отъ котораго зависитъ его соціальное развитіе, совершается постоянно благодаря двоякому примѣненію функціи подражанія. Индивидуумъ доходитъ до субъективнаго пониманія соціальныхъ образцовъ путемъ подражанія, а затѣмъ подкрѣпляетъ свое пониманіе съ помощью другого подражательнаго акта, посредствомъ котораго онъ эективно переноситъ свое представленіе о собственномъ «я» на личности другихъ. Каждая изъ этихъ стадій существенно важна для его развитія въ качествѣ личности и, слѣдовательно, важна также для развитія общества. Ибо общество развивается благодаря подражательному обобщенію мыслей, принадлежащихъ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Такимъ образомъ, это обстоятельство мы можемъ выдвинуть въ качествѣ главнаго доказательства того факта, что подражаніе является методомъ соціальной организаціи. Это положе-

ніе, опять-таки, расчленяется надвое; оно говоритъ, во-первыхъ, что именно при посредствѣ подражанія возникаетъ «положеніе представленія о собственномъ я» на всѣхъ ступеняхъ его развитія и у всѣхъ индивидуумовъ; и, во-вторыхъ, что именно благодаря подражательному отбору и обобщенію индивидуумы объединяются въ публичномъ «положеніи представленія о собственномъ я».

2) Далѣе, мы видѣли, что именно этой точки зрѣнія недостаетъ столь многимъ теоріямъ, трактующимъ о соціальной организаціи. Мы подвергли критикѣ съ этой стороны какъ теоріи, берущія за основу «сочувствіе», такъ и «идеалистическія» теоріи. Только въ томъ случаѣ, если представленіе о собственномъ «я» остается тождественнымъ на протяженіи всего процесса личнаго развитія, можетъ получиться единство направленія соціальныхъ силъ; а это достигается только благодаря функции подражанія.

3) Сочиненія новѣйшихъ авторовъ, въ особенности Бэгехота, Тарда и Сигеле, описывали дѣйствіе подражанія въ обществѣ и послѣдовательно выясняли, что, съ объективной точки зрѣнія, подражанію принадлежитъ всеобщее значеніе.

4) Въ предшествующей своей работѣ ¹⁾ авторъ настоящаго сочиненія пришелъ къ выводу, что реакція подражательнаго типа является первоначальной формою органическаго и духовнаго приспособленія къ окружающей средѣ. Доказательства, приведенныя нами въ предыдущихъ главахъ въ пользу того положенія, что ребенокъ фактически вступаетъ во владѣніе своимъ соціальнымъ наслѣдствомъ благодаря подражательному усвоенію уроковъ, даваемыхъ окружающей соціальной средою, — это доказательство (хотя оно, пожалуй, не относится къ тѣмъ случаямъ, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь) дѣлаетъ очевиднымъ, что здѣсь передъ нами явный образчикъ того «кругового» про-

¹⁾ „Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода“.

цесса, который былъ объясненъ въ указанномъ сочиненіи. Ребенокъ подражаетъ другому и, такимъ образомъ, усвоиваетъ то, что впослѣдствіи будетъ у него привычнымъ дѣйствіемъ. Это въ каждомъ случаѣ представляетъ собою шагъ въ сторону болѣе полной приспособленности къ соціальному міру. И позднѣйшія его дѣйствія, укрѣпляющія, расширяющія и видоизмѣняющія эти усвоенныя привычки, являются только продолженіемъ этого же процесса въ болѣе высокихъ областяхъ обдумыванія, желанія, хотѣнія и т. д.

5) Однако, предположеніе, что подражаніе является методомъ соціальной организациі, можетъ быть подвергнуто дальнѣйшей провѣркѣ въ связи съ вопросомъ о соціальномъ матеріалѣ, такъ какъ, опредѣливъ, съ какого рода матеріаломъ намъ приходится имѣть дѣло, мы должны затѣмъ спросить, объясняетъ ли подражательный методъ организациі удовлетворительнымъ образомъ тѣ формы, какія въ дѣйствительности принимаетъ этотъ матеріалъ. На мой взглядъ, сильнымъ доказательствомъ въ пользу утвержденія, что подражаніе представляетъ собою типъ соціальной функціи, служить то, что это утвержденіе можетъ съ успѣхомъ примѣняться, разъ опредѣлена природа матеріала, какъ это было сдѣлано въ предыдущей главѣ. Оно утрачиваетъ при этомъ свой случайный эмпирический характеръ, столь часто присущій соціологическимъ наблюденіямъ, и входитъ въ составъ того, что фигурально можно назвать соціальною морфологіей.

Но послѣднія два соображенія приводятъ насъ къ слѣдующей нашей темѣ — къ выясненію того, какого взгляда на соціальный прогрессъ мы должны держаться, разъ оказываются вѣрными два главныхъ вывода изъ нашихъ разсужденій: 1) что матеріаломъ соціальной организациі служитъ мысль, обладающая характеромъ публичности, который обусловливается тѣмъ, что соціально мыслящій человѣкъ относитъ эту мысль къ нѣкоторому публичному «я»; и 2) что ме-

тодомъ или типомъ функціи въ соціальной организаціи служить подражаніе.

§ 2. Природа и функція подражанія ¹⁾).

335. Въ предшествующихъ разсужденіяхъ мы предполагали извѣстное опредѣленіе подражанія, а также различіе между самой функціей и ея проявленіемъ въ соціальной жизни. Опредѣляя подражаніе, я понималъ его въ томъ смыслѣ, что подражаніемъ является либо 1) такой процессъ, при которомъ одинъ индивидуумъ пользуется другимъ, какъ образцомъ для собственныхъ дѣйствій, — безразлично, беретъ ли онъ другого на-мѣренно и сознательно за образецъ, или нѣтъ; либо 2) тотъ же типъ функціи, когда копируемое дѣйствіе принадлежитъ самому подражателю, а не какому нибудь другому лицу. Первое изъ этихъ явленій я предлагаю называть «соціальнымъ подражаніемъ»; это — тотъ видъ подражанія, который описывали преимущественно соціологи (Бэгхотъ и Тардъ). Второе, съ психологической точки зрѣнія, представляетъ собою то, что было названо «подражательною функціей» или «психическимъ подражаніемъ», и о чемъ трактуютъ преимущественно психологи (Ройсъ, авторъ настоящей книги въ сочиненіи «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода») ²⁾. Нельзя отрицать, что въ качествѣ извѣстнаго типа функціи, подражаніе какому либо образцу представляется въ сознаніи самого подражающаго совершенно одинаковымъ, независимо отъ того, появляется ли образецъ въ его собственномъ умѣ или вносится какимъ нибудь другимъ лицомъ. Но

¹⁾ Этотъ параграфъ включенъ мною въ виду нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній, показывающихъ, что въ данномъ выше изложеніи я не объяснилъ съ достаточной полнотою разницы между психологической и соціальной стороною подражанія.

²⁾ Чисто неврологическая функція самоподражанія, которую въ указанномъ сочиненіи я называлъ „органическимъ подражаніемъ“, болѣе извѣстна подъ именемъ „кругового“ процесса. Однако, она, по моему мнѣнію, лежитъ въ основѣ всѣхъ высшихъ подражательныхъ функцій.

соціальное явленіе оказывается соціальнымъ просто и только потому, что здѣсь для подражанія требуются два лица или болѣе, и отсюда возникаетъ путаница, такъ какъ не проводится различія между двумя разными точками зрѣнія. Психологи тщательно отграничивали область «самоподражанія» отъ области «соціального подражанія» ¹⁾).

335 а. Очевидно, что при изученіи соціального процесса мы можемъ встать на точку зрѣнія соціальной психологіи и задаться вопросомъ о томъ, благодаря какому духовному процессу люди фактически являются соціальными существами и обнаруживаютъ соціальную организацію. Но возможно также встать на точку зрѣнія соціологіи и спросить: что совершается на моихъ глазахъ — глазахъ наблюдателя — въ средѣ соціально организованныхъ людей? Если на оба вопроса отвѣтить словомъ «подражаніе», это слово будетъ имѣть въ обоихъ случаяхъ различный смыслъ. Говоря, что соціальный процессъ, это — подражаніе, я разумѣю, напримѣръ, нѣчто большее, чѣмъ Тардъ, который сто-

¹⁾ Въ тщательно составленныхъ статьяхъ „Подражаніе“, „Образецъ“, „Модель“ и т. д. въ моемъ Dictionary of Philosophy разсматриваемый вопросъ приведенъ въ связь съ другими, близкими къ нему вопросами, которымъ посвящены статьи „Миметизмъ“ и „Сходство“ (тамъ терминъ „миметическое сходство“—т. е. такое сходство, при которомъ то, на что нѣчто другое похоже, само является факторомъ въ созданіи того, что на него похоже,—употребляется такимъ образомъ, что обнимаетъ оба случая подражанія). Употребленіе слова „инстинктъ“ въ примѣненіи къ подражанію, мнѣ кажется создаетъ извѣстную неясность. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю это слово въ указанномъ своемъ сочиненіи, оно обозначаетъ просто нѣкоторое врожденное влеченіе, а не инстинктъ, какъ извѣстную функцію, имѣющую определенную и неизмѣнную форму реакціи или выраженія. Теперь я принимаю совѣтъ, данный въ Dict. of Philos., и пользуюсь терминомъ „влеченіе къ подражанію“; это влеченіе я считаю врожденнымъ на основаніи тѣхъ соображеній, которыя приведены мною въ книгѣ „Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода“. Подобнымъ же образомъ измѣнилъ свое словоупотребленіе и Гроосъ въ этомъ случаѣ, а также въ вопросѣ о влеченіи къ игрѣ (ср. G r o o s, Die Spiele der Menschen, стр. 2).

ить на объективной точкѣ зрѣнія. Словомъ, наблюдатель часто видитъ вокругъ себя вещи, которыя не представляютъ собою «соціального подражанія»; онъ видитъ противорѣчія, изобрѣтенія, споры и т. д.; а часто онъ видитъ въ подражаніи нѣчто меньшее — видитъ такіе случаи соціального подражанія, которые совсѣмъ не способствуютъ соціальной организаціи. Но, съ точки зрѣнія соціальной психологіи, все это можетъ являться психическимъ подражаніемъ, разсматриваемымъ въ качествѣ функціи жизни и развитія индивидуума. Такъ я думаю. Все это, собственно, содержится уже въ предшествующихъ страницахъ, и теперь должно только быть полнѣе выяснено.

Подойдемъ къ вопросу съ точки зрѣнія соціологіи и спросимъ, въ какихъ предѣлахъ правильна соціологическая теорія подражанія. Эти предѣлы были указаны многими изъ новѣйшихъ критиковъ.

Во-первыхъ, намъ говорятъ, что подражаніе одного человѣка другому въ большомъ количествѣ не плодотворно. Это вѣрно (см. критику взглядовъ Тарда въ § 316, I), но вѣрно можетъ быть также и то, что все плодотворное всегда бываетъ связано съ психическимъ подражаніемъ (или даже съ соціальнымъ подражаніемъ). Это замѣчаніе выдвигается только противъ того взгляда, будто соціальное подражаніе всегда плодотворно для соціальной организаціи, — взгляда, который, какъ мнѣ кажется, далекъ отъ истины.

Во-вторыхъ, намъ говорятъ, что хотя бы подражаніе и имѣлось налицо, не оно является плодотворнымъ и существеннымъ; 1) признаваніе другого «я», 2) принужденіе или вынуждаемое другимъ лицомъ повиновеніе, 3) навязываніе мыслей, 4) движеніе впередъ, присущее соціальному теченію, 5) участіе въ «общей волѣ», 6) признаваніе правъ и обязанностей, 7) общественный договоръ — вотъ что отстаиваютъ люди, критикующіе теорію подражанія.

Далѣе, мы можемъ сказать, что эта отрицательная критика, вмѣстѣ съ разнообразными положительными

взглядами, служить возраженіемъ противъ теоріи, утверждающей, что «соціальное подражаніе» является чѣмъ-то существеннымъ и единственно-существеннымъ. Но, признавая силу этой критики, мы спросимъ: будетъ ли достаточно какого-либо изъ явленій, указанныхъ въ качествѣ дѣйствительныхъ соціальныхъ факторовъ, — или всѣхъ ихъ, — безъ психическаго подражанія, безъ выполненія подражательной функціи со стороны соціального индивидуума? И мы находимъ, что ихъ будетъ недостаточно. Всѣ они требуютъ такой формы соціального матеріала, которая могла возникнуть и можетъ дѣйствовать только въ извѣстномъ соціальномъ положеніи, благодаря функціи подражанія. Переберемъ по порядку всѣ указанные явленія.

1) Признаваніе другого «я» или многихъ другихъ «я». Это возможно только при томъ условіи, если представленіе о собственномъ «я» развилось путемъ прямого соціального подражанія, и если то же представленіе затѣмъ подвергалось эектированію (а послѣднее, это — самоподражаніе). «Я» возникаетъ благодаря возсозданію, путемъ подражанія, нѣкотораго образца, находимаго въ другихъ, и благодаря обратному отнесенію къ другимъ этого обогащенного образца. Если заимствование мною чего нибудь отъ васъ есть подражаніе, — чѣмъ же разнится функція, когда я переносу на васъ что нибудь съ себя? Если это вѣрно съ психологической точки зрѣнія, тогда признаваніе другого «я» есть нѣликомъ подражательная функція. Во всякомъ случаѣ, это положеніе не затрогивается той критикой, которая направлена противъ теоріи «соціального подражанія».

2) Принужденіе и повиновеніе. Здѣсь усвоеніе урока, выполненіе предписанной задачи, повиновеніе приказанію зависятъ отъ принятія и исполненія человекомъ того, что ему говорятъ; а если человекъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему говорятъ, это — извѣстная форма самоподражанія, отъ которой только одинъ шагъ до прямого соціального подражанія. Какая разница су-

ществуетъ въ моей функціи, когда я дѣлаю то, что, какъ я вижу, дѣлаете вы, и когда я дѣлаю то, о чемъ вы мнѣ говорите, чтобы я это сдѣлалъ? Говорятъ, что мотивы дѣйствія въ обоихъ случаяхъ различны, и это вѣрно. Но для соціальной организаціи плодотворно или не плодотворно все дѣйствіе, взятое въ цѣломъ, а не только его мотивы. Безспорно, мотивы различны; но мотивъ самъ по себѣ не служитъ критеріемъ соціального значенія даннаго дѣйствія. Побитая собака повинуется вслѣдствіе страха, и точно такъ же можетъ повиноваться побитый человѣкъ; но дѣйствія человека, обусловленные страхомъ, измѣняютъ или упрочиваютъ его соціальное положеніе въ его собственныхъ представленіяхъ и въ представленіяхъ другихъ людей; съ собакою же этого не происходитъ (ср. § 317, 2). И потому я считаю, что соціальное принужденіе и приневоливаніе — поскольку оно носитъ соціальный, а не лишь «соціономическій» характеръ — является соціальнымъ благодаря тому, что оно принимается и усваивается; а въ такомъ случаѣ оно подчинено тому же закону, какъ и всякій соціальный матеріалъ: оно должно путемъ подражанія войти въ составъ того представленія о собственномъ «я», какое имѣется у соціально дѣйствующаго индивидуума¹⁾.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ тѣми явленіями, которыя выше указаны на третьемъ и четвертомъ мѣстѣ — съ навязываніемъ мыслей и соціальнымъ теченіемъ. Они получаютъ свой рѣзко выраженный соціальный характеръ только благодаря тому, что ихъ принимаетъ и усваиваетъ соціально дѣйствующій индивидуумъ. Цѣнные данныя, представленныя Дюркгеймомъ въ его книгѣ о самоубійствѣ, могутъ, мнѣ кажется, быть правильно поняты, только если предположить наличность постоянного психическаго подража-

¹⁾ Къ сходному выводу мы пришли въ главѣ о „санкціяхъ“ (гл. X); мы видѣли тамъ, что соціальныя санкціи, чтобы успѣшно дѣйствовать, должны быть восприняты и подтверждены индивидуумомъ въ качествѣ „личныхъ“ санкцій.

нія, благодаря котроому общество-левіаѳанъ находитъ эхо для своихъ воплей въ безчисленныхъ крикахъ, голосахъ индивидуумовъ, которые являются органами общества; таково положеніе вещей, несмотря на то, что Дюркгеймъ рѣшительно возстаетъ противъ выдвинутой Тардомъ теоріи подражанія. Только соціально дѣйствующее существо можно заставить быть общительнымъ, и только тотъ можетъ быть соціально дѣйствующимъ существомъ, кто уже вошелъ въ общество. Быть можетъ, вѣрно, что соціальныя условія неизбѣжно вызываютъ извѣстное число самоубійствъ въ годъ; но вѣрно также и то, что каждый человѣкъ самъ совершаетъ самоубійство,—иначе это было бы не самоубійствомъ, а убійствомъ. Могутъ сказать, что я ошибаюсь, находя, что обобществленіе совершается благодаря одному процессу развитія человѣческаго «я» при посредствѣ подражанія. Возможно, что это такъ. Но все же моей теоріи не затрагиваетъ критика, которая только указываетъ, что соціальное подражаніе отсутствуетъ въ томъ или иномъ случаѣ.

5) Въ составъ «общей воли», постулируемой иными, психическое подражаніе, по моему мнѣнію, входитъ. Чтобы участвовать въ общей волѣ—или въ общей душѣ, или въ чемъ бы то ни было общемъ, если «общее» означаетъ въ какомъ-либо смыслѣ «коллективное»,—личная воля человѣка, его «я», его душа, его сознаніе должны привлекать другихъ къ коллективному результату. Какая польза отъ общей воли, если ея не отражаютъ отдѣльные индивидуумы? Сущность ея именно въ томъ, что они ее отражаютъ. Но для этого требуется какое либо духовное содержаніе, не только общее для мышленія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, но и мыслящееся ими, какъ общее. Это именно я разумѣю подъ «публичностью»; и я считаю, что она возникаетъ въ общемъ подражательномъ положеніи. Воля не является коллективною просто тогда, когда нѣкоторое число индивидуумовъ согласно желаютъ чего-нибудь. Каждый

долженъ желать того или иного, какъ чего-то коллективнаго, относящагося ко всѣмъ индивидуумамъ, которые, какъ онъ находитъ, участвуютъ въ данномъ представляемомъ положеніи наравнѣ съ нимъ самимъ. Такое привлеченіе всѣхъ къ извѣстному общему положенію въ мысляхъ каждаго возможно, мнѣ кажется, только благодаря подражательному развитію представленія о собственномъ «я» (ср. §§ 323 и сл., 329). Быть можетъ, и это невѣрно; но утвержденіе, говорящее объ общей волѣ, не имѣетъ никакой силы, пока не показано, какимъ образомъ общая воля психологически возможна, и каковы факторы, обуславливающіе собою ея происхожденіе. Руссо и въ болѣе близкое къ намъ время Бозанкетъ не дѣлаютъ никакихъ усилій, чтобы показать это. Послѣдній критикуетъ теорію подражанія небрежно, не замѣчая, что подражательными функціями можно воспользоваться, чтобы вывести общую волю: критикуя меня, онъ наноситъ удары по той бляхѣ, которую настоящая теорія накладываетъ на уязвимое мѣсто въ его собственныхъ латахъ. Но въ главныхъ пунктахъ я присоединяюсь къ его критикѣ соціологической теоріи подражанія.

6) Теорія, считающая существеннымъ элементомъ признаваніе правъ и обязанностей, и 7) теорія, говорящая объ общественномъ договорѣ,—обѣ эти теоріи указываютъ на нѣчто въ основѣ вѣрное, но не доводятъ анализа до конца. Какимъ образомъ возможны права и обязанности?—какимъ образомъ возможно то или иное общественное состояніе?—какимъ образомъ чловѣкъ соглашается на условія того договора, который содержится въ соціальной организаціи? На эти вопросы я пытался отвѣтить, описывая тотъ процессъ, путемъ котораго индивидуумъ, превращаясь въ личность,—благодаря діалектикѣ своего личнаго развитія,—въ то же время становится также и соціальной личностью, занимающею извѣстное положеніе, обладающею извѣстными правами и обязанностями (см. въ особенности гл. I, II и VIII). Такимъ образомъ, и обществен-

ный договоръ — въ любомъ смыслѣ, въ какомъ онъ вообще существуетъ,—сводится къ признаванію индивидуумомъ всего того, что означаетъ данное социальное состояніе или положеніе. Изложенные въ настоящей книгѣ взгляды дополняютъ эти частныя теоріи. Генетическая теорія указываетъ происхожденіе развитой социальной жизни со всѣми ея сторонами; и если правиленъ тотъ путь, которымъ я иду, тогда психическое подражаніе является во всемъ этомъ наиболѣе важнымъ душевнымъ процессомъ.

3356. Итакъ, нашъ выводъ, сдѣлавшійся теперь болѣе яснымъ благодаря этому обзору критическихъ замѣчаній, состоитъ въ томъ, что подражаніе является методомъ или процессомъ социальной организаціи въ двоякомъ смыслѣ: 1) Мысли, изобрѣтенія всякаго рода фактически распространяются путемъ подражанія, будучи перенимаемы однимъ человѣкомъ у другого; но это—только одинъ шагъ на пути ихъ превращенія въ социальный матеріалъ. Самъ по себѣ этотъ фактъ социального подражанія еще не придаетъ всему этому социального значенія. Если бы это было такъ, то мой попугай, подражающій мнѣ, оказывался бы въ извѣстномъ социальномъ положеніи по отношенію ко мнѣ. Необходимъ еще другой факторъ, именно—подражательное усвоеніе и развитіе, благодаря которому то, что копируется, организуется и въ мысляхъ самого копирующаго и затѣмъ, подражательнымъ путемъ, экипируется въ другихъ, становясь частью извѣстнаго положенія, организація котораго содержитъ «публичность» и «права и обязанности». Только этотъ взглядъ, взятый въ цѣломъ, а не лишь одну первую его часть я и намѣренъ защищать.

Глава XIV.

Соціальний прогрессъ.

Мы уже показали, что въ прогрессѣ мыслей, имѣющихъ соціальное значеніе, участвуютъ двѣ противоположныхъ функціи: совершаемое индивидуумомъ «превращеніе общаго въ частное» и совершаемое обществомъ «превращеніе частнаго въ общее». Обѣ эти функціи совершаются совмѣстно, и благодаря имъ возникаютъ тѣ условія, которыя представляетъ соціальная жизнь во всей ея сложности. Мысль индивидуума мы назвали соціальной силою, превращающею общее въ частное; индивидуумъ изобрѣтаетъ, строитъ, объясняетъ, основываясь на томъ, что уже стало общепринятымъ въ обществѣ, и что ему передано путемъ «соціальной наслѣдственности». А въ организованномъ уже обществѣ заключена соціальная сила, превращающая частное въ общее; общество видоизмѣняетъ или обобщаетъ изобрѣтенія индивидуума, включая ихъ въ описанное уже публичное «положеніе представленія о собственномъ я». Теперь возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ и въ какомъ направленіи опредѣляется соціальный прогрессъ взаимодействіемъ этихъ двухъ типовъ соціальной силы?

§ 1. Детерминированіе соціального прогресса.

336. Слово «детерминированіе» употребляется здѣсь по аналогіи съ тѣмъ, какъ оно употребляется въ новѣйшихъ біологическихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ постоянно говорится объ «детерминированныхъ видоизмѣненіяхъ», «детерминированной эволюціи» и т. д. Аналогія съ біоло-

гическимъ понятіемъ «детерминированія» въ отношеніи процесса развитія очень близка; въ самомъ дѣлѣ, учитывая должнымъ образомъ различіе областей, гдѣ совершается развитіе, мы можемъ сказать, что вопросъ—одинъ и тотъ же для обоихъ случаевъ. Кратко выраженный, онъ гласитъ: проявляются ли въ томъ, что развивается, извѣстныя направленія развитія, которыя остаются постоянными въ различныхъ чертахъ, функціяхъ или качествахъ? Существуетъ ли постоянство направленія на протяженіи всего процесса, при переходѣ отъ одной стадіи къ другой? А затѣмъ, разъ такая опредѣленность открыта, возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: чѣмъ опредѣляется движеніе въ томъ или иномъ направленіи?

337. Какъ только мы присмотримся ближе къ тѣмъ выводамъ, которые вытекаютъ изъ уже принятыхъ нами положеній, мы вынуждены, мнѣ кажется, принять и очень опредѣленный взглядъ на опредѣленіе соціальнаго прогресса. Съ разсматриваемымъ сейчасъ вопросомъ стоятъ въ непосредственной связи три положенія: 1) Индивидуумы могутъ «превращать общее въ частное», только основываясь на томъ, что ранѣе было обществомъ превращено «изъ частнаго въ общее». Этимъ опредѣляется первоначальное направленіе тѣхъ видоизмѣненій мысли, которыя могутъ получить соціальное значеніе¹⁾. 2) Въ отношеніи новыхъ приобретений общество абсолютно зависитъ отъ новыхъ мыслей отдѣльных индивидуумовъ, отъ того, что они «превращаютъ изъ общаго въ частное»; эти мысли оно затѣмъ снова «превращаетъ изъ частнаго въ общее». Оно не можетъ получать матеріала ни изъ какого иного источника. 3) Только когда выполнены оба эти условія, — т.-е. когда старый соціальный матеріалъ превращенъ какимъ-нибудь индивидуумомъ «изъ общаго въ частное», а затѣмъ обществомъ превращенъ «изъ частнаго въ общее»,—только тогда можетъ нормаль-

¹⁾ Ср. гл. III, § 3 объ „отбирающемъ мышленіи“, гдѣ обосновывается это положеніе.

нымъ образомъ совершиться приращеніе соціального содержанія и прогрессъ всей организаціи, взятой въ цѣломъ. Разсматривая совмѣстно эти необходимыя условія и пытаюсь открыть, какого рода общее движеніе должно при этомъ получиться, мы приходимъ къ тому, что можно назвать «діалектикой соціального развитія», и это выраженіе должно по аналогіи напоминать описанную уже нами «діалектику личнаго развитія».

§ 2. Діалектика соціального развитія.

338. Въ «діалектикѣ личнаго развитія» мы видѣли развитіе самосознанія, совершающееся благодаря двоякому соотношенію взаимнаго обмѣна между индивидуумомъ и его соціальными товарищами. Личный матеріаль, получаемый въ формѣ внушеній отъ окружающей среды, носитъ вначалѣ, согласно нашей терминологіи, «проективный» характеръ; затѣмъ онъ посредствомъ подражанія вносится въ личный кругъ внутренней жизни и, такимъ образомъ, становится «субъективнымъ», т.-е. относящимся къ собственному «я»; далѣе, путемъ обратнаго движенія между тѣми же двумя членами,—движенія, также носящаго подражательный характеръ,—черты субъекта переносятся на другихъ людей и, такимъ образомъ, становятся «эективными».

Различныя стадіи, которыя проходитъ сознаніе, становясь соціальнымъ, нравственнымъ и т. д. благодаря одному этому процессу соціального взаимнаго обмѣна, были уже нами подробно разсмотрѣны; но интересно замѣтить, что этотъ процессъ развитія индивидуальнаго сознанія можно представить въ такой формѣ, которая дастъ очень точную аналогію съ тремя условіями, только что установленными¹⁾ въ качествѣ характерныхъ для развитія общества. Мы можемъ сказать, 1) что индивидуумъ въ своемъ собственномъ личномъ развитіи приходитъ къ новымъ изо-

¹⁾ § 337.

брѣтеніямъ, новымъ объясненіямъ, новымъ случаямъ превращенія «общаго въ частное» только на основѣ того, что онъ уже понимаетъ относительно личности, т.-е. того, что онъ усвоилъ. Каждый шагъ его прогресса въ пониманіи личности есть «превращеніе общаго въ частное», совершаемое въ его собственныхъ мысляхъ надъ старымъ матеріаломъ,—есть личное истолкованіе, субъективное по своему характеру. И 2) только тѣ случаи «превращенія общаго въ частное», тѣ объясненія, изобрѣтенія, представленія о личности имѣютъ постоянное значеніе для его развитія, которыя онъ затѣмъ снова экируетъ, убѣждаясь при этомъ, что они вообще имѣютъ силу и для другихъ; эти вещи обобщаются въ качествѣ привычекъ и играютъ положительную роль въ его развитіи. Послѣднее также носить подражательный характеръ, такъ какъ только тѣ элементы его субъективныхъ представленій, которые допускаютъ подражаніе, оказываются вѣрными и пригодными въ примѣненіи къ другимъ людямъ. 3) «Положеніе представленія о собственномъ «я» у индивидуума развивается только тогда, когда обѣ указанныя стороны совмѣстно осуществлены. Такимъ образомъ, здѣсь личное развитіе совершенно точно представлено въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и выраженія, въ которыхъ представлень результатъ нашего изслѣдованія соціальной организаціи.

Я не намѣренъ пускаться въ метафизическія или даже логическія умозаключенія на основаніи этой аналогіи, какъ ни кажется она поразительной, особенно съ точки зрѣнія требованій идеалистической философіи. Но мы можемъ воспользоваться ею, по крайней мѣрѣ, какъ аналогіей, и посмотрѣть, къ чему она еще приводитъ въ вопросѣ объ опредѣленіи соціальнаго прогресса.

339. Проводя эту аналогію въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, мы видимъ, что общество, въ качествѣ какъ бы личности, стоитъ въ двоякомъ отношеніи взаимнаго

обмѣна къ индивидуумамъ, составляющимъ данную социальную группу. Оно связано съ этими индивидуумами двоякимъ образомъ: во-первыхъ, оно само сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ является въ дѣйствительности, благодаря поглощенію мыслей, чувствованій, случаевъ борьбы, сотрудничества и т. д., принадлежавшихъ индивидуумамъ; и, во-вторыхъ, свои новые элементы для личнаго (теперь социального) развитія оно находитъ въ новыхъ достиженіяхъ индивидуумовъ. Если мы возьмемъ что бы то ни было, что усваивается обществомъ, — какую-нибудь мысль, которую оно принимаетъ и дѣлаетъ частью своего организованнаго содержанія, — мы можемъ прослѣдить, какъ данная мысль или данный элементъ проходитъ черезъ оба момента «діалектики социального развитія», — подобно тому какъ мы можемъ прослѣдить тотъ же процессъ, совершающійся съ элементами личнаго внушенія въ аналогичной діалектикѣ развитія индивидуума. Новая мысль является «проективной» для общества, покуда она существуетъ только въ умѣ индивидуума; она становится «субъективной» для общества, когда общество обобщило ее и воплотило въ какомъ-либо изъ учреждений, которыя составляютъ часть его внутренней организаціи; и, наконецъ, общество дѣлаетъ данную мысль «эективной», требуя, при посредствѣ всѣхъ своихъ педагогическихъ, гражданскихъ и иныхъ санкцій, чтобы каждый индивидуумъ, каждый классъ, каждая группа, желающіе участвовать въ его общей жизни, признавали эту мысль и жили сообразно съ нею.

Иначе говоря, общество превращаетъ «общее въ частное», избобрѣтаетъ, объясняетъ при посредствѣ индивидуальнаго челоѣка, подобно тому, какъ индивидуумъ дѣлаетъ это же при посредствѣ другого индивидуума, отъ котораго онъ получаетъ внушенія; а затѣмъ общество производитъ свои обобщенія, используя полученные такимъ образомъ результаты для себя въ формѣ учреждений и т. д., подобно тому какъ индивидуумъ выдвигаетъ мысли, къ которымъ онъ

пришелъ, для соціального ихъ подтвержденія и проведенія въ жизнь. И потому развитіе общества есть развитіе нѣкотораго рода самосознанія ¹⁾—сознанаія собственнаго «я»,—выражающееся въ общихъ формахъ мышленія, дѣйствованія и т. д., которыя воплощены въ общественныхъ учрежденіяхъ; и у индивидуума самосознаніе развивается такимъ путемъ, который съ помощью нѣкотораго рода краткаго повторенія показываетъ этотъ двоякій процессъ, совершающійся въ обществѣ. Такимъ образомъ, методъ развитія—то, что было названо «діалектикой»—въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же.

§ 3. Направленіе соціального прогресса.

340. Изъ этихъ указаній—которыя надо постоянно провѣрять, обращаясь къ фактамъ,—мы видимъ, въ какомъ направленіи долженъ совершаться соціальный прогрессъ. Индивидуумъ движется прямо по направле-

¹⁾ Считаемъ ли мы, что существуетъ „реальное“ общее или соціальное „я“, это, мнѣ кажется, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ нашихъ метафизическихъ предпосылокъ. Если подъ подъ „реальнымъ я“ мы разумѣемъ нѣчто лежащее позади процессовъ развитія и не выражающееся въ содержаніи представленій, тогда нѣтъ основаній утверждать, что существуетъ „реальное“ соціальное „я“. Если же, говоря о нѣкоторомъ „я“, мы имѣемъ въ виду только извѣстное содержаніе представленій съ его организаціей и его развитіемъ, тогда можно допускать, что у общества есть „реальное я“, подобно тому, какъ оно есть у индивидуума. Если бы какой-нибудь метафизикъ нащелъ умѣстнымъ сказать, въ виду аналогичности „діалектики“, что надъ обществомъ должно парить сознаніе нѣкотораго „я“, объединяющее въ себѣ всѣ индивидуальныя „я“ членовъ общества,—я полагаю, что контрастъ между идеальнымъ „я“ и привычнымъ „я“ у индивидуума представлялъ бы болѣе или менѣе пріемлемую аналогію. Новиковъ (въ своей книгѣ *Conscience et Volonté sociales*) считаетъ, что коллективное сознаніе и коллективная воля осуществляются въ соціально „избранныхъ“, какими являются образованные и (въ качествѣ класса) обезпеченные индивидуумы; въ нихъ соціальный опытъ организованъ, подобно тому, какъ фізіологическіе процессы имѣютъ свой органическій центръ въ головномъ мозгу.

нїю къ нравственной цѣли. Правда, его интеллектуальныя санкціи побуждаютъ его пользоваться собственными силами и силами общества въ личныхъ и эгоистическихъ интересахъ; но эта тенденція можетъ зайти далеко, потому что въ крайней своей формѣ она вступала бы въ противорѣчіе съ различными видами сотрудничества, на основѣ которыхъ должна совершаться діалектика его личнаго развитія. Самое развитіе разсудка у индивидуума представляетъ собою извѣстный процессъ обобщенія, и благодаря этому обобщенію болѣе сильная задержка налагается на обобщаемые элементы. Развитіе разсудка должно само приводить къ тѣмъ идеальнымъ душевнымъ состояніямъ, которыя называются социальными и нравственными, и которыя опредѣляютъ собою направленіе развитія въ его цѣломъ. Нравственная санкція становится на мѣсто санкцій желанія и влеченія и ограничиваетъ область дѣйствія послѣднихъ; и такимъ образомъ индивидуумъ въ своей личной жизни получаетъ склонность къ социальному сотрудничеству и нравственному поведенію.

Такъ обстоитъ дѣло и съ социальнымъ прогрессомъ. Пользованіе разсудкомъ для извлеченія личной выгоды изъ социальныхъ факторовъ соотвѣтствуетъ опредѣленному уровню социальной жизни, какой отражается въ различныхъ учрежденіяхъ общества; а въ нѣкоторыхъ важныхъ областяхъ человѣческаго общенія—особенно въ коммерческой области—сравнительно эгоистическія цѣли, обнаруживающіяся, напримѣръ, въ личномъ соперничествѣ умовъ, представляются наивысшими, до какихъ общество въ данное время дошло. Но здѣсь происходитъ то же, что и съ индивидуальнымъ развитіемъ. Какъ только использованіе индивидуумомъ своего разсудка въ личныхъ цѣляхъ приводитъ его въ столкновеніе съ какимъ-либо изъ двухъ необходимыхъ движеній, посредствомъ которыхъ общество постепенно развивается,—или съ учрежденіями, представляющими эти движенія,—индивидуумъ тотчасъ же долженъ подвергнуться ограниченію. И такое ограниченіе для обще-

ства не болѣе является чѣмъ-то искусственнымъ, чѣмъ-то внѣшнимъ, нежели для индивидуума.

Въ социальномъ или общественномъ развитіи обнаруживается та же нравственная тенденція въ силу того, что—помимо всякой аналогіи—фактическія условія у общества тѣ же, какъ и у индивидуума. Общество, какъ мы видѣли, есть обобщающая сила. Мысли, которыя возникаютъ въ его средѣ и требуютъ признанія, оно переводитъ въ такія формы, въ какихъ онѣ всѣми принимаются и оказываютъ извѣстное дѣйствіе. Поэтому и учрежденіе, воплощающее въ себѣ новую мысль и дѣлающее ее обязательно для индивидуумовъ, само является дѣломъ лучшихъ индивидуумовъ и представляетъ собою задержку эгоистическихъ и личныхъ санкцій въ интересахъ социальнаго и нравственнаго сотрудничества.

Далѣе, всѣ педагогическія санкціи общества, въ семьѣ, въ школѣ и т. д., непосредственно и положительно способствуютъ созданію такихъ социальныхъ формъ привычки, которыя укрѣпляютъ и поддерживаютъ развитіе терпимости, сдержанности и всѣхъ иныхъ добродѣтелей, имѣющихъ социальную цѣнность.

341. Существуетъ, однако, другая и болѣе глубокая причина, почему направленіе социальнаго прогресса должно опредѣляться нравственными и религіозными санкціями и должно вести къ такой цѣли, которую представляетъ состояніе нравственнаго сотрудничества. Причина эта заключается въ томъ, что было выше названо «публичнымъ» характеромъ всякаго идеальнаго представленія о личности. Мы видѣли, что индивидуумъ не можетъ быть дурнымъ или хорошимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ,—т.-е. не можетъ имѣть полного нравственнаго сужденія о своихъ собственныхъ поступкахъ,—если онъ не думаетъ, что его мысль, въ то же время, содержитъ въ себѣ и сходное сужденіе другихъ людей. Его личное сужденіе о своемъ «я», это—сужденіе, основанное на пониманіи преобладающаго публичнаго сужденія. Мысль объ общественномъ мнѣніи является

элементомъ того синтеза, посредствомъ котораго слагается нравственное сужденіе. И потому, поскольку развитіе личности индивидуума требуетъ наличности нѣкотораго общаго или идеальнаго представленія о «я»,— это «я» носить публичный характеръ, и самое представленіе о немъ приносить съ собою нѣкоторую публичную санкцію. Человѣкъ какъ бы говорить себѣ: «я думаю такъ о самомъ себѣ; другіе люди думаютъ такъ обо мнѣ; я думаю такъ о нихъ, когда они находятся на моемъ мѣстѣ; и все это потому, что мѣриломъ сужденій каждаго изъ насъ служить идеальное «я», которое въ каждомъ изъ насъ лишь частично осуществлено. Я частично осуществляю его по-своему, а каждый изъ остальныхъ дѣлаетъ то же на свой образецъ; и только благодаря такимъ частичнымъ осуществленіямъ въ конкретныхъ случаяхъ этотъ идеаль пріобрѣтаетъ свою реальность».

Процессъ социальнаго развитія, какъ мы видѣли, совершается этимъ же путемъ. Съ объективной точки зрѣнія и въ дѣйствительности это сказывается въ публичномъ характерѣ, который фактически присущъ социальнымъ учрежденіямъ и интересамъ. Но мы придемъ къ тому же выводу, если встанемъ на такую точку зрѣнія, которую можно было бы назвать субъективной точкой зрѣнія самого общества. Если бы мы настолько продолжили аналогію съ развитіемъ индивидуума, чтобы говорить объ обществѣ, какъ о нѣкоторой личности, и задались вопросомъ о томъ, какого рода мысли должны были бы имѣться у этой мнимой личности, чтобы развитіе ея совершалось путемъ той личной діалектики, которую мы видимъ у индивидуума,—намъ пришлось бы сказать, что общество должно было бы мыслить такимъ способомъ, который связанъ съ публичностью, присущею идеальной и нравственной личности. Оно должно было бы спрашивать, какія учрежденія хороши для гражданъ, какъ таковыхъ, а не о томъ, что хорошо для того или иного отдѣльнаго индивидуума. Личность ему постоянно представлялась бы въ

формѣ той общей личности, которая осуществляется въ индивидуумахъ на данной стадіи, но не тождественна ни съ однимъ изъ нихъ. вмѣстѣ съ этимъ представленіемъ объ общей личности существовало бы и представление, что данное представление является продуктомъ всѣхъ частныхъ представлений о личности, какія имѣются у индивидуумовъ, всѣхъ сужденій ихъ другъ о другѣ; иначе у мнимой соціальной личности не было бы никакого содержанія, изъ котораго она могла бы составить свое общее представленіе о «я».

Все это представляетъ собою просто реализацію въ обществѣ, въ общественномъ мнѣніи, тѣхъ нравственныхъ мѣрилъ сужденія, которыми долженъ обладать индивидуумъ, чтобы въ своемъ развитіи пойти дальше стадіи конкретнаго эгоистическаго или альтруистическаго разсудка или импульсивныхъ дѣйствій. Что индивидуумъ идетъ дальше,—это фактъ; и именно этотъ фактъ мы называемъ нравственнымъ развитіемъ. Индивидуумъ дошелъ до такой формы общихъ представлений о самомъ себѣ и о другихъ, съ которою связаны соціальныя и нравственныя чувствованія. Это позволяетъ ему строить общество такимъ способомъ, который былъ бы невозможенъ, если бы индивидуумъ достигъ только низшей стадіи развитія, присущей, скажемъ, животнымъ, съ тѣми санкціями для дѣйствій, которыя соотвѣтствуютъ этой низшей стадіи развитія.

342. Такимъ образомъ, обращаясь къ вопросу о направленіи соціальнаго прогресса, мы находимъ, что это не можетъ быть такое направленіе, которымъ нарушался бы методъ и отрицался бы смыслъ именно тѣхъ душевныхъ состояній,—идеальныхъ, соціальныхъ и нравственныхъ состояній,—благодаря которымъ индивидуумъ получилъ способность установить свои соціальныя соотношенія. Нравственная санкція у индивидуума начинаетъ контролировать другія санкціи, такъ какъ она обобщаетъ и превосходитъ ихъ. Общество представляетъ собою воплощеніе этихъ обобщеній. Его учрежденія и соотвѣтствуютъ, и способствуютъ разви-

тію індивидуума. И потому его движеніе впередъ должно совпадать съ тѣмъ направленіемъ, въ какомъ совершается и высшее развитіе індивидуума. Это— движеніе въ направленіи къ полному регулированію и использованію силъ індивидуума въ интересахъ соціального и нравственного единства и сотрудничества¹⁾.

Итакъ, по поводу опредѣленія соціального прогресса можно высказать два слѣдующихъ положенія: во-первыхъ, соціальный прогрессъ опредѣляется уже отмѣченнымъ соціальнымъ обобщеніемъ, которое воздѣйствуетъ на мысли індивидуумовъ; и, во-вторыхъ, эта форма опредѣленія по своему направленію неизбѣжно соотвѣтствуетъ осуществленію нравственныхъ нормъ и правилъ поведенія.

343. Если мы станемъ разсматривать душевныя движенія человѣка, который—какъ въ приведенномъ выше²⁾ примѣрѣ—позволяетъ построить ограду на своемъ полѣ, этотъ примѣръ также указываетъ на тотъ фактъ, что соціальный прогрессъ представляетъ собою, по существу, нравственное движеніе. Какъ только нашъ предполагаемый человѣкъ всталъ на общую точку зрѣнія, у него тотчасъ же отступили на задній планъ личныя санкціи, сужденіе получило публичный характеръ, и появилась взаимность правъ и обязанностей между нимъ и другими людьми, при чемъ имѣлось въ виду нѣкоторое идеальное представленіе о личности; а все это характерно для нравственного чувствованія. Устранить доступность человѣка для нравственныхъ соображеній—это значитъ отнять у него способность дѣйствовать въ качествѣ хорошаго гражданина въ отвѣтственномъ дѣлѣ, о которомъ шла рѣчь въ нашемъ примѣрѣ.

Могутъ сказать, что страховыя общества становятся

¹⁾ Таковъ социалистическій идеалъ; но онъ можетъ быть достигнуть только благодаря появленію індивидуумовъ, которые выдвинули бы такого рода идеалъ первоначально въ его личной формѣ.

²⁾ § 326.

на такую же точку зрѣнія для извлеченія барышей. Это вѣрно. Но это значитъ только, что соціальными силами и положеніями можно пользоваться разсудительно и для иныхъ, не непосредственно нравственныхъ цѣлей,— что и мы вполнѣ признавали на предшествующихъ страницахъ. Вопросъ о несоотвѣтствіи между нравственной цѣнностью какихъ-либо дѣйствій и ихъ интеллектуальной цѣнностью поднимается только тогда, когда возникаетъ конфликтъ между санкціями, на которыя опираются эти дѣйствія. Напримѣръ, если бы можно было показать, что страховыя компаніи наносятъ ущербъ нравственнымъ или даже финансовымъ интересамъ общества или его членовъ, извлекая такимъ образомъ барыши, тогда вопросъ объ устраненіи этихъ компаній естественно тотчасъ же возникъ бы среди насъ. Или, если бы какой-нибудь человѣкъ сталъ устраивать ограды въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ эта обязанность еще не возложена на соотвѣтствующія учрежденія, и взималъ съ пѣшеходовъ такую плату, которая давала бы ему доходъ, тогда дѣйствія даннаго человѣка получали бы интеллектуальную санкцію, какъ удачный способъ добыванія денегъ; а если бы онъ, дѣйствительно, стоялъ на соціальной точкѣ зрѣнія и первоначально заботился объ охранѣ человѣческой жизни, его дѣйствія получали бы также нравственную и соціальную санкцію.

Словомъ, санкція общества всегда носитъ для индивидуума нравственный характеръ, покуда она остается соціальною; но индивидуумы могутъ становиться на точку зрѣнія общества и подъ вліяніемъ личныхъ побужденій.

§ 4. Выводы относительно біологической аналогіи.

344. Итакъ, въ общемъ, мы приходимъ къ такой теоріи соціальнаго детерминированія ¹⁾, въ которой послѣднее сохраняетъ лишь слабую аналогію съ детерми-

¹⁾ Т.-е. въ предѣлахъ какой-либо соціальной группы.

нированіємъ, о какомъ рѣчь идетъ въ біологіи. Біологическія видоизмѣненія детерминируются въ томъ смыслѣ, что ихъ среднее колеблется въ каждомъ поколѣніи въ ту или иную сторону благодаря тому обстоятельству, что въ предшествующемъ поколѣніи сохранили жизнь индивидуумы опредѣленныхъ типовъ — именно, такіе, которые могли цѣлесообразно приноровиться къ условіямъ окружающей среды ¹⁾. Этимъ детерминируется біологическая эволюція. Въ соціальной жизни мы не видимъ фактически никакого детерминирования въ соціальномъ направленіи, которое распространялось бы на индивидуумовъ, рассматриваемыхъ въ качествѣ видоизмѣненій; мы видимъ только «устраненіе неприспособленныхъ» послѣ того, какъ они уже родились. Но въ первобытныхъ соціальныхъ условіяхъ долженъ былъ положительнымъ образомъ измѣняться средній уровень соціальныхъ видоизмѣненій, подобно тому какъ это происходитъ въ біологической сферѣ.

Однако, хотя въ этой мѣрѣ существуетъ аналогія между обоими видами детерминирования, но существуетъ и разница, вытекающая изъ различныхъ формъ наслѣдственности, которыя дѣйствуютъ въ обѣихъ областяхъ. Въ соціальной организаціи плодотворнымъ видоизмѣненіемъ является не самъ индивидуумъ, а его мысли. Благодаря этому вопросъ переносится въ область соціальной наслѣдственности. Физическая наслѣдственность прогрессируетъ или регрессируетъ по отношенію къ нѣкоторому среднему уровню, представленному всѣми индивидуумами; въ сферѣ же соціальной наслѣдственности обобщеніе, производимое обществомъ, касается каждой новой мысли, изобрѣтенія или чувствованія, взятыхъ въ отдѣльности; и какое-нибудь одно подобнаго рода видоизмѣненіе можетъ революціонизировать

¹⁾ Такъ совершается „органическій отборъ“; см. Baldwin, *Development and Evolution*, гл. VIII—X. Детерминируются ли на самомъ дѣлѣ видоизмѣненія, какъ таковыя, въ опредѣленныхъ направленіяхъ, это—спорный вопросъ; имѣющіяся доказательства говорятъ противъ такого предположенія.

общество и придать новое направление всему социальному движению.

345. Итакъ, въ общемъ, изъ нашего изслѣдованія вытекаетъ, что прогрессъ общества по своему методу, по своему направленію и по своимъ побудительнымъ мотивамъ аналогиченъ скорѣе развитію сознанія, нежели развитію біологическаго организма. Общераспространенное выраженіе «соціальный организмъ»—выраженіе ошибочное. Если, говоря «организмъ», мы имѣемъ въ виду «организацию»,—оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, какого рода эта организациа,—это можно допустить. Но говорить о социальномъ «организмѣ» такъ, какъ біологъ говоритъ о тѣхъ организмахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло,—это наводитъ на совершенно ложный путь. Организациа, осуществляемая въ социальной жизни, является во всѣхъ своихъ формахъ психологическою организациею. Ея матеріаль—матеріаль психологическій: представленія со всѣми вытекающими изъ нихъ желаніями, влеченіями, санкціями, чувствованіями. Все это не допускаетъ никакой иной организации кромѣ той, аналогіей къ которой служить фактическое развитіе живыхъ душъ. Говорить вмѣстѣ со Спенсеромъ о социальныхъ атомахъ и органахъ, объ органическихъ процессахъ и центрахъ, о нервахъ перваго и втораго порядка и т. д., по аналогіи съ фізіологическимъ организмомъ, это значитъ буквально насиловать природу матеріала социальной науки. Что можно сдѣлать при столь грубой аналогіи съ такими важнѣйшими для социальной теоріи явленіями, какъ подражаніе, обобщеніе, изобрѣтеніе, традиціа, социальная и педагогическая санкціа? Насильственно втискивать эти вещи въ біологическія формы значитъ просто уродовать ихъ¹⁾.

И гдѣ въ аналогіи съ организмомъ могли бы мы по-

¹⁾ См. превосходныя замѣчанія въ указанной статьѣ Симіана стр. 497—498.

мѣститъ вліяніе нравственныхъ и религіозныхъ чувствованій, которыя на высшихъ ступеняхъ становятся опредѣляющими факторами соціального прогресса?

Наоборотъ, имѣются два важныхъ основанія для того, чтобы сказать, что организація, осуществляемая въ соціальномъ прогрессѣ, это—организація психологическая. Во-первыхъ, всякая организація является функціей организуемаго матеріала. Біологи раньше всѣхъ согласятся съ этимъ теперь, когда они отказались отъ теоріи витализма, признававшей особую жизненную силу, которая будто бы приходитъ извнѣ и даетъ жизненнымъ процессамъ то или иное направленіе. А психологи, принадлежащіе къ одной школѣ, выдвигаютъ въ качествѣ одного изъ важныхъ современныхъ обобщеній ту мысль, что душевная дѣятельность представляетъ собою именно движеніе психическихъ элементовъ въ сторону организаціи, а не какую-то внѣшнюю силу, воздѣйствующую на эти элементы. Проводить въ разсужденіяхъ о соціальной организаціи аналогію съ развитіемъ физическаго организма значитъ приносить къ психологическимъ матеріаламъ нѣкоторую движущую силу, помимо того движенія, которое они обнаруживаютъ въ своей собственной сферѣ и въ своихъ естественныхъ формахъ развитія.

Во-вторыхъ, въ фактическомъ развитіи соціальной организаціи проявляются такіе принципы и методы, которые имѣютъ смыслъ для насъ только потому, что у насъ есть душа. Сюда принадлежатъ внушеніе, подражаніе, чувствоваіе и т. д., о которыхъ мы только что упоминали. Смыслъ этихъ вещей мы узнаемъ только по мѣрѣ своего личнаго развитія. Именно на основаніи указанныхъ принциповъ складывается у насъ пониманіе характера—какъ нашего собственнаго, такъ и того, какимъ, по нашему мнѣнію, обладаетъ нашъ ближній. Такимъ образомъ, когда мы видимъ образованіе соціальной организаціи, мы говоримъ: «Это—явленіе подражанія, здѣсь дѣйствуетъ внушеніе, тамъ изобрѣтеніе или какое либо чувствоваіе». Результатъ всего нашего

изслѣдованія привелъ насъ къ тому взгляду, что социальный процессъ, въ сущности, по своему методу представляетъ собою воспроизведеніе развитія индивидуума; а индивидуумъ развивается въ социальномъ кругу только потому, что находится съ послѣднимъ въ такомъ близкомъ родствѣ, что способенъ воспроизводить его въ самомъ себѣ.

345а. Однако, социальное соперничество въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ—изъ которыхъ, пожалуй, наиболѣе важною является соперничество внутри группъ—представляетъ намъ и соціономическія силы, которыя направляютъ движеніе и опредѣляютъ социальный типъ по законамъ отбора и переживанія (ср. Введеніе, § 2, а также § 313а).

ЧАСТЬ VII.

Практическіе выводы.

Глава XV.

Правила поведенія.

Практическіе вопросы, возникающіе по поводу отношеній между индивидуумомъ и окружающей его соціальной средою, имѣютъ величайшее значеніе. Мы должны ожидать, что разсужденія, при помощи которыхъ мы пытаемся пролить свѣтъ на соціальную организацію путемъ изслѣдованія одаренности и развитія индивидуума,—что эти разсужденія освѣтятъ также и практическіе вопросы; ибо всѣ дѣйствія индивидуума санкціонируются либо условіями его личнаго развитія и одаренности, либо соціальными нормами, которымъ онъ подчиняется. И потому, употребляя выраженіе «правила поведенія» для обозначенія всѣхъ практическихъ формъ, какого бы рода онѣ ни были, мы можемъ сдѣлать относительно ихъ нѣкоторые выводы на основаніи уже установленныхъ принциповъ.

346. Прежде всего, изъ нашихъ разсужденій, повидимому, вытекаетъ извѣстная общая истина, — именно, что всѣ правила дѣйствованія, которыми надо руководиться въ жизни, должны допускать соціальное примѣненіе, хотя бы при своемъ возникновеніи они провозглашались и отстаивались индивидуумами. Это какъ будто вытекаетъ изъ того факта, что общество является обобщающимъ фак-

торомъ. Правило, разсматриваемое въ качествѣ правила, имѣетъ общее примѣненіе. Его общій характеръ можно разсматривать по отношенію къ поведенію отдѣльнаго индивидуума въ томъ смыслѣ, что послѣдній руководствуется только своими санкціями. Или же общій характеръ правила можно видѣть въ томъ, что оно обязательно въ равной мѣрѣ для всѣхъ индивидуумовъ, т.-е. что оно пользуется соціальною санкціей. Или же, наконецъ, какое-нибудь правило поведенія можетъ обладать уже разсмотрѣннымъ нами качествомъ «публичности», благодаря которому оно сразу получаетъ всеобщую санкцію; типическими образчиками этого рода служатъ идеальныя правила нравственности и религіи. Полезно будетъ разобрать эти три случая и въ каждомъ изъ нихъ выяснить отношеніе къ тому виду обобщенія, который является, повидимому, источникомъ всѣхъ правилъ поведенія, признаваемыхъ за соціальныя. Иначе говоря, мы можемъ болѣе или менѣе подробно показать, что выставленное нами выше положеніе—положеніе, согласно которому всѣ правила, какъ таковыя, способны получить соціальный характеръ,—приложимо къ каждому изъ указанныхъ трехъ случаевъ.

§ 1. Правила въ сферѣ влеченій.

347. Разсматривая тѣ правила дѣйствованія и поведенія, въ которыхъ содержатся личныя санкціи индивидуума, мы находимъ здѣсь уже выясненные въ подробностяхъ виды дѣйствій,—именно, дѣйствія импульсивныя, разсудительныя и разумныя или нравственныя. По поводу импульсивныхъ дѣйствій можно ограничиться немногими словами. Эти дѣйствія не могутъ регулироваться никакимъ «я», потому, что ихъ санкціей является необходимость. Необходимость не знаетъ ни законовъ, ни правилъ, такъ какъ сама она представляетъ ненарушимый законъ, только подъ другимъ названіемъ. Поэтому не можетъ быть рѣчи о законѣ дѣйствованія для индивидуума, который поступаетъ исключительно подъ

вліянієм влеченій. Его правило — капризь, но капризь не есть правило. Слѣдовательно, единственная регулирующая или законодательная задержка, которой могут подвергаться этого рода дѣйствія, создается либо высшими санкціями дѣйствующаго лица, санкціями разсудка или совѣсти, либо санкціями соціального характера, которыя получаютъ силу для дѣйствующаго лица помимо его воли. Такимъ образомъ, мы переходимъ въ болѣе высокія области дѣйствованія.

348. То же самое можно сказать и относительно возможныхъ правилъ поведенія для общества, находящагося въ стадіи импульсивности или внушаемости. Толпа проявляетъ соціальныя влеченія, но не знаетъ никакихъ правилъ дѣйствованія, кромѣ внушенія; а внушеніе не знаетъ законовъ. И санкція его не есть правило, она — лишь необходимость, которая приводитъ толпу къ краю нравственной или юридической пропасти.

Единственный возможный законъ или единственная санкція, которая можетъ повліять на толпу, это—принужденіе, подкрѣпленное штыками или ружьями. Поэтому намъ незачѣмъ долѣе останавливаться на этого рода дѣйствіяхъ, разъ мы ищемъ правилъ.

Это, мнѣ кажется, мы можемъ сказать съ увѣренностью, несмотря на попытки нѣкоторыхъ новѣйшихъ авторовъ вывести изъ дѣйствій массъ какую-то «соціальную этику» — наборъ формулъ или правилъ, которыя будто бы выражаютъ законы коллективныхъ человѣческихъ дѣйствій. Мы видѣли выше, что единственные принципы въ дѣйствіяхъ толпы и въ коллективномъ дѣйствіи, какъ таковомъ, это — принципы низшаго, импульсивнаго порядка, доведенные до крайности, при чемъ временно устраняются высшія, разумныя и нравственныя санкціи участвующихъ въ толпѣ индивидуумовъ. Этотъ возвратъ отъ соціальной сдержанности къ соціальной страсти дѣлаетъ вліяніе внушенія столь простымъ, что здѣсь уже невозможна никакая «этика». Если упомянутые авторы приходятъ къ чему

нибудь, такъ это, повидимому, къ установленію причинъ или благопріятствующихъ условій, при которыхъ появляется этого рода «соціальный гипнотизмъ». И потому мы можемъ не останавливаться на этихъ случаяхъ, а перейдемъ въ высшую сферу дѣйствованія и тамъ снова поставимъ свой вопросъ о томъ, имѣютъ ли всѣ правила поведенія соціальное значеніе.

§ 2. Разумныя правила.]

349. Мы видѣли, что санкціей разумныхъ дѣйствій,— т. е. такихъ, которыя связаны съ желаніемъ — является успѣхъ. И казалось бы, что здѣсь могутъ существовать правила дѣйствованія, опирающіяся исключительно на этотъ мотивъ и воплощающія въ себѣ высшую мудрость, которая все же оставалась бы не-соціальною. Такими правилами были бы правила, диктуемые и санкціонируемые исключительно благоразуміемъ, осторожностью, соображеніями объ удобствѣ, цѣлесообразности или благополучіи. Подобнаго рода дѣйствія, какъ мы видѣли, соотвѣтствуютъ опредѣленному періоду въ жизни ребенка, а также извѣстному типу развитія взрослого человѣка; они принадлежатъ къ области личныхъ поступковъ и извѣстныхъ формъ соціального соперничества. Скажемъ сразу, что такого рода правила существуютъ въ видѣ предписаній практической мудрости, которыя распространены во всѣхъ обществахъ и выражены въ пословицахъ всѣхъ народовъ. Признавая это, мы все же должны спросить, какіе соціальныя элементы могутъ содержаться въ подобныхъ формулахъ.

Въ предшествующихъ разсужденіяхъ былъ указанъ реальный конфликтъ, возникающій между индивидуумомъ и обществомъ въ этой области. Нѣтъ нужды еще разъ это выяснять. Но для такого конфликта характерно то, что онъ касается исключительныхъ индивидуумовъ или исключительныхъ дѣйствій нормальныхъ индивидуумовъ, какъ мы должны были выше заключить. Что касается до послѣднихъ случаевъ, т. е.

исключительныхъ дѣйствій или сужденій человѣка, обладающаго нормальнымъ соціальнымъ воспитаніемъ и здравомысліемъ, то, съ точки зрѣнія вопроса о правилахъ, достаточно сказать, что это — случаи исключительные. Индивидуумъ самъ считаетъ свое согласіе съ соціальными санкціями за правило, а нарушеніе этихъ санкцій — за исключеніе.

Какъ только онъ дѣлаетъ правиломъ нарушеніе санкцій общества, — т. е. усваиваетъ правила, которыя приводятъ его къ систематическому нарушенію санкцій общества, — онъ переходитъ въ другую категорію, въ категорію исключительныхъ индивидуумовъ.

Но и въ этой категоріи исключительныхъ индивидуумовъ мы можемъ проводить извѣстныя разграниченія. Люди, являющіеся исключительными со строго-соціальной точки зрѣнія (такихъ мы разсматривали, когда говорили о «соціальныхъ видоизмѣненіяхъ»), это — тѣ, кто нарушаетъ соціальныя правила по привычкѣ и именно въ качествѣ соціальныхъ правилъ; такіе люди устраниются, исключаются изъ общества, и здѣсь они насъ не интересуютъ. Даже исключительный индивидуумъ, чтобы получить какую либо соціальную роль и играть ее въ качествѣ человѣка, долженъ быть въ главныхъ своихъ чертахъ не исключительнымъ. И если мы исключимъ тѣхъ людей, которыхъ исключаетъ общество, — и только ихъ, — у насъ останутся люди, которые, благодаря своимъ дарованіямъ или своему воспитанію, являются въ извѣстныхъ отношеніяхъ законодателями для самихъ себя и для общества. Что можемъ мы сказать о нихъ? Содержатся ли въ ихъ правилахъ дѣйствованія какіе либо соціальныя элементы?

Поскольку дѣйствія такого человѣка — санкціонируемая такимъ образомъ личнымъ разсудкомъ — не вступаютъ въ конфликтъ съ соціальными учрежденіями, требованіями и т. д., постольку они могутъ быть соціально обобщены и получить соціальное значеніе. Постольку, слѣдовательно, санкція разсудка тогда поддер-

живается и социальными санкціями. Это мы видѣли, на-
примѣръ, въ области коммерческаго соперничества.
Таковъ долженъ быть, по существу, характеръ разум-
ныхъ правилъ индивидуума. Ибо какъ только онъ по-
пытается пользоваться своимъ разсудкомъ въ узко-
личныхъ интересахъ, — стремясь къ какой нибудь
исключительно эгоистической цѣли и не считаясь съ
общественной пользою, — онъ неизбежно вступить
въ конфликтъ съ обществомъ при слѣдованіи своему
правилу. Въ дѣйствительной жизни фактическія пра-
вила разумнаго эгоизма обыкновенно снабжаются нѣ-
которымъ примѣчаніемъ социального характера; они
гласятъ: «Поступай сообразно своей собственной вы-
годѣ, пока общество не выслѣдитъ тебя, и дѣйствуй
съ наибольшей смѣлостью, какая тебѣ доступна». Пра-
вила индивидуума имѣютъ ясныя социальныя и нрав-
ственныя границы. Перваго рода общій характеръ, ка-
кимъ, согласно нашему предположенію, могутъ обла-
дать дѣйствія человѣка, — универсальность въ его соб-
ственной личной жизни, — оказывается въ значитель-
ной степени фиктивнымъ, даже въ подлинной своей
сферѣ, въ сферѣ разумныхъ санкцій. Человѣкъ при-
знаетъ социальныя ограниченія, въ предѣлахъ кото-
рыхъ онъ можетъ руководствоваться этими санкціями,
если санкціонируемые такимъ образомъ дѣйствія при-
чиняютъ вредъ обществу; и онъ допускаетъ, что его
дѣйствія могутъ быть обобщены ради социальной поль-
зы, если они не причиняютъ вреда. Въ послѣднемъ слу-
чаѣ его дѣйствія подходятъ подъ нашу формулу, т. е.
могутъ получить социальное значеніе; въ первомъ же
случаѣ нѣтъ рѣчи о правилѣ въ сколько нибудь все-
общемъ смыслѣ. Образчикомъ явленій одного рода
служатъ правила общественной мудрости, «поговорки»,
а также болѣе крупныя факты разумнаго сотрудниче-
ства и разумной пользы, представившіеся первоначаль-
но изобрѣтательному уму одного человѣка, а затѣмъ
обобщенные путемъ уже описаннаго нами процесса.
Наилучшимъ образчикомъ явленій другого рода слу-

жать правила дѣйствованія, которымъ слѣдуетъ ловкій воръ, ускользающій отъ правосудія. Онъ дѣйствуетъ согласно правиламъ разумнаго эгоизма, но съ нѣкоторыми очень ясными социальными ограниченіями; для него существуютъ и нравственные ограниченія, на которыя указываетъ изреченіе: «и у воровъ есть честь». Если воръ считается съ обоими этими ограниченіями — опять-таки, исключительно изъ эгоистическихъ соображеній — и въ успѣшномъ выполненіи кражъ видитъ единственное основаніе какъ для соблюденія закона, такъ и для уваженія къ правамъ своихъ товарищей-воровъ, то онъ представляетъ собою такого рода преступное исключеніе, съ точки зрѣнія социальнаго закона, что общество приговариваетъ его къ пожизненному заключенію, какъ только онъ будетъ пойманъ; и хотя его правило дѣйствованія несомнѣнно есть правило, оно имѣетъ для общей теоріи такъ же мало значенія, какъ и импульсивныя дѣйствія, закономъ которыхъ является естественная необходимость.

350. По поводу социальной формулировки санкцій желанія немногое надо сказать. Въ силу уже одного того факта, что это — санкціи социальныя, онѣ подходятъ подъ нашу формулу. Единственными случаями, которые могли бы вызывать споръ, являются тѣ случаи, гдѣ социальный разсудокъ прибѣгаетъ къ какимъ либо уловкамъ для иныхъ цѣлей, помимо социальной пользы и выгоды; такъ обстоитъ дѣло, напримѣръ, со страховыми компаніями, трестами и т. п. Но мы уже видѣли, что какъ только эти уловки становятся достаточно вредными для общества, послѣднее перестаетъ ихъ терпѣть; иначе говоря, личный элементъ санкціи подавляется элементомъ социальнымъ. Поэтому единственнымъ универсальнымъ правиломъ дѣйствованія въ этой области служить обобщенное правило, каковымъ, какъ мы ранѣе видѣли, является точка зрѣнія общества. Разсудокъ не можетъ установить своего правила успѣха въ качествѣ общаго правила, такъ какъ только постоянное напоминаніе о необходимости со-

гласоваться съ соціальными и нравственными требова-
ніями даетъ подобнымъ организаціямъ ихъ единствен-
ное право на такого рода публичную эксплуатацію, отъ
которой зависитъ ихъ успѣхъ.

Всякій реальный конфликтъ въ этой области между
соперничающими правилами могъ бы возникнуть толь-
ко изъ конфликта двухъ санкцій, въ равной мѣрѣ по-
сящихъ соціальный характеръ: санкціи по преимуще-
ству разсудочной и санкціи по преимуществу нравствен-
ной. Есть много интересныхъ примѣровъ такого кон-
фликта. Такъ, нѣкоторые экономисты утверждаютъ,
что научная политическая экономія на практикѣ без-
нравственна; что государство можетъ не считаться съ
совѣстью или съ обязанностями, вытекающими изъ со-
чувствія или гуманности, что законодательство, соб-
ственно, учитываетъ только выгоды «нашихъ» граж-
данъ, нисколько не интересуясь тѣмъ, какой вредъ или
какіе убытки онъ причинить «вашимъ». Это — прак-
тическая формулировка разсудочной санкціи въ ея
соціальной формѣ; она соотвѣтствуетъ той стадіи куль-
туры въ національной жизни, которая въ личной жизни
представлена интеллигентнымъ разбойникомъ, грабя-
щимъ на большой дорогѣ ¹⁾. Государственное хозяй-
ство можетъ, подобно частному хозяйству, быть раз-
виваемо на основѣ правилъ, которыя являются только
разсудочными, — при чемъ успѣхъ служить единствен-
ною санкціей дѣйствій; но предлагать какой либо націи
такъ вести государственное хозяйство, значить до-
пускать мысль, что индивидуальныя граждане, въ ко-
торыхъ представлено нравственное чувство націи, не
привели еще даже самыхъ избранныхъ своихъ санкцій
въ соціальную форму, и что въ наивысшей сферѣ со-
ціальной организаціи, въ нравственной сферѣ, ихъ
взгляды еще не подверглись обобщенію.

Этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія еще въ виду

¹⁾ Образчиками могутъ служить американскій покровительственный
тарифъ и законъ о рабочихъ-иностранцахъ.

того факта, что всѣ организациі въ мірѣ, предназначенныя для защиты и нападенія, большинство организаций, существующихъ для производства и распредѣленія, и многія изъ непосредственно - воспитательныхъ организаций ¹⁾. фактически стоятъ на этой ступени. Разумныя дѣйствія съ ихъ санкціями были замѣчательнымъ образомъ обобщены въ политической и промышленной жизни. Съ другой стороны, развитіе нашей судебной системы соотвѣтствуетъ правильному воплощенію нравственнаго чувства въ соціальной жизни. Но отсутствіе международныхъ законовъ — между тѣмъ, какъ существуютъ замѣчательныя коммерческія отношенія и утонченныя дипломатическія правила, надъ которыми изощряются самые острые умы заинтересованныхъ сторонъ, — показываетъ, какъ сильно отстало развитіе нравственной санкціи въ учрежденіяхъ.

§ 3. Нравственныя правила.

351. Переходя теперь къ нравственнымъ формамъ поведенія или, въ болѣе широкой постановкѣ, къ формамъ, обусловленнымъ чувствованіями, мы имѣемъ передъ собою болѣе сложный вопросъ о правилахъ. И, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія тѣхъ трехъ видовъ общаго характера, которые могутъ быть присущи правилу, мы можемъ сразу исключить нѣкоторыя изъ нихъ. Нравственное чувство — если брать его, какъ типическое и включающее религіозныя, эстетическія чувствованія и т. д., — не можетъ санкціонировать такого правила, которое имѣетъ общій характеръ только для одной личности; ибо всякое нравственное поведе-

¹⁾ Мой коллега и другъ, проф. Уорренъ, высказалъ въ одной статьѣ, прочитанной въ психологическомъ семинаріи, ту мысль, что формы соціальной организациі основаны на трехъ конечныхъ мотивахъ къ дѣйствованію, каковыми являются защита, питаніе и воспитаніе. Я придерживаюсь въ текстѣ этого подраздѣленія, хотя въ настоящее время еще не готовъ признать эту классификацію исчерпывающею. Напримѣръ, воспроизведеніе могло бы разсматриваться, какъ кандидатъ на особое мѣсто.

ніе, какъ таковое, должно имѣть публичное значеніе. У человѣка не можетъ быть такой линіи поведенія, которая была бы правильна только для него одного; самыя границы правильности совпадаютъ съ границами общаго соотношенія между различными «я», и именно — между всѣми конкретными «я». Всѣ, кто не входитъ сюда, являются исключеніями, — безразлично, какъ бы ни было велико ихъ число. Когда человѣкъ высказываетъ сужденіе о самомъ себѣ, онъ высказываетъ сужденіе обо всѣхъ людяхъ. Объ этомъ мы уже достаточно говорили.

Что касается до второй формы универсальности, — дающей такое правило, согласно которому всѣ могутъ дѣйствовать, — то и ею одною не исчерпывается тотъ видъ санкцій, какой принадлежитъ нравственнымъ правиламъ. Мы можемъ представить себѣ общество, построенное просто на основѣ извѣстной системы условныхъ соціальныхъ правилъ, постоянно соблюдать которыя — обязанность каждаго гражданина ¹⁾. Это было бы настоящей соціальной санкціей; правила носили бы юридическій характеръ; они могли бы быть обязательными, но не должны были бы непременно быть нравственными. Такому обществу недоставало бы именно одной вещи, которую мы нашли наиболѣе важною для человѣческаго общества, рассматриваемаго въ качествѣ прогрессивной организаци, — недоставало бы того, что упускали изъ виду традиціонныя теоріи о человѣческомъ обществѣ, уподоблявшія законъ—условію, а согласованность съ закономъ — удобству и пользѣ. Отсутствуетъ здѣсь именно то, чтò составляетъ принципъ развитія: взаимный обмѣнъ личными вліяніями между отдѣльнымъ человѣкомъ и группою, къ которой онъ принадлежитъ. Общество развивалось благодаря этому процессу взаимнаго обмѣна. Благодаря ему же развивается и индивидуумъ. Но у индивидуума

¹⁾ Здѣсь умѣстно напомнить о представленіяхъ Платона и о той критикѣ, которой подвергъ ихъ Аристотель въ своей „Политикѣ“.

процессъ этотъ представляетъ собою то, что мы разумѣмъ подъ нравственнымъ развитіемъ. Взаимный обменъ теперь совершается въ сферѣ идеальнаго представленія о личности, и проявленія его обусловливаются этимъ идеальнымъ представленіемъ. Такимъ образомъ, и общество, создающееся при этихъ условіяхъ, является нравственнымъ обществомъ. Его учрежденія, это — обобщенія нравственныхъ соотношеній. И подобно тому, какъ у индивидуума нравственная санкція замѣняетъ собою и провѣряетъ санкции разсудка и влеченія, — такъ и у общества нравственныя санкции вытѣсняють санкции разсудка, условности и внушенія толпы.

Такимъ образомъ, помимо своего фактическаго осуществленія въ обществѣ (о чемъ мы еще будемъ говорить ниже), нравственное правило является не только правиломъ, которому всѣ люди должны слѣдовать, и которое въ этой мѣрѣ носить социальный характеръ; оно, въ то же время, — правило, воплощающее въ себѣ нравственныя санкции, какія развились до даннаго момента. Нравственныя разрѣшенія индивидуума исходятъ изъ социальнаго чувствованія. Нравственныя сужденія средняго индивидуума содержатъ въ себѣ социальныя требованія его группы. Когда онъ говоритъ: «я долженъ», онъ имѣетъ при этомъ въ виду не только то, что «онъ и она должны»; онъ думаетъ: «что мы должны, то соотвѣтствуетъ закону». Идеальнымъ законодателемъ, тѣмъ «я», которому принадлежитъ общее значеніе, является общественное, юридическое «я».

Такой индивидуумъ, у котораго «должное» исчерпывается соотвѣтствующимъ закону, стоитъ, пожалуй, ниже средняго, съ числовой точки зрѣнія; ибо нравственное воспитаніе ¹⁾ большинства людей даетъ имъ болѣе высокія воплощенія для понятія личнаго долженствованія, чѣмъ тѣ, какими являются законъ или обще-

¹⁾ А во многихъ обществахъ въ особенности религіозное воспитаніе.

ственное мнѣніе; но этимъ нисколько не умаляется общая истина, что юридическія, условныя мѣрила, какими являются общественное мнѣніе и законъ, тоже представляютъ собою или представляли чей-нибудь нравственный идеалъ; они никогда не могли бы сдѣлаться юридически или условно правильными, если бы не были ранѣе для кого нибудь нравственно правильными. Развитие общества — это просто обобщеніе нравственнаго долженствованія, признаваемого индивидуумомъ, въ условное долженствование, признаваемое обществомъ. А затѣмъ обобщенію подвергаются новые элементы, вошедшіе въ нравственное долженствование индивидуума, и эти новыя пріобрѣтенія получаютъ только путемъ согласованія съ юридическимъ долженствованіемъ и перехода за его предѣлы. Ибо для того, чтобы создать какое нибудь правило, общество должно подвергнуть обобщенію нравственное мнѣніе индивидуумовъ; а индивидуумъ, чтобы получить какое нибудь нравственное правило, долженъ превратить общее въ частное, оставаясь на почвѣ условныхъ правилъ общества.

Поэтому выводъ заключается въ томъ, что либо нравственныя правила уже воплощены въ санкціяхъ общества, либо они способны къ такому воплощенію. Въ первомъ случаѣ правило, которому слѣдуетъ индивидуумъ, выражаетъ собою его пониманіе соціальнаго голоса. Для него этотъ голосъ является нравственнымъ, и всѣ люди должны повиноваться ему не только какъ закону, но и потому, что считаютъ его правильнымъ. Они повинуются этому голосу въ силу обоихъ этихъ основаній. А представленія общества о законности выражаютъ собою то, какъ общество понимаетъ представленія индивидуума о нравственно-правильномъ. Во второмъ случаѣ индивидуумъ выставляетъ свое правило въ качествѣ закона какъ для другихъ индивидуумовъ, такъ и для общества; но фактически его правило еще не становится закономъ для общества; послѣднее еще не

обобщило его пониманія того, что надо считать нравственно-правильнымъ.

352. Быть можетъ, мы лучше уяснимъ себѣ этотъ вопросъ, обратившись къ той аналогіи съ развитіемъ индивидуума, которая, какъ мы видѣли, въ столь многомъ оказывается очень точною. Индивидуумъ, т. е. ребенокъ приходитъ къ пониманію законности путемъ двоякаго отношенія къ окружающимъ его личностямъ. Его пониманіе личности, въ которой воплощенъ законъ, представляетъ собою извѣстное обобщеніе его частныхъ представленій, а также и нѣкоторую промежуточную стадію между тѣми личными дѣйствіями, которыя онъ понимаетъ, и другихъ, которымъ онъ еще можетъ только подражать. Его «проективная» нравственная личность включаетъ въ себя всѣ его обобщенія, но не исчерпывается ими. Дальнѣйшія обобщенія элементовъ этой личности обусловлены ассимилированіемъ ихъ съ тѣмъ, чѣмъ индивидуумъ уже обладаетъ.

Такъ обстоитъ дѣло у общества, если сопоставлять его съ индивидуумомъ. Въ обществѣ представлено то, что уже подверглось обобщенію изъ возрѣній индивидуума на нравственно-правильное. Но дальнѣйшія нравственныя возрѣнія индивидуумовъ на то, что надо считать правильнымъ, не исчерпываются этими социальными обобщеніями. Наоборотъ, только по мѣрѣ того, какъ индивидуумы приходятъ къ новымъ возрѣніямъ и заявляютъ о нихъ, общество можетъ, съ своей стороны, обобщить ихъ въ видѣ новыхъ учреждений и законовъ.

Итакъ, мы можемъ сказать въ заключеніе, что нравственныя правила индивидуума носятъ общій характеръ всѣхъ трехъ видовъ. Они примѣнимы: 1) ко всѣмъ дѣйствіямъ индивидуумовъ, 2) къ дѣйствіямъ всѣхъ индивидуумовъ, и 3) они обладаютъ тѣмъ характеромъ «публичности», который присущъ нравственнымъ санкціямъ, какъ таковымъ. Но у индивидуума они получаютъ только одну санкцію — санкцію его собственного нравственного чувства. Инди-

видууму случается дѣйствовать импульсивно, но не потому, что его санкціей служить влеченіе; разсудительно, но не потому, что данное дѣйствіе разумно; соціально, но не потому, что то или иное дѣйствіе предписано. Онъ всегда долженъ поступать опредѣленнымъ образомъ только потому, что это правильно. Пониманіе правильности подводитъ итогъ тремъ инымъ стимуламъ и даетъ окончательную санкцію всѣмъ его дѣйствіямъ. Онъ не можетъ признавать никакой иной санкціи. Но затѣмъ формулировка этого пониманія правильности, его обобщеніе непосредственно совпадаетъ съ соціальными предписаніями. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, соціальныя и личныя обязанности чловѣка, по существу, гармонируютъ между собою.

353. Остается спросить, всегда ли нравственныя представленія расходятся съ его же собственными соціальными предписаніями. Казалось бы, на основаніи сказаннаго выше, что это — ненужный вопросъ; ибо если соціальныя санкціи создаются путемъ обобщенія нравственныхъ воззрѣній индивидуума, то не можетъ быть никакихъ иныхъ нравственныхъ, съ соціальной точки зрѣнія, положеній, помимо тѣхъ, какія содержатся въ фактически дѣлаемыхъ предписаніяхъ. Но хотя это разсужденіе и представляется на первый взглядъ логичнымъ, однако, здѣсь не принимается въ разсчетъ сложный путь, какимъ идетъ развитіе общества. Мы видѣли, что успѣхи общества не совершаются скачками. Для его обобщеній необходимы долгіе процессы соціального воспитанія индивидуумовъ. Часто какое нибудь обобщеніе, будучи сдѣлано, тотчасъ же снова подвергается сомнѣнію. Законъ большинства особенно легко приводитъ не къ тому, къ чему надо. Единичная личность часто обладаетъ достаточной властью, чтобы вызвать или задержать какое нибудь соціальное движеніе. Здѣсь существуютъ приливы и отливы, дѣйствія и реакціи. Такимъ образомъ во всякомъ обществѣ воз-

никаетъ извѣстное разногласіе между тѣмъ, что, по мнѣнію людей, должно было бы быть, и тѣмъ, что есть въ дѣйствительности. На сцену выдвигаются новыя вещи; послѣдствія ихъ не вполне ясны; духъ консерватизма говоритъ: «лучшее врагъ хорошаго». И самый процессъ обобщенія, путемъ котораго общество приходитъ къ своимъ постановленіямъ, — этотъ процессъ заставляетъ учитывать все новое.

Далѣе, при всякой важной соціальной перемѣнѣ происходитъ нарушеніе многихъ интересовъ¹⁾, большое перераспредѣленіе занятій, условій воспитанія и т. д. у того или иного человѣка; и потому не всѣ въ равной мѣрѣ могутъ и желаютъ брать на себя отвѣтственность за опредѣленное направленіе общественныхъ дѣйствій.

Далѣе, часто при обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ лишь отдаленное отношеніе къ какому либо изъ давно установленныхъ учреждений, возникаетъ нѣкоторое нравственное чувство, говорящее, что это учреждение уже устарѣло; а между тѣмъ не появляется такого человѣка, который основательно задумался бы надъ этимъ и взялъ бы на себя руководство въ отстаиваніи реформы. Такого рода вліянія кристаллизуются, и благодаря имъ очень часто проповѣдникъ реформы становится человѣкомъ, одержимымъ одной мыслью, и нарушителемъ покоя въ глазахъ тѣхъ членовъ общества, которые довольны существующими порядками и которые только по этой причинѣ отказываются идти за нимъ.

Въ дѣйствительности, важныя соціальныя перемѣны часто совершаются съ внезапной и ошеломляющей силою. Подготовительныя стадіи къ нимъ проходятъ мало замѣтно, ихъ вліяніе ни въ чемъ не сказывается. Онѣ составляютъ часть нравственныхъ возрѣній индивидуумовъ, и общаго значенія ихъ никто не подозреваетъ, пока провозвѣстникъ новой идеи не

¹⁾ Ср. выше, гл. V, § 3.

возвысить публично своего голоса. Тогда оказывается, что «должное» въ пониманіи общества уже ушло впередъ отъ «сущаго», и реформаторъ очень близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться историкомъ нѣкоторой соціальной революціи. Вопросъ только въ томъ, наступилъ ли уже тотъ моментъ, когда новая идея достаточно распространена, чтобы сдѣлаться объектомъ соціальнаго обобщенія. Если наступилъ, то данная идея представляется нравственною уже не одному индивидууму; ее признаетъ нравственною и общество; но пока она не сдѣлается фактически частью того, что пользуется соціальнымъ признаніемъ и соціальною санкціей, по отношенію къ ней останется извѣстный разладъ между тѣмъ, что общество должно дѣлать, и тѣмъ, что оно дѣлаетъ.

354. Другой очень интересный случай разлада между «должнымъ» и «сущимъ» въ обществѣ мы находимъ въ явленіяхъ заразительности преступленій, о чемъ мы уже говорили выше. Эти явленія ясно обнаруживаются, напримѣръ, въ томъ фактѣ, что сообщенія о какой либо особой формѣ самоубійства, распространяемыя, скажемъ, при посредствѣ газетъ, побуждаютъ другихъ лицъ не только къ акту самоубійства, но даже къ примѣненію именно данной формы самоуничтоженія. Бываютъ эпидеміи преступленій того или иного рода. Какая нибудь преступная мысль распространяется въ цѣломъ обществѣ; а какой нибудь сенсационный романъ наталкиваетъ читателей, старыхъ и молодыхъ, на совершеніе такихъ преступленій, о которыхъ разсказывается въ этомъ романѣ.

Въ такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, судъ Линча, общество посредствомъ лучшихъ своихъ публичныхъ проявленій дѣйствительно осуждаетъ тѣ преступленія, которыя общество совершаетъ и порождаетъ, — подобно тому, какъ послѣ коллективныхъ дѣйствій, въ собственномъ смыслѣ слова, къ обществу возвращается его разсудокъ, и оно высказываетъ болѣе нормальныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе справедливыя сужденія. Въ

подобныхъ случаяхъ социальное пониманіе должнаго на время исчезаетъ. Мы видимъ иногда цѣлый рядъ социальныхъ фактовъ или происшествій, въ которыхъ никоимъ образомъ не отражается дѣйствительный нравственный голосъ общества. Это — явленіе регресса¹⁾, подобно тому, какъ противоположный случай (о которомъ мы говорили въ § 353) представляетъ собою движеніе впередъ или дѣйствительное развитіе. Въ виду всего, что мы теперь знаемъ о социальномъ организмѣ, не кажется удивительнымъ, что встрѣчаются подобнаго рода явленія.

Однако, когда говорятъ, что социальныя учрежденія должны бы быть иными, это обыкновенно имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ; въ этомъ выражается нравственное сужденіе индивидуума. Отсюда мы переходимъ къ послѣднимъ разсужденіямъ, которыя надо привести по поводу нашего вопроса о правилахъ поведенія.

§ 4. Заключительный конфликтъ.

355. Выше, по другому поводу, мы замѣтили, что всякій конфликтъ общаго характера, который можетъ возникнуть между индивидуумомъ и обществомъ, представляетъ собою конфликтъ либо его разума, либо его нравственного чувства съ социальнымъ строемъ. Мы видѣли также, что конфликты, вызываемые разумомъ, можно, въ значительной мѣрѣ, свести къ конфликтамъ между разумомъ одного человѣка и совѣстью остальныхъ членовъ общества, — поскольку данный социальный строй соотвѣтствуетъ обобщенному нравственному чувству. Единственный способъ, какимъ человѣкъ въ подобномъ случаѣ можетъ осуществить свой протестъ, это — убѣждать другихъ людей до тѣхъ поръ, пока они не примутъ его мнѣнія. Тогда конфликтъ прекра-

¹ Т.-е. нравственного регресса, а не—какъ мы видѣли выше—возврата къ какому-нибудь прежнему типу, нѣкогда бывшему нормальнымъ; подобнаго рода дѣйствіе никогда не могло быть нормальнымъ.

щается, такъ какъ тогда предлагаемая реформа получаетъ нравственную и социальную санкцію. Но въ случаяхъ нравственного протеста единичныхъ людей противъ социальнаго строя передъ нами—иное явленіе.

Конфликты этого рода болѣе серьезны и болѣе глубоки, такъ какъ участвующія здѣсь санкціи болѣе многообъемлющи. Нравственное въ человѣкѣ представляетъ собою важнѣйшій и наивысшій продуктъ его индивидуальной природы; это — съ одной стороны. Социально установленное представляетъ собою наивысшій продуктъ коллективныхъ дѣйствій людей; это—съ другой стороны. Что можно сдѣлать, если между ними возникаетъ конфликтъ?

Н и ч е г о! Ничего нельзя сдѣлать.

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою фонтанъ, бьющій выше своего источника. Человѣкъ не можетъ доказывать, потому что нравственность не знаетъ логическихъ санкцій. Кромѣ того, аргументировать въ пользу нарушенія закона, значить — въ серьезныхъ случаяхъ—самому, на взглядъ общества, совершать такое нарушеніе. Но, съ другой стороны, общество не можетъ устранять такого человѣка, хотя слишкомъ часто именно это получается въ результатѣ. Ибо именно благодаря нравственнымъ реформаторамъ общество узнаетъ свою собственную душу и свое сердце. Это — тѣ, о комъ говорится: люди, стоящіе на горѣ. Такой человѣкъ говоритъ загадками. Онъ стоитъ и ждетъ. Онъ проливаетъ слезы. Конечно, возможно, что это — совсѣмъ не настоящій великій человѣкъ; быть можетъ, это — фанатикъ, безумецъ, обманщикъ; но возможно и то, что онъ — пророкъ, ясновидящій, учитель народовъ!

Такова заключительная и неразрѣшима я антиномія общества. Въ ней одновременно обнаруживаются законъ социальнаго развитія, его направленіе и его цѣль. Здѣсь обнаруживается діалектика развитія въ ея конкретной социальной формѣ, подобно тому, какъ въ повиновеніи ребенка мы

видимъ ее въ ея конкретной личной формѣ. Общество должно просто ради своего блага вслушиваться въ то, что говоритъ такой человѣкъ, подобно тому, какъ ребенокъ внимательно слушаетъ слова своего отца. Правильный взглядъ — на сторонѣ ясновидящаго. Но, слушая его и поступая вмѣстѣ съ нимъ, общество по праву беретъ свою собственность. Этотъ человѣкъ принадлежитъ обществу, оно его создало, а онъ облакаетъ мысли общества въ болѣе божественную форму. Такъ ребенокъ заимствуетъ у своего отца. Онъ вступаетъ въ обладаніе социальнымъ наслѣдствомъ, которое принадлежитъ ему по праву рожденія. Онъ заимствуетъ у своего отца и этимъ путемъ поднимается на ту высоту, на которой стоитъ послѣдній; такъ и общество заимствуетъ у великаго человѣка и дѣлаетъ его возрѣнія своими.

Если, въ заключеніе, мы свяжемъ это съ вопросомъ о правилахъ, то придемъ къ послѣдней возможности, именно: въ нравственной области индивидуумъ можетъ руководиться такими правилами, которыя стоятъ выше правилъ, предписываемыхъ обществомъ, а также можетъ требовать ихъ соблюденія. Это — обычное явленіе не только у ясновидящихъ, но и въ жизни каждаго изъ насъ.

У каждаго изъ насъ бываетъ нравственное недовольство. Всѣ мы считаемъ, что общество должно быть преобразовано въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ. Именно постольку каждый изъ насъ склоненъ предписывать какое нибудь правило поведенія въ томъ или иномъ случаѣ; ибо публичный характеръ нравственнаго сужденія вызываетъ именно такого рода предписанія. Основаніе этого было нами въ достаточной мѣрѣ выяснено. Это обусловлено дѣйствіями индивидуума, который превращаетъ «общее въ частное» и вліяетъ, какъ активная сила, въ социальномъ цѣломъ; значеніе имѣетъ также и не прямой путь, какимъ общество осуществляетъ свой прогрессъ въ той или иной области. Даже

различныя требованія одного и того же общаго принципа или правила остаются осуществленными въ разной мѣрѣ въ соціальныхъ учрежденіяхъ и въ формулахъ общественнаго мнѣнія, такъ что индивидуумъ, устанавливая свое правило, замѣчаетъ нарушенія его со стороны общества. Неудовлетворительность соціальнаго порядка съ нравственной точки зрѣнія вполне очевидна, и можно было бы посвятить много страницъ доказательствамъ этой неудовлетворительности. Подобно тому, какъ индивидуумъ часто признается виновнымъ по закону, такъ общество приходится часто осуждать по совѣсти.

Но мы способны понять, что оба случая — лишь частности болѣе широкаго процесса, оцѣнить который намъ дали возможность наши разсужденія; этимъ процессомъ захватывается какъ индивидуумъ съ его противорѣчіями и актами согласія, такъ и общество, съ его успѣхами и его ошибками.

Глава XVI.

Краткій обзоръ: общество и индивидуумъ.

Намъ остается только изложить въ видѣ отчетливыхъ формулъ нѣкоторыя изъ наиболѣе общихъ выводовъ, къ которымъ мы пришли, именно — выводы, касающіеся въ особенности отношеній между индивидуумомъ и обществомъ.

357.—I. При изученіи индивидуума, мы находимъ извѣстный комплексъ правилъ поведенія съ такими санкціями, которыя, въ главныхъ чертахъ, отвѣчаютъ требованіямъ личной жизни индивидуума. Это вытекаетъ изъ того факта, что учрежденія и санкціи общества являются, по своему происхожденію, фактически обобщеніями умственныхъ и нравственныхъ знаній, чувствованій и санкцій индивидуума, передающихся путемъ соціальной наслѣдственности.

357.—II. При изученіи индивидуума, мы получаемъ такія правила и санкціи, которыя отвѣчаютъ требованіямъ соціальной жизни. Это вытекаетъ изъ того факта, что знанія и санкціи индивидуума получаютъ отъ общества путемъ соціальной наслѣдственности.

358.—III. Ни одинъ изъ указанныхъ принциповъ не является абсолютнымъ.

а) Не можетъ быть абсолютно вѣрно, что при изученіи общества мы получаемъ правила и санкціи, отвѣчающія требованіямъ личной жизни; ибо только подвергшаяся обобщенію часть человѣческой жизни воплощена въ учрежденіяхъ. У индивидуума должны быть свои личныя правила поведенія для такихъ жи-

тейскихъ положеній, которыя соотвѣтствуютъ только его собственнымъ знаніямъ и дѣйствіямъ. Благодаря этому, его личные правила могутъ вступать въ конфликтъ съ обществомъ, поскольку индивидуумъ оказывается оригинальнымъ въ своемъ мышленіи и идеалистомъ въ своихъ чувствованіяхъ, или наоборотъ.

б) Не можетъ быть абсолютно вѣрно, что при изученіи индивидуума мы получаемъ правила и санкции, отвѣчающія требованіямъ соціальной жизни; ибо средній индивидуумъ, въ буквальномъ смыслѣ, т. е. индивидуумъ, который соотвѣтствовалъ бы обобщеніямъ, воплощеннымъ въ обществѣ, — такой индивидуумъ есть миѳическое существо. Всякій индивидуумъ является въ нѣкоторой степени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не типичнымъ, съ соціальной точки зрѣнія¹⁾.

Доказательствомъ пункта III б можетъ служить высокая степень умственного развитія у преступныхъ личностей; а доказательствомъ пункта III а можетъ служить разумное развитіе общества въ промышленной и политической жизни, между тѣмъ, какъ его нравственные учрежденія отстаютъ отъ нравственного чувства и нравственныхъ правилъ индивидуумовъ.

359.—IV. Основаніемъ только что выставленныхъ принциповъ является то, какъ совершается прогрессъ общества.

а) Прогрессъ общества совершается путемъ извѣстной діалектики, которая аналогична «діалектикѣ личнаго развитія» у ребенка и человѣка. Эта «діалектика соціальнаго развитія» представляетъ собою нѣкоторое круговое движеніе взаимнаго обмѣна между обществомъ и индивидуумомъ. Форма коллективной организаціи

¹⁾ Читатели, знакомые съ книгой Leslie Stephen, Science of Ethics, припомнятъ выставленное этимъ авторомъ положеніе, что о свойствахъ общества нельзя судить по свойствамъ индивидуумовъ, такъ какъ общество можетъ измѣняться независимо отъ измѣненія индивидуумовъ, и наоборотъ (указ. соч., стр. 93 и слѣд.).

не можетъ быть соціальною (общеою), если она не была сперва индивидуальною (частною); а матеріаль соціальной организаціи не можетъ быть индивидуальнымъ (частнымъ), если онъ не былъ сперва соціальнымъ (общимъ). Поэтому всегда, на всякой стадіи соціального прогресса должно существовать у индивидуумовъ нѣкоторое число не обобщенныхъ формъ, а у общества — нѣкоторое количество матеріала, еще не превращеннаго изъ общаго въ частное. И правила одной стороны не могутъ ничего говорить о томъ, что имѣется у другой.

б) Направленіе и конечный пунктъ соціального прогресса опредѣляются нравственными моментами. Условіемъ соціального прогресса является публичный характеръ цѣнностей, присущій только нравственной категоріи. Обобщенія, выполняемыя обществомъ, могутъ выполняться только въ томъ случаѣ, если индивидуумы поступаютъ нравственно. А индивидуумы могутъ приходить къ новымъ нравственнымъ воззрѣніямъ только благодаря тому, что матеріаль, уже сдѣлавшійся соціальнымъ, снова способенъ принять нравственную форму.

в) Конечный конфликтъ нравственнаго характера между индивидуумомъ и обществомъ всегда возможенъ. Онъ разрѣшимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только путемъ дѣйствительнаго развитія самого общества или путемъ устраненія бунтующаго индивидуума. Общество разрѣшаетъ такого рода конфликты, но они постоянно тотчасъ же возобновляются.

360—V. Наконецъ, наши выводы могутъ быть объединены въ одной формулѣ, которая характеризуетъ общество, взятое въ цѣломъ. Мы можемъ сказать, что общество, это—такая форма естественной организаціи, въ которую вступаютъ нравственные личности по мѣрѣ своего развитія. Точно такъ же мы можемъ

опредѣлить нравственную личность, какъ такую форму естественнаго развитія, до какой доходятъ индивидуумы, живущіе въ соціальныхъ соотношеніяхъ. Итакъ, истинною аналогіей будетъ не та, которая сближаетъ общество съ фізіологическимъ организмомъ, а скорѣе та, которая уподобляетъ общество психической организаціи. А психической организаціей, съ которою можно сравнивать общество, является та организація, какую мы видимъ у индивидуума въ его мысляхъ объ идеалѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ А¹⁾.

Соціальная наслѣдственность и органическая эволюція.

Выводы, къ которымъ мы пришли въ настоящей работѣ, находятся въ согласіи съ однимъ принципомъ, откуда вытекаетъ цѣлый рядъ соображеній по поводу органической эволюціи вообще. Вопросы, поднимаемые теоріей органическаго развитія, можно разбить на три группы: 1) вопросы онтогенезиса (или индивидуальнаго развитія), 2) вопросы филогенезиса (или развитія рода) и 3) вопросы наслѣдственности. Общій методъ индивидуальнаго приспособляванія, который въ соціальной сферѣ называется «соціальной наслѣдственностью», распространяется также и на низшія формы жизни и, такимъ образомъ, даетъ картину опредѣленнаго прогресса въ эволюціи, обусловленнаго соціальными формами существованія. Я буду, конечно, говорить сперва о его вліяніи въ онтогенезисѣ, затѣмъ о его вліяніи въ филогенезисѣ и, наконецъ,—въ наслѣдственности.

1.—Онтогенезисъ или индивидуальное развитіе.

Такъ какъ мы говоримъ о существахъ, въ достаточной мѣрѣ обладающихъ сознаниемъ, чтобы усваивать путемъ подражанія и подчиняться закону «соціальной наслѣдственности», то очевидно, что изъ ихъ приспособляванія должны для нихъ самихъ вытекать извѣстныя послѣдствія.

1) Существо можетъ сохраниться въ борьбѣ за существованіе, приспособляясь или приноравливаясь

¹⁾ Приложенія А, Б и В отсутствуютъ въ послѣднемъ изданіи оригинала, такъ какъ содержаніе ихъ подробнѣе разработано авторомъ въ его сочиненіи *Development and Evolution*. Въ виду того, что названное сочиненіе не переведено на русскій языкъ, эти приложенія взяты нами изъ французскаго изданія настоящей книги.

къ извѣстнымъ условіямъ соціального характера. Это вліяніе констатировали у многихъ видовъ животныхъ различные авторы (Уоллесъ, Вейсманъ, Ллойдъ Морганъ, Гудсонъ).

2) Именно благодаря этому средству врожденныя измѣненія, пригодныя для соціального приспособляванія, которое совершается разумно путемъ подражанія въ продолженіе жизни даннаго существа,—эти измѣненія не подвергаются дѣйствию естественнаго отбора и, такимъ образомъ, сохраняются. Другія врожденныя измѣненія не сохраняются; и въ результатѣ, отчасти благодаря устраненію индивидуумовъ, не могущихъ приспособляться, возникаетъ обширный рядъ измѣненій, какъ будто детерминированныхъ (т.-е. идущихъ въ извѣстномъ направленіи) для каждаго поколѣнія.

3) Тотъ же принципъ обезпечиваетъ еще эти два результата повсюду, гдѣ существо приспособилось въ продолженіе своей личной жизни въ силу какихъ бы то ни было причинъ. Ибо существуетъ не только сознательное и соціальное приспособляваніе. Есть три различныхъ источника видоизмѣненій въ біологическомъ организмѣ.

Первымъ изъ нихъ является физическій строй окружающей среды, вызывающій измѣненія въ формѣ и функціяхъ существа; сюда относятся химическіе факторы, напряженія, соприкосновенія, препятствія для развитія, перемѣны температуры и т. д. Затѣмъ, измѣненія функцій и структуры бываютъ слѣдствіемъ дѣятельности самого организма въ силу закона дѣятельности и бездѣятельности; этого рода измѣненія наблюдаются въ замѣчательной формѣ у растений (Хенсло, Заксъ, Пфефферъ) и микроорганизмовъ (Бунге, Лебъ). Наконецъ, въ-третьихъ, существуетъ приспособляваніе соціальное, разумное, подражательное, о которомъ мы говорили, и въ которомъ ясно проявляется вліяніе принципа «соціальной наслѣдственности».

Всѣ эти вліянія способствуютъ появленію такихъ видоизмѣненій, назначеніемъ которыхъ служить при-

способливаніе существа въ продолженіе его жизни; они даютъ ему большую способность сохранить свое существованіе подѣ дѣйствіемъ принципа естественнаго отбора; и такимъ образомъ они обезпечиваютъ осуществленіе наивысшей цѣли, состоящей въ томъ, чтобы дать извѣстное направленіе тому виду, представителемъ котораго является данное существо. Таковъ нашъ выводъ въ вопросѣ объ онтогенезисѣ.

II.—Филогенезисъ или эволюція рода.

Съ филогенетической точки зрѣнія, нѣкоторые результаты получаются непосредственно вслѣдствіе сохраненія существъ, которыя приспособляются соціологически или какимъ либо инымъ образомъ.

1) Врожденные измѣненія послѣдующихъ поколѣній распространяются при посредствѣ существъ, которыя сохранились благодаря приспособляванію предшествующихъ поколѣній. Это слѣдуетъ изъ ученія о томъ, что признаки потомковъ измѣняются при посредствѣ видоизмѣненія признаковъ у родителей. Если родители сохранили жизнь потому, что въ нихъ была представлена извѣстная форма приспособляванія, то ихъ дѣти будутъ одарены такимъ образомъ, чтобы укрѣпилась именно эта форма приспособляванія. Именно такимъ путемъ придается опредѣленное направленіе (то же, что и въ онтогенезисѣ) филогенетической эволюціи. Если дѣло касается соціальнаго приспособляванія, то послѣдующія поколѣнія будутъ обладать болѣе сильными общественными наклонностями.

2) Разъ средство, при помощи котораго возникаютъ врожденные видоизмѣненія, такимъ образомъ, лучше опредѣлилось, появляются новыя врожденные видоизмѣненія, снова используемая для позднѣйшаго онтогенетическаго приспособляванія. Этимъ путемъ совершается непрерывный прогрессъ въ тѣхъ направленіяхъ, которыя отмѣчены онтогенетическими приспособляваніями; а когда дѣло касается соціальныхъ приспособ-

сабливаній, прогрессъ совершается въ извѣстныхъ соціальныхъ направленіяхъ.

3) Это можетъ происходить просто благодаря физической наслѣдственности, которая, такимъ образомъ, можетъ все болѣе и болѣе соотвѣтствовать направленію, принятому соціальною наслѣдственностью.

III—Наслѣдственность.

Я назвалъ это вліяніе «органическимъ отборомъ». Онъ оказываетъ извѣстное вліяніе на ученія о наслѣдственной передачѣ. Постоянное опредѣленіе средства, благодаря которому возникаютъ видоизмѣненія, и, тѣмъ самымъ, опредѣленіе направленія филогенетической эволюціи даетъ два главныхъ сливающихся теченія наслѣдственного вліянія, такъ что нѣтъ нужды обращаться къ выставленному Ламаркомъ принципу «наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ свойствъ»:

1) Оно даетъ опредѣленное направленіе органической эволюціи безъ прямой наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ свойствъ, такъ какъ указываетъ иную причину того, почему у молодыхъ существъ наблюдаются видоизмѣненія, соотвѣтствующія свойствамъ, которыя были пріобрѣтены родителями; такимъ образомъ, результатъ получается тотъ же, какъ если бы данныя свойства, дѣйствительно, наслѣдственно передавались.

2) Дѣйствіе «соціальной наслѣдственности» обезпечиваетъ передачу пріобрѣтеній соціального и интеллектуального порядка безъ всякаго участія физической наслѣдственности. Такимъ образомъ сохраняется рядъ функций,—напримѣръ, рѣчь,—которыя не могли бы сдѣлаться врожденными; или, по крайней мѣрѣ, онѣ сохраняются до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе органическаго отбора не сдѣлаются врожденными. Таковъ характеръ различныхъ видовъ соціального сотрудничества, и передаются они—поскольку дѣло касается частныхъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій—исключительно путемъ «соціальной наслѣдственности».

3) Эти два вліянія—«органическій отборъ» и «соціальная наслѣдственность» дѣйствуютъ параллельно во всѣхъ существахъ, организація которыхъ уже достаточно совершенна.

4) Общее вліяніе индивидуальнаго, соціальнаго и иного приспособливанія, которое даетъ направленіе послѣдующей эволюціи, подчиняясь естественному отбору, было подробно описано въ прежнихъ работахъ, гдѣ обозначалось терминомъ «органическій отборъ»¹⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

Объ отборѣ.

Различные виды «отбора», которые представляется законнымъ выдѣлять по отношенію къ тѣмъ инымъ явленіямъ, сведены въ слѣдующей таблицѣ (въ прямыхъ скобкахъ проставлены номера тѣхъ параграфовъ настоящей книги, которые посвящены данному виду отбора. (См. табл. на сл. стр.).

Можно присоединить къ этому нѣсколько замѣчаній, которыя я снабжу номерами, соотвѣтствующими порядковымъ номерамъ таблицы.

4,5. По странному совпаденію, Делажъ употребляетъ слова «органическій отборъ» (*Structure du protoplasma*, стр. 732) для обозначенія той «борьбы частей», о которой говоритъ Ру. Такъ какъ въ его глазахъ «внутренній отборъ» Вейсмана является прямымъ объясненіемъ «борьбы», которую имѣетъ въ виду Ру, то выраженіе Делажъ не можетъ употребляться вмѣсто выраженія «внутренняя борьба». Такъ какъ «функциональный отборъ» служитъ особымъ средствомъ для двигательнаго приспособливанія, то онъ присоединяется къ «вну-

1) См. *American naturalist*, июнь—июль 1896 г. Объ этомъ вліяніи говорили также Осборнъ и Ллойдъ Морганъ. Библиографическія указанія по этому вопросу можно найти въ моей книгѣ „Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода“, гл. VII, §§ 4, 5.

ВИДЫ ОТБОРА.	СРЕДСТВА ОТБОРА.	РЕЗУЛЬТАТЫ.
1—2. Естественный отборъ { (I. Дарвинъ, Уоллесъ, Спенсеръ) [40] { II. (Шефферъ) . . . [40]	1. Борьба за существованіе (Дарвинъ, Уоллесъ).	1. Переживание наиболее приспособленныхъ (Спенсеръ).
3. Зародышевый отборъ (Вейсманъ).	2. Присущая слабость, безъ борьбы.	2. Уничтоженіе неприспособленныхъ.
4. Внутренний отборъ (Ру, Вейсманъ, Делажъ).	3. Борьба зародышевыхъ элементовъ.	3. Переживание наиболее приспособленныхъ зародышевыхъ элементовъ.
5. Функциональный отборъ (Болдуинъ).	4. Борьба частей (Ру).	4. Переживание наиболее приспособленныхъ органовъ.
6. Органический отборъ (Болдуинъ, Осборнъ, Ллойдъ Морганъ). [Прил. А].	5. Избыточность движеній (Бэнтъ, Спенсеръ, Болдуинъ).	5. Переживание наиболее приспособленныхъ функций.
7. Методическій отборъ (Дарвинъ).	6. Приспосабливаніе (Болдуинъ); индивидуальное приращиваніе (Осборнъ); видоизмѣненіе (Ллойдъ Морганъ).	6. Переживание приспособляющихся индивидуумовъ.
8. Личный отборъ ²⁾ [40]	7. Выборъ для посадки и спариванія.	7. Воспроизведеніе желательныхъ индивидуумовъ.
9. Половой отборъ (Дарвинъ) . . . [40]	8. Выборъ.	8. Использование и переживание индивидуальныхъ, социальнo полезныхъ.
10. Соціальный отборъ ²⁾ . . . [40, 120]	9. Сознательный выборъ объекта для «ухаживаній» и т. д.	9. Воспроизведеніе индивидуальныхъ, обладающихъ привлекательными свойствъ.
11. Соціальное устраненіе ²⁾ . [38 и сл.]	10. Соціальное соперничество индивидуальныхъ и группъ при дѣйстви естественнаго отбора (Мальтусъ, Дарвинъ).	10. Переживание индивидуальныхъ и группъ, социальнo наиболее приспособленныхъ.
12. { Подражательн. отборъ ²⁾ . [40, 121, 307] { Соціальн. общеніе ²⁾ . [121, 310 и сл.]	11. Устраненіе социальнo наиболее неприспособленныхъ (устраненіе закономъ, обычаемъ и т. д.).	11. Переживание социальнo приспособленныхъ индивидуальныхъ.
13. Физиологическій отборъ (Романесъ).	12. Распространеніе путемъ подражанія отъ одного ума къ другому, а также социальная наследственность.	12. Переживание идей, обычаевъ и т. д.
14. Воспроизводительн. отборъ (Пирсонъ).	13. Бесплодность при скрещиваніи индивидуальныхъ.	13. Переживание расходящихся типовъ.
	14. Повышенная плодовитость при скрещиваніи индивидуальныхъ.	14. Переживание плодовитыхъ индивидуальныхъ.

¹⁾ Я обязанъ проф. Л. Моргану нѣкоторыми указаніями, использованными въ настоящей таблицѣ.

²⁾ Терминъ, предложенный въ настоящемъ сочиненіи; имена, поставленные въ скобкахъ рядомъ съ терминами, обозначаютъ авторовъ предложившихъ данные термины.

треннему отбору», (въ нѣкоторомъ смыслѣ, подчиняется ему), поскольку послѣдній имѣеть ф у н к ц и о н а л ь н о е значеніе.

7, 8, 9. Я не выдѣляю въ особую категорію «сознательнаго отбора», о которомъ говоритъ Ллойдъ Морганъ; не трудно видѣть, что онъ противопоставляетъ этотъ отборъ «естественному отбору», и что «сознательный отборъ», въ сущности, включаетъ въ себя всѣ спеціальныя формы отбора, гдѣ сознаніе играетъ роль фактора отбора¹⁾ (7, 8, 9, 11, 12); но этотъ терминъ можетъ сдѣлаться двусмысленнымъ въ примѣненіи къ тѣмъ случаямъ, когда естественный отборъ касается духовныхъ и соціальныхъ измѣненій (5, 6, 10); но когда терминъ и представляется приложимымъ, какъ на примѣръ, въ случаяхъ полового отбора (9)²⁾—если принять во вниманіе средства, при помощи которыхъ осуществляется этотъ отборъ,—онъ остается двусмысленнымъ въ примѣненіи къ результатамъ отбора. Послѣдняго рода двусмысленность, проявляющаяся въ таблицѣ (8, 9)³⁾, заставляетъ желать, чтобы примѣненіе термина «сознательный отборъ» (если вообще его надо примѣнять) ограничивали тѣми случаями, гдѣ имѣется налицо представленіе о чемъ-либо желательномъ для сознанія или для мысли. Я предложилъ выраженіе «личный отборъ» (8) для обозначенія личнаго выбора личностей, индивидуумовъ,—т.-е. отбора, аналогичнаго половому отбору (9) у животныхъ. Еще далѣе, выраженіе Дарвина «методическій отборъ» употребляется только

1) Здѣсь, собственно, возникаетъ вопросъ, о чьемъ состояніи сознанія идетъ рѣчь, если принять во вниманіе разницу (какъ въ средствахъ, такъ и въ результатахъ) между методическимъ отборомъ и „половымъ“ отборомъ.

2) Ллойдъ Морганъ, Привычка и инстинктъ, стр. 219, 271.

3) Самка у птицъ производитъ выборъ (половой) на основаніи своихъ переживаній, и лишь вторичнымъ результатомъ является то, что такимъ образомъ совершается отборъ для спариванія ея съ самцомъ и для сохраненія въ потомкахъ привлекательныхъ чертъ послѣдняго вмѣстѣ съ ея собственными чертами.

въ томъ смыслѣ, что имѣются въ виду средства, могущія обезпечить опредѣленные результаты путемъ планомѣрнаго спариванія.

10, 11, 12. Во всѣхъ этихъ видахъ того, что называютъ отборомъ, разсматриваемыхъ въ качествѣ факторовъ совершающагося отъ поколѣнія къ поколѣнію прогресса, гдѣ не могутъ совмѣстно дѣйствовать законы естественнаго отбора и физическаго воспроизведенія, мнѣ кажется, было бы крайне желательно совсѣмъ оставить въ сторонѣ слово «отборъ» и дать каждому случаю отдѣльное, соотвѣтствующее ему названіе. Тѣ случаи, когда индивидуумы и цѣлыя группы обязаны сохраненіемъ своего существованія своимъ социальнымъ свойствамъ—эти случаи освѣщаютъ намъ дѣйствіе естественнаго отбора, сопутствующаго физическому воспроизведенію, и потому я предлагаю прилагать къ нимъ терминъ «соціальный отборъ» (10). Но когда физическая наслѣдственность не играетъ роли (12), или когда она не является единственнымъ средствомъ передачи (11), тогда мы не можемъ обойтись безъ употребленія новыхъ терминовъ; для этихъ двухъ случаевъ я предложилъ выраженія «соціальное устраненіе» (11) и «соціальное обобщеніе» (12). Выраженіе «подражательный отборъ» употреблено въ таблицѣ въ качествѣ равнозначащаго съ выраженіемъ «соціальное обобщеніе» (12), такъ какъ при обсужденіи вопроса, къ которому относятся эти выраженія, терминъ «отборъ» употребляется по аналогіи съ терминомъ «естественный отборъ». Слово «отборъ» можетъ употребляться также тогда, когда совсѣмъ не имѣется въ виду прогрессъ рода (и, слѣдовательно, нѣтъ опасности злоупотребленія біологическою аналогіей), такъ какъ оно указываетъ на «сознательный выборъ», о которомъ говорятъ психологи и до-дарвиновская теорія ¹⁾).

¹⁾ Надо замѣтить, что данная выше таблица не претендуетъ на исчерпывающую полноту съ біологической точки зрѣнія. Такъ, напирмѣръ, понятіе *post-selection*, выдвинутое профессоромъ Мино, не можетъ прямо войти въ эту таблицу. Кромѣ того, различные термины

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Космическая природа и нравственность.

Въ статьѣ о «естественномъ законѣ, эволюціи и этикѣ» ¹⁾ мой другъ, проф. Ройсъ, дѣлаетъ интересную попытку примирить между собою процессы естественные и нравственные; статья эта написана въ связи съ очень извѣстной работой Гёксли объ «эволюціи и нравственности». Разсужденія его сводятся къ слѣдующему:

Всѣ формулы естествознанія представляютъ собою описанія явленій, объединенныя той цѣлью, которую ставитъ себѣ естествознаніе. Съ генетической точки зрѣнія, объективная мысль развивается путемъ подбора и подведенія подъ эти формулы такихъ фактовъ опыта, которые обладаютъ двумя общими признаками,—а именно: они допускаютъ «описаніе», а также «соціальную провѣрку». Описаніе необходимо для того, чтобы данные факторы вошли въ то или иное цѣлое, въ ту или иную сложную группу; а провѣрка необходима для того, чтобы они сдѣлались научными фактами, т.-е. объективно тождественными для всѣхъ людей. Остальная часть содержанія опыта, не обладающая указанными признаками, не подходитъ подъ естественные законы, не составляетъ части «космическаго процесса»; это—явленія капризные въ томъ смыслѣ, что они не допускаютъ описанія, и явленія субъективныя въ томъ смыслѣ, что не могутъ подвергнуться провѣркѣ. Итакъ, ихъ можно противопоставить космическому процессу; и когда мы видимъ, что въ число ихъ признаковъ входитъ желаніе и нѣкоторые элементы того, что признается желательнымъ въ качествѣ «идеала», тогда противоположность упрочивается, кристаллизуется въ

не всегда исключаютъ другъ друга; такъ, Дарвинъ обозначалъ случаи I и II естественнаго отбора однимъ и тѣмъ же словомъ, и дѣлалъ это съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ оба они обусловлены однимъ и тѣмъ же принципомъ.

¹⁾ Internat. Journ. of Ethics, июль 1895 г., стр. 489.

формѣ антиноміи между «процессомъ этическимъ» и «процессомъ космическимъ». Слѣдовательно, съ генетической точки зрѣнія, здѣсь передъ нами—различіе метода, которое вытекаетъ изъ опыта и не приводитъ насъ къ соотвѣтствующему раздѣленію, къ дуализму въ мірѣ дѣйствительности.

До сихъ поръ мнѣніе Ройса кажется мнѣ очень яснымъ и вѣрнымъ во многихъ рассматриваемыхъ пунктахъ. Я полагаю, что сознательное разграниченіе, «оцѣнка», является основою противорѣчія между космическимъ и этическимъ. Но я не могу принять его критеріевъ объективности, и, въ виду дальнѣйшихъ разсужденій, быть можетъ, не будетъ неумѣстно разобрать его доводы нѣсколько подробнѣе¹⁾).

Прежде всего кажется, что Ройсъ, поставивъ сознание передъ роковою дилеммою «долженствованіе»—«фактъ», не находитъ никакого средства, чтобы вывести сознание изъ этого положенія. Онъ какъ будто говорить: «Если остается человѣкъ науки, тогда нравственное чувство — иллюзія». — «Если остается нравственный человѣкъ, тогда человѣкъ науки—лжецъ!» Никто не можетъ быть сразу тѣмъ и другимъ. Единственное средство примиренія, это—принять такую философію, которая, конечно, признаетъ указанное противорѣчіе, но способна подкрѣпить прочными доводами одно изъ двухъ рѣшеній. Въ философіи Ройса подкрѣпляется этический процессъ, и, такимъ образомъ, протестъ ума раздается передъ апелляціоннымъ судомъ конечной реальности. Науку при этихъ условіяхъ терпятъ, но она не окончательно оправдана.

Кажется, однако, что эта теорія не можетъ примирить обоихъ процессовъ; она только содержитъ интересный взглядъ на происхожденіе противорѣчія. Она какъ будто требуетъ, чтобы и въ «описаніи» явленій, въ томъ, что относится къ области желанія, существовало одинаковое противорѣчіе между единствомъ,

1) См. ниже замѣчанія въ прил. Д.

признаваемымъ въ качествѣ существующаго, и единствомъ, которое желается, но не дано. По мысли проф. Ройса, желаніе касается чего-то такого, что, по существу, не допускаетъ ни описанія, ни провѣрки. Онъ говоритъ: «Нашъ идеаль желателенъ не въ той мѣрѣ, въ какой можно его описать, а именно постольку, поскольку его еще нельзя провѣрить. Отсюда возникаетъ двоякая противоположность между естественнымъ фактомъ, какъ таковымъ, и объектомъ желанія, какъ таковымъ. При такомъ пониманіи желанія мы можемъ считать всякую попытку къ примиренію обреченною на неудачу; ибо здѣсь объектъ желанія смѣшивается съ тѣмъ фактомъ, что чувство идеала, какъ мы его называемъ, является спутникомъ—чаще всего неяснымъ—объекта желанія. Но какъ только мы отграничимъ объектъ отъ его идеальнаго спутника, мы тотчасъ же видимъ, что объектъ допускаетъ и описаніе, и провѣрку; и тогда мы видимъ, что, достигая этого объекта (если мы имѣемъ надежду достигнуть его), мы приближаемъ поддерживаемый имъ идеаль къ подобному же построенію. Данный объектъ становится доступнымъ для описанія и можетъ быть подведенъ подъ ту или иную категорію не въ качествѣ идеала, а въ качествѣ факта. Чувство идеала относится къ другому объекту желанія, еще отдаленному. Но, поскольку успешнымъ преслѣдованіемъ даннаго объекта мы осуществили свой идеаль, постольку мы перевели то, что должно быть, въ то, что есть; передъ нами—естественная исторія объектовъ нашихъ нравственныхъ желаній. Развѣ такимъ образомъ мы не приходимъ къ дѣйствительному примиренію двухъ точекъ зрѣнія, вмѣсто простого констатированія противорѣчія, сокращеніемъ о которомъ ограничивается Ройсъ?

При такой постановкѣ, чувство того, что должно быть, становится, съ моей точки зрѣнія, предвосхищеніемъ нѣкотораго болѣе обширнаго опыта, еще не подведеннаго подъ опредѣленные категоріи. Но такъ какъ это чувство отождествляется съ извѣстнымъ объектомъ

желанія, то считаютъ, что оно можетъ служить образчикомъ правилъ, подъ которыя долженъ подводиться данный объектъ, ибо оно всего болѣе приближается къ тому роду вещей, которыя впослѣдствіи будутъ достигнуты въ позднѣйшемъ опытѣ. А космическій процессъ—объектъ естествознанія—представляетъ собою тотъ же рядъ, разсматриваемый въ обратномъ порядкѣ. Это—опытъ, уже вполне классифицированный и, такимъ образомъ, освобожденный отъ того оттѣнка ожиданія и желанія, который, когда мы смотримъ въ противоположномъ направленіи, дѣлаетъ изъ него какъ бы орудіе для осуществленія идеала.

Становясь на метафизическую точку зрѣнія, мы должны подвергнуть теорію Ройса такой же критикѣ. Что сказать о такомъ примиреніи, при которомъ допускается, чтобы обѣ спорящихъ стороны отстаивали себя, раздѣливъ сознаніе пополамъ и отбрасывая одну изъ двухъ половинъ?

Позитивистъ можетъ сказать: «Въ силу глубокихъ философскихъ основаній я считаю, что сознаніе даетъ правильныя «описанія»; слѣдовательно, даваемые имъ «оцѣнки» иллюзорны». А у идеалиста есть столь же глубокія философскія основанія для того, чтобы оправдывать свой противоположный взглядъ. Объясненіе тому, почему это такъ, мы находимъ въ тщетной попыткѣ Ройса отыскать дѣйствительное тождество между фактами опыта и желаемымъ благомъ,—между тѣмъ какъ слѣдовало бы утверждать, что «сущее» постольку является и «должнымъ» (въ той мѣрѣ, въ какой оно—законный продуктъ космическаго процесса, могущій имѣть всеобщее значеніе, а не простая случайность), но что въ силу именно того движенія, благодаря которому сознаніе разсматриваетъ его, какъ «сущее», оно вынуждено идти дальше и искать дрѹгого «должнаго». Но если это такъ,—если существуетъ, собственно, только одинъ рядъ, и противорѣчіе является результатомъ двухъ точекъ зрѣнія, «перспективной» и «ретроспективной»,—тогда какое-нибудь существо, способное пра-

вильно понять объ точки зрѣнія, не знало бы подобнаго противорѣчія. Оно «оцѣнивало» бы міръ, какъ благо, безъ всякихъ иллюзій, и «описывало» бы его, какъ нѣчто истинное, безъ всякой лжи.

Несовершенство, если я смѣю такъ выразиться, статьи Ройса обнаруживается еще при разсмотрѣніи другого пункта. Можно спросить, что получилось бы въ отвѣтъ на слѣдующее возраженіе: устанавливая естественную исторію разграниченія между «сущимъ» и «должнымъ», рискуешь, въ концѣ-концовъ, придавать исключительное значеніе тому, что есть. Вѣдь даже чувство «оцѣнки» само является космическимъ продуктомъ; какимъ же образомъ могло бы оно имѣть то или иное значеніе независимо отъ условій своего происхожденія? Эта дилемма кажется мнѣ источникомъ той запутанности, которую мы находимъ въ работѣ Гёксли. Въ основной работѣ онъ говоритъ о «должномъ», какъ о чемъ-то по существу противоположномъ «сущему», «космическому», а въ приложеніи онъ утверждаетъ, что оно представляетъ собою продуктъ отбора. Но мы можемъ сказать: если оно представляетъ собою продуктъ отбора, то не должно ли было оно фактически существовать предварительно въ качествѣ нѣкотораго видоизмѣненія? Если да, то какимъ образомъ оно въ качествѣ факта можетъ находиться въ коренномъ противорѣчій съ тѣми рядами фактовъ, которые предполагаются теоріей переживанія полезныхъ видоизмѣненій? Я полагаю, что статья Ройса не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Мнѣ кажется, что онъ оставляетъ пропасть между пониманіемъ вещи и пониманіемъ ея цѣнности; тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ, что чувство цѣнности связано со всякой вещью; но, утверждая, что та сторона вещей, которая придаетъ имъ ихъ цѣнность, не можетъ быть ни провѣрена, ни описана, онъ, въ сущности, утверждаетъ, что отсюда не можетъ получиться никакой естественной исторіи ¹⁾).

¹⁾ Я знаю, что онъ приписываетъ этой сторонѣ естественную исторію въ личномъ опытѣ индивидуума, но эта исторія въ извѣст-

Наоборотъ оставляя въ сторонѣ естественно-историческія подробности, указать которыя я пытался въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, я полагаю, что то, что описывается въ качествѣ «сущаго», представляетъ собою неточное содержаніе того, что мы чувствуемъ въ качествѣ «должнаго»; а то, что должно было быть, т.-е. что являлось объектомъ долженствованія въ прошломъ, то и есть «сущее», фактически существовавшее. Словомъ, «должное», это—функція душевнаго содержанія, нѣкотораго описательнаго «сущаго», — по моему мнѣнію, функція двигательная; и, подобно всякой иной функціи душевнаго содержанія, она имѣетъ свою естественную исторію, какъ простой фактъ; но значеніе ея прогрессивно, «перспективно», раскрытіе его въ полномъ объемѣ остается еще вопросомъ, выходящимъ за предѣлы его эволюціи.

Итакъ, я могу сказать вмѣстѣ съ проф. Ройсомъ: «Новизна является необходимымъ условіемъ всякой идеальной цѣнности, разсматриваемой съ временной точки зрѣнія»; но я долженъ прибавить, что новизна не является единственнымъ необходимымъ условіемъ. То, что онъ называетъ «интересно новымъ»—это, скорѣе, фактъ, взятый въ цѣломъ. Для объекта желанія можетъ быть достаточно, что вещь описывается, какъ интересная, и именно это описаніе является существеннымъ. Осуществите желаніе, и вы этимъ дополните описаніе и выставите нѣчто другое въ качествѣ объекта дальнѣйшаго желанія. Именно это послѣдовательно строящееся содержаніе, разсматриваемое сперва съ точки зрѣнія новизны, затѣмъ съ исторической точки зрѣнія, потомъ снова съ точки зрѣнія новизны, и служить, въ концѣ-концовъ, основою дѣйствительной тождественности. Опытъ, обнимающій всѣ вещи, разсматривался бы, какъ всеблагость. И я не сталъ бы возражать про-

номъ смыслѣ, какъ будто стоитъ обособленно отъ космическаго движенія.

¹⁾ «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», стр. 318 и сл.

тивъ слѣдующей мысли нашего автора: «Нѣтъ никакой надежды примирить метафизическую реальность и конечную универсальность такъ называемыхъ космическихъ процессовъ (согласно непреклоннымъ законамъ разума) съ какимъ бы то ни было, даже очень отдаленнымъ нравственнымъ объясненіемъ той же реальности». Реальность, съ метафизической точки зрѣнія, должна была бы скорѣе отличаться истинностью непреклонной и божественно прекрасной, — поскольку метафизика можетъ позволить намъ разсматривать каждую изъ этихъ категорій иначе, чѣмъ по аналогіи съ человѣческими переживаніями.

Въ заключеніе замѣчу, что я не считаю настоящаго вопроса единственнымъ, при разсмотрѣніи котораго возникаетъ необходимость примирять двѣ сходныхъ точки зрѣнія. Въ статьѣ «о происхожденіи вещи и ея природѣ», напечатанной въ журналѣ *The Psychological Review* (ноябрь 1895 г.) я проводилъ общее разграниченіе двухъ точекъ зрѣнія—«перспективной» и «ретроспективной»,—подъ которое можетъ быть подведено и указанное здѣсь противопоставленіе «описанія» и «оцѣнки». Прибавлю, что вообще, съ генетической точки зрѣнія, рѣчь идетъ о томъ различіи, которое я пытался подробно выяснить — отчасти съ біологической точки зрѣнія — въ своемъ сочиненіи «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», обозначая противопоставляемые явленія терминами «привычка» и «приспособленіе». Именно согласно этимъ принципамъ объясняется происхожденіе «сущаго» и «должнаго». Я думаю, что съ этимъ гармонируетъ и основное положеніе, выставленное проф. Ройсомъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г.

Генезисъ общительности.

Проф. Тоуни, разбирая въ *International Journal of Ethics* (июль 1897 г., стр. 520 и сл.) мою книгу «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», указываетъ, какимъ образомъ, по его мнѣнію, возникла общительность въ сознаніи животныхъ, если только признавать тенденцію къ «круговой» или «подражательной» реакціи у существъ, которыя фактически ведутъ совмѣстную жизнь. Онъ говоритъ: «Представимъ себѣ два примитивныхъ организма, А и Б, которые существуютъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Къ А приближается какой-нибудь враждебный предметъ Х, съ которымъ и Б уже когда-то имѣлъ дѣло. Х приближается къ А, но какъ только его замѣтитъ Б, у послѣдняго воскресаютъ собственныя прежнія переживанія, связанныя съ этимъ Х. У Б воскресаютъ боль, страхъ и движенія бѣгства. [Это должны быть, по существу, тѣ же движенія, какъ и выполняемыя А¹⁾]. Предположимъ, однако, что этого бѣгства оказывается недостаточно, чтобы избавить Б отъ вида того, какъ Х приближается и, скажемъ, нападаетъ на А; никакія движенія не приводятъ воскресающихъ у Б переживаній къ концу. Возбужденіе, приводящее къ усиленному разряду энергіи, вызываетъ видоизмѣненія движеній, и движенія А все время служатъ внѣшними образцами для реакцій Б. Согласно закону подражанія, дѣйствія Б при такихъ условіяхъ будутъ вполне сходны съ дѣйствіями А. Предположимъ далѣе, что имъ удастся сообща отогнать Х, и что они сообща наслаждаются чувствомъ облегченія, т.-е. удовольствіемъ, которое за этимъ слѣдуетъ. Здѣсь передъ нами — образецъ въ направленіи сотрудничества, дан-

1) Эта вставка принадлежитъ автору настоящей книги.

ный для будущаго подражанія. Быть можетъ, такіе образцы со временемъ станутъ многочисленными и благодаря традиціи превратятся въ социальную привычку».

Въ этомъ примѣрѣ, мнѣ кажется, сдѣланы правильныя предположенія, и, съ небольшими измѣненіями въ частностяхъ, я готовъ согласиться съ тѣмъ, какъ проф. Тоуни ими пользуется. Я сказалъ бы,—если имѣть въ виду не связанную съ разумомъ общительность животныхъ,—что разъ А и Б живутъ совмѣстно и подражательно реагируютъ на общія переживанія, этимъ однимъ уже создается общительность. Ибо 1) когда Б видитъ, что А дѣйствуетъ такъ, какъ самъ онъ дѣйствовалъ въ присутствіи Х, у него воскресаетъ при этомъ система воспоминаній-образцовъ—хотя бы самая простая—его собственныхъ прежнихъ дѣйствій, и онъ реагируетъ подражательно на эту систему. Это именно и есть объективная реакція сочувствія, и послѣднее становится сочувствіемъ субъективнымъ—въ отличіе отъ подлиннаго переживанія того же рода—постольку, поскольку Б начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ разницѣ между даннымъ случаемъ и тѣмъ, когда Х угрожалъ ему самому. 2) Фактическая тождественность поведенія, вызванная тѣмъ ли, что Б видитъ дѣйствія А или непосредственно однимъ и тѣмъ же переживаніемъ А и Б въ связи съ приближеніемъ Х, приводитъ къ такимъ результатамъ, гдѣ до нѣкоторой степени уже имѣется сотрудничество. Этого, какъ я понимаю, достаточно для того, чтобы могъ вступить въ силу естественный отборъ, который на такой основѣ создаетъ «собранія» сходныхъ существъ. Но было бы совершенно искусственнымъ предположеніемъ думать, что при подобнаго рода переживаніи никакое воспоминаніе о борьбѣ, крикахъ, усиліяхъ А не сохранится въ сознаніи Б, какъ часть системы образцовъ даннаго положенія для дѣйствованія въ будущемъ. Но если такіе элементы войдутъ въ систему его воспоминаній, тогда въ будущихъ случаяхъ надо будетъ только, чтобы воскресъ необходимый образецъ для подражанія, и существо тотчасъ же активно

вступить въ подобное же сотрудничество. Это, опять-таки, очень облегчало бы совмѣстныя дѣйствія и, въ свою очередь, сохранилось бы въ борьбѣ за существованіе. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, которые приводитъ для примѣра Адамъ Смитъ, т.-е. въ случаяхъ, когда Б видитъ нападающаго и жертву нападенія, и оба они ожидаютъ отъ него сочувствія,—только то существо, которое своей формою, своими движеніями, позами, криками и т. д. похоже на Б, вызывало бы у Б его систему образцовъ, и только съ нимъ Б вступалъ бы въ сотрудничество; а это—животное того же вида. Такимъ образомъ, субъективное сочувствіе было бы въ то же время «сознаніемъ рода», а объективныя реакціи служили бы показателями рода.

Я считаю поэтому, что совмѣстная жизнь существъ, имѣющихъ тенденцію къ круговой или подражательной реакціи, неизбѣжно приводитъ къ образованію сочувствія, сотрудничества, общительности такого рода, какія мы видимъ у животныхъ, оставляя въ сторонѣ упрочившіеся инстинкты ¹⁾; и эти черты фактически передаются посредствомъ традиціи ²⁾. Кромѣ того, среди даннаго вида постоянно накапливаются видоизмѣненія

¹⁾ Такъ какъ половой инстинктъ, въ силу біологической необходимости, долженъ былъ вполнѣ организоваться въ очень раннемъ періодѣ, то нельзя въ немъ искать зачатковъ соціальной наклонности, предполагая, что при половомъ общеніи животныя учились терпимости и сотрудничеству. Доказательства, собранныя Топинаромъ (о нихъ мы уже говорили, § 139, прим.), указываютъ на очень большую разницу между семейной жизнью, вытекающею изъ половыхъ потребностей, и общительностью вообще. Можно, однако, проводить различіе между половой общительностью вообще и ограниченной, болѣе исключительной формою ея, какую мы видимъ въ семейной жизни. Это признаетъ и Топинаръ, говоря, что полигамическія животныя болѣе «общественны», нежели моногамическія (*The Monist*, январь, 1897, стр. 250).

²⁾ Дарвинъ замѣчаетъ, что послѣ того, какъ нѣкоторые индивидуумы усвоили какую-нибудь удачную форму сотрудничества, она можетъ распространиться и поддерживаться благодаря подражанію («Происхожденіе человѣка», I, стр. 157—159).

благодаря органическому отбору, и такимъ образомъ, постепенно становятся инстинктивными особая формы сотрудничества, какія мы видимъ въ стадныхъ «собраніяхъ» животныхъ.

У человѣка, переживанія котораго организуются въ формѣ извѣстнаго «я», благодаря «діалектикѣ личнаго развитія» возникаетъ различіе между представленіями «я» и «другой»; и разумная общительность приходитъ на смѣну самопроизвольнымъ и инстинктивнымъ формамъ. Какъ говоритъ Тоуни въ той же замѣткѣ, «пониманіе субъективности развивается въ качествѣ отраженія тѣхъ установившихся привычекъ къ соціальному сотрудничеству и организаціи, которыя уже образовались; соціальное сознание, это—пониманіе своего «я» въ его отношеніяхъ къ другимъ «я».

Свойство «публичности» ¹⁾, происхождение котораго является наивысшимъ соціальнымъ продуктомъ «діалектики личнаго развитія», также столь удачно охарактеризовано у Тоуни въ немногихъ словахъ, что я приведу ихъ здѣсь, не дѣлая тѣхъ оговорокъ, при которыхъ изложенныя выше мои соображенія поддерживали бы именно эту формулу, приписываемую мнѣ профессоромъ Тоуни. Онъ говоритъ: «Законъ Канта—поступай такъ, чтобы основаніе твоихъ дѣйствій могло служить правиломъ для всѣхъ,—этотъ законъ въ субъективной постановкѣ для индивидуума означаетъ: Поступай такъ, чтобы всѣ члены соціальной группы, къ которой ты принадлежишь, т.е. всѣ другія «я», могли знать о твоихъ поступкахъ, и это не причиняло бы тебѣ страданія ²⁾).

¹⁾ §§ 198 и сл., 325 и сл.

²⁾ Ср. *Jenes*, *Sociality and Sympathy* въ журн. *Psychol. Review*, Mono-Suppl., XIX, 1902.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д.

Личное и социальное чувство.

Различныя значенія понятія „я“: реальность понятія „я“.
Главы IX—X книги F. H. Bradley, Appearance and Reality.

Брэдли различаетъ восемь значеній слова «я». Онъ критикуетъ ихъ всѣ и приходитъ къ слѣдующему выводу. Нигдѣ не существуетъ такого содержанія сознанія, которое по праву и всегда обозначалось бы словомъ «я». Существуетъ антропологическое «я»,—поперечный разрѣзъ сознанія, пучекъ наличныхъ въ данный моментъ состояній, по Юму,—которое, конечно, измѣняется. Существуетъ организованное «я» мыслей, которое переходитъ ко все новымъ матеріаламъ, подлежащимъ организаціи. Существуетъ мнимо-постоянное «я» памяти и тождества личности, но что въ немъ постоянного? Существуетъ чувствующее «я», которое замѣчаетъ, что оно зависитъ отъ контрастовъ, измѣненій, относительности чувствованій и т. д. Какъ въ дѣйствительности совершается процессъ размышленія о «я»,—это описано и проанализировано у Брэдли съ поразительнымъ остроуміемъ и очевидною истинностью; его работа, я полагаю, составитъ эру въ исторіи вѣчной загадки—такъ называемаго «разумнаго субъекта». Брэдли описываетъ постоянную смѣну различныхъ «я», связанныхъ съ борющимися элементами содержанія, въ ихъ отношеніяхъ субъекта и объекта. Въ какой-либо моментъ одна кривая въ траекторіи сознанія беретъ на себя роль «я» по отношенію къ другой кривой, которую первая принимаетъ за свой объектъ. Затѣмъ отрѣзокъ, представляющій «я», такъ сказать, скользить дальше. Но сколько бы времени вы ни слѣдили за нимъ, онъ—это «я»—постоянно остается частью траекторіи, частью содержанія; а объектъ представляется другой частью. И единство, заключающееся во всей непрерывной смѣнѣ, это—единственное, какое вообще

существуетъ. Это — единство чувствованія. Всегда имѣется нѣкоторый основной запасъ чувствованій. Эта смѣна разныхъ «я», на мой взглядъ, описана очень вѣрно; попытайтесь размышлять о своемъ «я», и вы найдете нѣкоторое содержаніе,—то, которое въ данный моментъ претендуетъ на роль субъекта, — противопоставляющее себя другому содержанію и обозначающее его словомъ «меня»; а какъ только вы попытаетесь выяснить, каково это содержаніе, являющееся субъектомъ, это вамъ до извѣстной степени удастся, но рассматриваемое содержаніе при этомъ сдѣлается объектомъ и, слѣдовательно, будетъ уже обозначаться не словомъ «я», а словомъ «меня». Весь этотъ процессъ все время «чувствуется», какъ «чувствуется» и основа, которая сама поддерживаетъ наше «я» и связываетъ его въ нѣкотораго рода единство съ понятіемъ «меня».

Такому же анализу, говоритъ Брэдли, можно подвергнуть и активное «я», проявляющееся въ хотѣніи и желаніи. Представляется возможнымъ обратиться противъ всякаго элемента того «я», которое желаетъ, и желать, чтобы оно было инымъ,—т.-е. рассматривать его, какъ «не-я», на которое направлена дѣятельность желающаго «я». Это приводитъ къ сложнымъ разсужденіямъ о чувствѣ «самодѣтельности», которое, какъ показываетъ Брэдли, обусловлено перемѣною содержанія. Напримѣръ, желающее «я» находитъ въ своемъ объектѣ новые элементы содержанія, которые можно было бы включить въ понятіе «меня»; расширяясь, чтобы включить эти элементы, оно противопоставляетъ себя элементамъ прежняго «я», превращая ихъ, такимъ образомъ, въ объективные элементы понятія «меня». Это расширеніе и измѣненіе элементовъ содержанія, при которомъ сохраняются нѣкоторые постоянные элементы, входящіе въ «я», и чувствуется какъ самодѣтельность. Даже когда элементы, къ которымъ мы стремимся, какъ къ пригоднымъ для роли элементовъ нашего «я», не носятъ вполне отчетливаго харак-

тера, — т.-е. когда нѣтъ ясно выраженнаго желанія, — даже тогда чувствуется самодѣятельность. Это, по мнѣнію Брэдли, объясняется тѣмъ, что такіе элементы въ скрытомъ видѣ имѣются уже въ первоначальномъ содержаніи нашего «я», но такъ, что все содержаніе въ цѣломъ задерживается отчетливыми элементами. Освобожденіе отъ этой задержки и чувствуется тогда, какъ самодѣятельность.

Очевидно, что это разсужденіе можетъ быть построено и согласно взглядамъ Гербарта, и согласно взглядамъ Вундта (см. ниже замѣтку по поводу статьи Мекензи); здѣсь, какъ у Гербарта и Вундта, допускается сознательная самодѣятельность ниже порога ясно выраженнаго желанія. Съ этимъ допущеніемъ я не могу согласиться. Ничто не доказываетъ, что такого рода самодѣятельность существуетъ. Наоборотъ, сознаніе свидѣтельствуетъ объ очень ясной удаленности содержанія нашего «я» отъ обоихъ элементовъ перемѣны содержанія, совершающейся въ понятіи «меня», которое не является объектомъ желанія. Возьмемъ случаи произвольнаго вниманія съ его моментами разсѣянности или перемѣны, производимыя въ содержаніи «меня» гипнотическимъ внушеніемъ: въ этихъ случаяхъ нѣтъ чувства самодѣятельности ¹⁾. Нѣтъ его и при чисто объективномъ «теченіи мысли». Даже въ случаѣ слѣпago влеченія чувствуется, какъ будто машина «несетъ», чувствуется отсутствіе ясно сознаваемаго «я», и это объясняется не тѣмъ, что здѣсь имѣются въ скрытомъ видѣ элементы, явно присущіе желанію, а слабостью другого, опредѣленно желаемаго содержанія. Послѣднее содержаніе задерживается и подавляется, а не желаемое выдвигается къ силу обратнаго результата того же процесса, какъ и процессъ ясно выраженнаго желанія. Брэдли считаетъ необходимымъ какой-либо элементъ содержанія, къ осуществленію котораго человѣкъ мысленно стремится; но, говоря, что, въ концѣ-

¹⁾ Ср. *Baldwin, Feeling and Will*, гл. XII, §§ 3—6.

концовъ, этотъ элементъ можетъ имѣться въ скрытомъ видѣ, онъ какъ будто отказывается отъ своего анализа, чтобы объяснить нѣкоторый мнѣ. Мысль, о которой говорится, что она имѣется въ скрытомъ видѣ, на самомъ дѣлѣ составляетъ уже часть чувствуемаго содержанія; иначе здѣсь была бы простая перемѣна,—а не активная дѣятельность,—гдѣ чувствуемое содержаніе успѣшно отстаиваетъ себя противъ мысленнаго содержанія. Отсюда—чувство неполноты, разочарованія, сравнительной безотвѣтственности при такихъ дѣйствіяхъ, какъ, напримѣръ, когда человѣкъ говоритъ: «я не соглашусь», и все же соглашается. Если оперировать символами, то разница между взглядами Брэдли и моими, повидимому, не велика. Но онъ, въ дѣйствительности, считаетъ, что самодѣятельность чувствуется по отношенію къ тому, что не желается; я же считаю, что активность, которая, по существу, не есть дѣятельность самого «я», чувствуется по отношенію къ тому, что мѣшаетъ исполненіюжелаемаго. Въ конкретныхъ случаяхъ, какіе извѣстны психологіи, это составляетъ нѣкоторую разницу¹⁾.

¹⁾ Въ связи съ этой критикой взглядовъ Брэдли, надо отмѣтить слѣдующія замѣчанія его, сдѣланныя во второмъ изданіи его книги (стр. 607), такъ какъ они свидѣтельствуютъ о большемъ единомысліи, чѣмъ я предполагалъ: «Что я выражался недостаточно ясно, это видно, какъ по критикѣ Стаута, такъ и по нѣкоторымъ интереснымъ замѣчаніямъ, которые сдѣлалъ проф. Болдуинъ въ журналѣ *Psychol. Review*, т. I, № 6. Вопросъ о соотношеніи между чувствуемой активностью и желаніемъ, о возможной ихъ независимости другъ отъ друга и о приоритетѣ первой или второго, это — на мой взглядъ, очень трудный вопросъ; но я долженъ прибавить, что, на мой взглядъ, это — вопросъ не особенно важный. Я надѣюсь, что и Стаутъ, и Болдуинъ увидятъ изъ вышеизложеннаго, что моя ошибка была, въ нѣкоторой степени, только словесной ошибкою, и что разногласіе между нами не такъ велико, какъ могло бы показаться на первый взглядъ. Что касается отсутствія чувствуемой самодѣятельности при извѣстныхъ душевныхъ состояніяхъ, то прибавлю, что по этому поводу я всецѣло согласенъ съ проф. Болдуиномъ». Ср. положенія Брэдли въ ихъ новой постановкѣ.

Этотъ анализъ самодѣтельности—или всякій иной, касающійся того, что Брэдли называетъ «цѣлью при началѣ»,—оказывается важнымъ для разработанной новѣйшими писателями теоріи подражательнаго развитія. Объектъ желанія, опредѣленно выраженный или принявшій благодаря привычкѣ скрытую форму, выставляется въ качествѣ чего-то подлежащаго осуществленію. Это—то же, что я въ своей теоріи называлъ «образцомъ для подражанія»; это—такой образецъ, какой требуется, если видѣть въ хотѣніи нѣкоторую форму подражанія¹⁾. Слѣдовательно, и эта цитадель «чистаго дѣйствія», этотъ источникъ оригинальности и свободнаго построенія, повидимому, также допускаютъ естественное построеніе. Педагогическія примѣненія этого взгляда очень важны. Ибо въ настоящее время столь много говорятъ—и вполне правильно—о «самодѣтельности», какъ о цѣли воспитанія, что полезно показать, что, въ концѣ-концовъ, процессъ воспитанія всегда долженъ идти путемъ подражанія—даже для того, чтобы сдѣлать питомцевъ изобрѣтательными.

Въ другой главѣ — о реальности понятія «я» — Брэдли выясняетъ, что мы не имѣемъ права приписывать реальности такому измѣнчивому «я», которое строится изъ смѣняющагося содержанія. Оно — только нѣчто кажущееся. Съ этимъ связаны дальнѣйшія теоріи, касающіяся реальности, мнимости, измѣнчивости и т. д. —т.-е. слишкомъ обширныхъ вопросовъ, которыхъ мы не можемъ обсуждать здѣсь.

Взглядъ Брэдли на понятіе „я“. Статья J. S. Mackenzie, Mr. Bradley's View of Self. въ журн. Mind. N. S. III, июль 1894, стр. 304—335.

Мэкензи передаетъ содержаніе той главы книги Брэдли, которая посвящена понятію «я», и отмѣчаетъ въ ней нѣкоторыя упущенія. Значенія, придаваемые Брэдли понятію «я», онъ раздѣляетъ на четыре категоріи, которыя обозначаетъ, какъ «біологическое»,

¹⁾ См. также статью Ройса, отмѣченную ниже.

«психическое», «чувствующее» и «патологическое я»; къ этимъ четыремъ формамъ, по мнѣнію Мэкензи, должны быть присоединены еще двѣ, которыя онъ называетъ: «эпистемологическое я» и «онтологическое» или «идеальное я». Эпистемологическое или трансцендентальное «я» представляетъ собою ту форму мыслительнаго процесса, тотъ фокусъ, гдѣ разнообразіе опыта приводится къ единству въ мысляхъ. Оно — то «я», которое мыслить, а не элементъ содержанія; такимъ образомъ, Мэкензи не приходится сводить разнообразныя «я» къ различнымъ построеніямъ содержанія, какъ это дѣлаетъ Брэдли. Съ психологической точки зрѣнія, мнѣ кажется, это «я» является функціей апперцепціи, рассматриваемой въ качествѣ объединяющаго принципа мышленія. Другое «я», присоединяемое Мэкензи, — «онтологическое я», — представляетъ собою, опять-таки, формальный принципъ единства, но рассматриваемаго теперь въ качествѣ единства реальности или законченной системы — идеальнаго единства «того, что вполне понимается, для того, кто вполне понимаетъ». Оба эти пункта знакомы читателямъ, которые знаютъ работы Кэрда.

Что касается фактической стороны дѣла, то мнѣ кажется, что эта критика, которой подвергается Брэдли, неосновательна. Возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ «форма» доходить до сознанія? Если не въ качествѣ содержанія, — должны мы сказать, — то она вовсе не доходить. Но если она вовсе не доходить, тогда сама она должна быть нѣкоторымъ мысленнымъ построеніемъ. Ибо, какъ можемъ мы говорить объ «опытѣ, гдѣ мысль имѣетъ форму единства», — иначе, чѣмъ прибѣгая къ сужденію, для котораго матеріаломъ, опять-таки, должно служить какое-либо сознаваемое содержаніе? Такимъ образомъ, «трансцендентальное я» либо превращается въ кантовскую «умопостигаемую» вещь, либо сводится къ «чувствующему я» Брэдли; т.-е., я сказалъ бы, что оно представляетъ собою чувствуемое содержаніе помимо того наличнаго содержанія, въ ка-

чествѣ формы котораго оно чувствуется. Въ этомъ видѣ оно утрачиваетъ значительную часть своей таинственности и можетъ подвергаться такому же естественно-историческому разсмотрѣнію, какъ и прочіе факты сознанія. Такого же рода критикѣ подлежитъ и «онтологическое» или «идеальное я». Если бы въ формулѣ «я мыслю, слѣдовательно, я существую», мы подъ «мыслью» не могли открыть никакого реального «я» помимо чувствуемой формы того, что мыслится, тогда у насъ не было бы основы для какого-нибудь идеального «я», открываемаго въ идеальномъ «мыслю», помимо той формы, которая, какъ мы чувствуемъ, принадлежала бы идеальному «мыслящемуся», если бы мы были способны его постигнуть. Итакъ, если допускать абсолютную реальность, тогда идеальное «я» — это будетъ абсолютное чувствующее «я», такое «я», которое чувствуетъ свое совершенное содержаніе.

Я не знаю, принялъ ли бы Брэдли это схематическое разсужденіе, дающее выводъ, близкій къ его собственному. Оно, несомнѣнно, болѣе кратко, чѣмъ его разсужденія. Я увѣренъ, что Мэкензи и его учитель сказали бы: «Ни слова о «разумѣ», который стоитъ на «болѣе высокомъ уровнѣ», нежели разсудокъ». Но изъ тѣхъ вопросовъ, которые въ современномъ идеализмѣ еще могутъ подвергаться такому психологическому анализу, какой продѣлалъ Бредли, — именно этотъ вопросъ наиболѣе соблазнителенъ. Я вѣрю, что разумъ, это — чувствованіе, и его идеалы — чувствованіе, что здѣсь привычка и эмоція въ своемъ стремительномъ движеніи выходятъ за предѣлы тѣхъ построеній разсудка, которыя служатъ ихъ предпосылками. Такова природа и исторія разума. И блестящая заслуга Брэдли заключается въ томъ, что онъ показалъ, что реальность одинаково является реальностью, когда ее чувствуютъ и когда о ней судятъ, — быть можетъ, даже больше въ первомъ случаѣ, если надлежащимъ образомъ взвѣсить всѣ «за», и «противъ» въ соотношеніяхъ чувствованія и мышленія.

„Внѣшній міръ и соціальное сознание“. Стаття Josiah Royce, The External World and the Social Consciousness въ журн. Philos. Review, III, стр. 513—545, сентябрь 1894 г.

Положеніе, отстаиваемое профессоромъ Ройсомъ въ этой интересной статьѣ, гласитъ: «Соціальное общество есть дифференціалъ нашего внѣшняго міра... Ребенокъ никогда не приобрѣтаетъ вѣры въ нашъ наличный объективный міръ, пока не приобрѣтетъ сперва соціального сознанія». Для подкрѣпленія этого взгляда авторъ приводитъ доводы двоякаго рода. Во-первыхъ, онъ показываетъ, что обычныя, такъ называемыя, провѣрки или критеріи всего внѣшняго несостоятельны или недостаточны, такъ какъ они упускаютъ качество определенности. Всѣ вещи, которыя мы считаемъ внѣшними, являются опредѣленными въ отношеніи мѣста, размѣровъ, числа и движенія. Но если подвергнуть анализу понятіе «опредѣленность», то окажется, что въ дѣйствительности мы разумѣемъ подъ нимъ возможность сообщенія другимъ; чего я не могу выразить своему товарищу и утверждать вмѣстѣ съ нимъ, то является не внѣшнимъ, а внутреннимъ. Поэтому понятіе о чемъ-либо «внѣшнемъ» основывается на пониманіи соціальныхъ соотношеній или общества. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о доказательствахъ, отмѣтимъ остроумныя соображенія Ройса по поводу положенія, выставленнаго Ренувье: «все, чтò существуетъ, должно быть опредѣленно», а также то примѣненіе, какое Ройсъ даетъ чувству неопредѣленнаго движенія въ зрительныхъ слѣдахъ (по Флейшлю). Содержание этой части статьи представляетъ собою, на мой взглядъ, очень оригинальный и интересный вкладъ въ теорію, трактующую о томъ, чтò такое «внѣшнія» вещи. Однако, тамъ недостаетъ подробнаго разбора обычно указываемыхъ критеріевъ, именно—сопротивленія, регулярности, отсутствія воли и т. д. во внѣшнемъ мірѣ. Мнѣ самому, напримѣръ, не кажется, что я долженъ былъ бы отказаться отъ своего взгляда на «коэффиціентъ внѣш-

ней реальности», выставленнаго мною въ другомъ сочиненіи¹⁾), хотя бы все объясненіе, даваемое проф. Ройсомъ соціальному сознанию, оказалось правильнымъ. Это будетъ ясно изъ общихъ критическихъ замѣчаній, дѣлаемыхъ ниже.

Во второй части своей статьи авторъ даетъ краткій очеркъ теоріи возникновенія соціальнаго сознания, гдѣ за основу берется ученіе о подражаніи, — т.-е. теоріи, съ которой, по существу, я согласенъ. Главная мысль этой теоріи состоитъ въ томъ, что ребенокъ получаетъ матеріаль для своего пониманія личности отъ окружающихъ его людей путемъ подражанія. Такимъ образомъ, его развивающееся пониманіе собственнаго «я» постоянно отстаетъ отъ развивающагося пониманія другихъ людей. Этотъ выводъ служитъ дополнительнымъ аргументомъ въ пользу того, что именно благодаря такому соотношенію открывается противоположность между собственнымъ «я» и всѣмъ внѣшнимъ, и становится возможнымъ общество, служащее дифференціаломъ внѣшняго міра.

Единственное замѣчаніе, которое я рѣшился бы высказать по поводу этой статьи, — столь же увлекательной по изложенію, сколь глубокой по содержанію, — заключается въ томъ, что она не удѣляетъ вниманія филогенетической точкѣ зрѣнія, соображеніямъ, вытекающимъ изъ исторіи рода. Я полагаю, что элементу соціальнаго внушенія можно придавать все то значеніе, какое приписываетъ ему проф. Ройсъ, но отсюда все же не слѣдуетъ, что безъ этого элемента ребенокъ не получалъ бы никакого понятія о внѣшнемъ мірѣ. Вѣдь я не скажу, что ребенокъ не получилъ бы понятія о собственномъ «я» безъ подражанія другимъ, — подражанія, которому и Ройсъ, и я придаемъ столь большое значеніе. Развѣ врожденные влеченія мышленія и нервная дѣятельность не дали бы изолированному ребенку болѣе или менѣе достаточныхъ доказательствъ

¹⁾ Baldwin, Handbook of Psychology, II, гл. VII, §§ 4.5.

существованія вѣшняго міра и собственнаго «я»? Сказать: «да, но не тѣ, какія онъ получаетъ теперь», — это значило бы только признать, что соціальный элементъ является нѣкоторымъ дополненіемъ. Конечно, является; но нѣтъ ли какого-нибудь существеннаго момента во всемъ вѣшнемъ, который долженъ быть или не быть для ребенка?

Я полагаю, что такой моментъ есть; это — нѣчто въ развитой нервной системѣ. Если только видѣть пространство, уже это одно можетъ придавать вѣшній характеръ вещамъ, находящимся передъ глазами; конечно, это не будетъ понятіе «не-я», а простая, опредѣленная удаленность. Это свойство проявляется уже въ томъ, что нервная система относитъ раздраженія къ периферіи. У маленькихъ цыплятъ есть, повидимому, очень значительное опредѣленное чувство того, что такое вѣшнія вещи, даже если цыплята не обмѣниваются знаками другъ съ другомъ или съ курицей. Это-то чувство проецированія и можетъ представлять собою сущность вѣшняго существованія въ противоположность внутреннему, — хотя такая противоположность появляется только позднѣе и въ значительной мѣрѣ благодаря соціальному развитію, — и возможно, что оно уже имѣется въ элементахъ даже личнаго внушенія, которые ребенокъ копируетъ¹⁾. Мнѣ кажется, можно показать, что оно въ самомъ дѣлѣ имѣется. Именно на этомъ основаніи я признаю, говоря о «коэффициентѣ вѣшной реальности», такой элементъ, который образуетъ этого рода объективную и дѣлаетъ «объективную» стадію первую даже въ ознакомленіи ребенка съ другими лицами.

Интересное изслѣдованіе получилось бы, если бы

¹⁾ Ср. отдѣлъ о «внушеніяхъ личности» въ моей книгѣ «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», а также гл. VI § 2 настоящаго сочиненія, гдѣ указывается, что существуетъ періодъ «органической» застѣнчивости въ первомъ году жизни ребенка, когда обнаруживается специализированная нервная реакція на присутствіе людей.

проф. Ройсь разобралъ социальный критерій въ филогенетической сферѣ, приложивъ его, напримѣръ, къ мнимо-социальной общности различныхъ чувствъ, такъ какъ въ этомъ иногда видѣли важное средство для провѣрки внѣшняго характера вещей. Если это такъ, то я спросилъ бы, какимъ образомъ произошло то, что одно чувство часто столь настойчиво обманываетъ насъ относительно внѣшняго характера вещей, вопреки показаніямъ остальныхъ чувствъ и свидѣтельствамъ общества, что намъ приходится, такъ сказать, почти обманывать самихъ себя, чтобы не вѣрить ему. Если это происходитъ оттого, что опредѣленная функція даннаго чувства является частью привычной условности и прежнихъ вѣрованій, которые сами были вполне обоснованы, тогда это является образчикомъ такого положенія, въ какомъ каждый организмъ, взятый въ цѣломъ, находился по отношенію къ другимъ организмамъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ Е.

Антропологическія замѣтки.

1) Общее положеніе, выставленное по поводу «діалектики личнаго развитія» и гласящее, что первоначальное сознаніе объективно, и что субъективное сознаніе возникаетъ именно вслѣдствіе различенія предметовъ, благодаря которому появляются первыя проективные представленія о личностяхъ, — это положеніе, повидимому, подкрѣпляется соображеніями проф. Гёффдинга, которыя онъ высказываютъ на стр. 2 и сл. своихъ «Очерковъ психологіи». Онъ считаетъ достовѣрно установленнымъ, на основаніи филологическихъ данныхъ, что слова, обозначающія субъективные состоянія сознанія, душевныя состоянія, качества и т. д., происходятъ отъ такого корня, какимъ первоначально обозначались предметы и явленія въ объективномъ мірѣ. Далѣе онъ пользуется этими филологическими данными для того, чтобы опровергнуть прежнюю теорію

олицетворенія, согласно которой олицетвореніе было первоначальной формою, въ какую отливались представленія о внѣшнемъ мірѣ. Но Гёффдингъ не согласенъ совершенно отбросить теорію олицетворенія ради «теоріи сновидѣній», утверждающей, что сновидѣніями объясняется происхожденіе вѣры въ привидѣнія, въ духовъ, обитающихъ въ вещахъ, и въ духовныя силы въ природѣ; ибо, полагаетъ онъ, если даже представленіе о духахъ возникло благодаря лицамъ, появляющимся въ сновидѣніяхъ, однако, пока не было основной наклонности къ олицетворенію, эти лица, появляющіяся въ сновидѣніяхъ, не были бы понимаемы въ качествѣ личностей (стр. 8), и у первобытнаго человѣка не было бы никакого основанія вообще относить ихъ къ числу явленій объективнаго міра. Это разсужденіе кажется мнѣ совершенно правильнымъ ¹⁾, и все же трудно понять, откуда могла возникнуть эта наклонность къ олицетворенію въ духовномъ развитіи первобытнаго человѣка, особенно, если вначалѣ у него было чисто-объективное сознаніе. Отвѣтъ, содержащійся въ моей «діалектикѣ» (ср. отдѣлъ о религіи), удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя такимъ образомъ выставляетъ Гёффдингъ; болѣе того, подражательный способъ развитія объясняетъ происхожденіе какъ субъективно-личнаго, такъ и эективно-олицетворяющаго сознанія. Субъективное представляетъ собою подражательное истолкованіе объективнаго съ помощью данныхъ внутренняго чувствованія; а эективное представляетъ собою подражательное истолкованіе объективнаго дѣйствія съ помощью данныхъ субъективнаго.

¹⁾ Въ томъ, что Гёффдингъ говоритъ по этому поводу, а также относительно личнаго развитія ребенка (стр. 5), подчеркивая фактическую наличность «краткаго повторенія», есть только одинъ пробѣлъ: мало удѣляется вниманія развитію соціального «я» подъ вліяніемъ соціальныхъ возбудителей. Даже сновидѣніе соціальнаго характера у первобытнаго человѣка требуетъ нѣкотораго соціальнаго опыта; а соціальный опытъ ребенка начинается раньше, чѣмъ у него появляются сновидѣнія соціальнаго характера.

Слѣдовательно, въ теоріи, основывающейся на сновидѣніяхъ, правильно будетъ приблизительно слѣдующее разсужденіе: въ сновидѣніяхъ первобытный чело-вѣкъ находилъ фактическое конкретное и мнимо-соціальное подтвержденіе для олицетворяющихъ или эективныхъ объясненій, къ которымъ его приводило его собственное развитіе; это подтвержденіе связывалось съ его дѣйствительной соціальной жизнью и, такимъ образомъ, доставляло матеріаль для его личныхъ субъективныхъ объясненій. Этимъ путемъ сновидѣнія, духи и предзнаменованія вводили его въ область таинственнаго, которая занимала столь много мѣста въ его религіозномъ развитіи ¹⁾).

2) Мнѣ кажется, что филологія, сверхъ того, даетъ доказательства наклонности эектированію или олицетворенію; доказательства эти заключаются въ нашихъ отношеніяхъ къ болѣе отвлеченнымъ и скрытымъ процессамъ природы, которые получили названія въ соотвѣтствіи съ первоначальными грубыми описаніями, дававшимися въ періодъ объективности. Напримѣръ, мы говоримъ, что химическія вещества дѣйствуютъ, что лѣкарства имѣютъ силу, что яды и кислоты ѣдки; о машинахъ, корабляхъ и т. д. мы говоримъ «онъ» или «она», запахи мы называемъ сильными, краски — веселыми, кричащими и т. д., — и это лишь нѣкоторые изъ множества примѣровъ.

3) Я пытался выяснитъ роль олицетворенія въ первобытномъ языкѣ, стараясь прослѣдить, какимъ образомъ предметы обозначались словами мужского, женскаго и средняго рода; я предполагалъ, что слова не могли быть относимы къ тому или иному роду (при чемъ особенное значеніе должно было принадлежать раз-

¹⁾ Авенариусъ считаетъ сознаніе, связанное со сновидѣніями, важнымъ факторомъ въ историческомъ процессѣ „интроекціи“, при чемъ онъ пользуется данными книги Тайлора, Первобытная культура (Avenarius, Der Menschliche Weltbegriff, стр. 32 и сл.).

личію между мужскимъ и женскимъ родомъ съ одной стороны, и среднимъ — съ другой) безъ нѣкоторой умственной склонности къ олицетворенію. Но авторитеты въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, повидимому, ничего не знаютъ ни объ исторіи распредѣленія именъ существительныхъ по родамъ, ни о лингвистическихъ цѣляхъ, которымъ въ дѣйствительности служить родъ (въ особенности средній родъ существительныхъ). Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія сошлюсь на работу *Brugmann, The Natur and Origin of the Noun Genders* въ *Princeton Lecture* того же автора¹⁾.

4) Чтобы показать, насколько необходимо различать разныя формы эктивнаго представленія о личности, возникающія въ процессѣ развитія религіознаго сознанія, упомянемъ о такъ называемыхъ «фетишизмѣ» и «тотемизмѣ». Я не компетентенъ вдаваться въ разборъ вопроса о томъ, какое мѣсто принадлежитъ фетишизму въ первоначальной религіи, представляетъ ли онъ собою упадочную или первобытную форму; замѣчу, однако, что приводимыя Максомъ Мюллеромъ и послѣдователями Вайтца соображенія «за» и «противъ» основываются, въ сущности, на предположеніяхъ о такой психологіи, какая необходима и для такъ называемаго олицетворенія. Въ качествѣ первобытной формы, предшествующей политеизму, фетишизмъ соотвѣтствовалъ бы только тѣмъ зачаткамъ эктивнаго личнаго сознанія, какіе мы видимъ у ребенка, когда его пониманіе общества сводится къ личнымъ внушеніямъ съ извѣстнымъ социальнымъ со-

¹⁾ Существующая тенденція направлена къ тому, чтобы учсть психологическое объясненіе, представленное въ видѣ попытки въ законѣ Гримма. Имѣется ли, однако, въ исторіи первобытнаго языка такой періодъ, когда всѣ названія неодушевленныхъ предметовъ либо исключительно средняго рода, либо совсѣмъ не носятъ какихъ-либо признаковъ, употребляемыхъ для обозначенія половыхъ различій, — это, какъ кажется, было бы «живымъ» вопросомъ, и отвѣтъ на него, во всякомъ случаѣ, имѣлъ бы большую цѣнность для антрополога и психолога.

отношеніемъ, но когда онъ еще не различаетъ, чьи это внушенія, и съ кѣмъ устанавливается данное соотношение. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что фетишъ является символомъ или конечнымъ пунктомъ реакціи для такого рода смутнаго соціального общенія съ нѣкоторымъ не дифференцированнымъ духовнымъ міромъ.

Напротивъ, тотемъ соотвѣтствуетъ, повидимому, гораздо болѣе развитому «я», которое уже носить въ нѣкоторой степени общій характеръ, являющійся продуктомъ размышленія; онъ представляетъ собою какъ будто воплощеніе сознанія о «товарищахъ» въ данной группѣ-семьѣ, племени, народѣ. Если это такъ, то для тотемизма необходима уже извѣстная способность проводить различіе между личными чертами индивидуума и публичными явленіями, присущими группѣ, — способность, которая, какъ мы видѣли, столь рѣзко проявляется въ соціальномъ развитіи ребенка, когда онъ только что начинаетъ превращаться въ подлинную нравственную личность.

5) Развѣ данное Кэрдомъ мастерское изложеніе хода развитія отъ «объективной» къ «субъективной» и, въ концѣ-концовъ, къ «абсолютной» религіи не предполагаетъ, въ сущности, того психологическаго движенія, о которомъ говоритъ «интроекція» Авенаріуса, если дополнить его мотивомъ подражанія, какъ это сдѣлано въ «діалектикѣ личнаго и соціального развитія»? Отсылаю читателя главнымъ образомъ къ общимъ выводамъ книги *Caird, The Evolution of Religion*, т. I, стр. 188 и сл. «Абсолютная религія» Кэрда, представляющая собою конечный результатъ размышленія и выражающая метафизическія воззрѣнія автора, не такъ легко поддается объективному генетическому объясненію. Поэтому, не ссылаясь на нее, отмѣчу, какую роль въ ходѣ мыслей Кэрда играетъ то, что Романесъ съ болѣе психологической точки зрѣнія называетъ «эективнымъ міромъ», рассматриваемымъ въ его объективныхъ и субъективныхъ религіозныхъ воплощеніяхъ.

6) По поводу § 140 приведу слѣдующую выдержку изъ Тайлора:

«Еще и теперь существуетъ на свѣтѣ варварскій способъ обработки земли, при которомъ человѣкъ является намъ приблизительно въ такомъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ, когда начиналъ покорять себѣ дѣвственные лѣса, гдѣ до тѣхъ поръ онъ только блуждалъ, собирая дикіе корни, орѣхи и ягоды. Такого рода первобытное земледѣліе было отмѣчено Колумбомъ. Когда онъ высадился въ Вестъ-Индіи, то нашелъ, что туземцы расчищаютъ участки земли, вырубая лѣсъ и сжигая его на мѣстѣ... Въ Швеціи такая «огневая» обработка земли сохранилась до нашихъ дней, и по ней мы можемъ представить себѣ, каково было первобытное земледѣліе первыхъ племенъ, переселившихся въ Европу... Въ отдаленнѣйшія времена большая часть земли въ Европѣ была приведена въ годный для обработки видъ обществами, которыя жили селеніями. Переходъ отъ охотничьей къ пастушеской жизни можно ясно видѣть на крайнемъ сѣверѣ, — родинѣ сѣвернаго оленя. Эскимосы только охотятся на оленей. Сибирскія же племена не только охотятся на дикихъ оленей, но имѣютъ и ручныхъ... Здѣсь мы видимъ явленіе пастушеской жизни въ простой, грубой формѣ; и нѣтъ нужды пространно описывать всѣмъ извѣстный образъ жизни высшихъ племенъ кочевниковъ, которыя переносятъ свои шатры съ мѣста на мѣсто въ степяхъ Центральной Азіи или въ пустыняхъ Аравіи, отыскивая пастбища для своихъ воловъ и овецъ, верблюдовъ и лошадей. Существуетъ рѣзкая разница между образомъ жизни кочующаго охотника и кочующаго пастуха. Жизнь охотника меньше обезпечена средствами пропитанія и удобствами, и такъ какъ время отъ времени ему приходится голодать, то въ исторіи цивилизаціи онъ стоитъ ниже осѣдлаго человѣка, обрабатывающаго землю. У пастуха-кочевника охота, являющаяся средствомъ существованія для первобытнаго кочевника, играетъ только подсобную роль. Его стада обезпечиваютъ ему завтрашній

день; у него есть цѣнный скоть, который можно обмѣнивать у городскихъ жителей на ихъ оружіе и ткани; въ его караванѣ имѣются кузнецы, а женщины прядутъ и ткутъ шерсть. Мѣсто, котораго достигаетъ высшая пастушеская жизнь въ исторіи цивилизаціи, лучше всего характеризуется тѣмъ, что патріархальные пастухи могутъ исповѣдывать какую-нибудь изъ великихъ міровыхъ религій; такъ, калмыки въ азіатскихъ степяхъ — буддисты, арабы — мусульмане. Еще болѣе высокая степень благоденствія бываетъ достигнута тогда, когда комбинируется земледѣльческая и пастушеская жизнь, какъ это было у нашихъ предковъ въ только что описанныхъ сельскихъ обществахъ древней Европы». — (*Tylor, Anthropology*, стр. 219 и сл.).

ПРИЛОЖЕНІЕ Ж.

Сужденіе Дарвина.

Главная мысль настоящей замѣтки¹⁾, заключающаяся въ томъ, что всѣ люди — великіе и малые — подлежатъ одинаковымъ критеріямъ соціального сужденія и одинаковому философскому разсмотрѣнію, — эта мысль можетъ быть пояснена на примѣрѣ того человѣка, генію котораго мы обязаны важнѣйшимъ принципомъ, лежащимъ въ основѣ моихъ замѣчаній. Человѣкъ этотъ — Чарльзъ Дарвинъ. И замѣчательно удачно, что исторія этого принципа — принципа видоизмѣненій и связаннаго съ нимъ принципа отбора — даетъ чрезвычайно важную иллюстрацію къ нашимъ выводамъ. Дарвинъ былъ, пожалуй (если исключить Аристотеля), человѣкомъ съ наиболѣе здравымъ сужденіемъ, какое человѣческій умъ вносилъ когда-либо въ изученіе природы. Прогрессъ научнаго метода, совершавшійся до его дней, былъ въ немъ представленъ исключительно правильнымъ образомъ. Онъ былъ

¹⁾ Ср. выше, гл. V.

ознакомленъ со всѣмъ естествознаніемъ, созданнымъ его предшественниками. Его сужденіе являлось выводомъ изъ научнаго пониманія вѣковъ, дошедшаго тогда до кульминаціонной точки. Время созрѣло для такой великой конструктивной мысли, какою была его мысль, — т.-е. созрѣло, поскольку дѣло касалось накопленія научныхъ данныхъ. Его сужденіе отличалось отъ сужденія его ученыхъ современниковъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что было болѣе здраво и болѣе надежно. И при томъ Дарвинъ былъ великимъ созидающимъ мыслителемъ. Онъ обладалъ такой умственной силою, которая покоряла себѣ сужденія его эпохи, но только не его собственныя сужденія. Это видно по тому факту, что Дарвинъ не первый размышлялъ въ томъ направленіи, въ какомъ было сдѣлано его великое открытіе, и не первый выставлялъ опредѣленныя формулы; но у другихъ догадки замѣняли собою индукцію. Формулы представляли собою мысли, не подвергнутыя критикѣ. Нежеланіе общества принять выставляемыя гипотезы объяснялось тѣмъ же отсутствіемъ доказательствъ, которое мѣшало самимъ мыслителямъ подкрѣпить эти гипотезы. И если бы не появился какой-нибудь Дарвинъ, вопросъ о біологическомъ развитіи оставался бы приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ оставили его умозрѣнія греческихъ философовъ. Дарвинъ дошелъ до своего вывода съ помощью того, что другой великій англійскій научный геній, Ньютонъ, опредѣлилъ, какъ существеннѣйшій элементъ всякаго открытія, — съ помощью «терпѣливаго мышленія»; а прійдя къ этому выводу, онъ не могъ сдѣлать ничего иного, какъ признать его правильнымъ и сообщить его всему міру.

Но принципъ видоизмѣненій и естественнаго отбора встрѣтилъ такой пріемъ, который показываетъ, что правильное сужденіе можетъ подняться выше того уровня, съ какимъ связано его собственное происхождение. Даже и теперь еще принципъ Дарвина является лишь ферментомъ для многихъ областей человѣческой

мысли, гдѣ ему суждено вызвать такую же революцію, какую онъ произвелъ въ наукахъ объ органической жизни. Великая формула Дарвина получила распространение въ ученыхъ кругахъ только тогда, когда къ его сужденію присоединились другіе люди, пользовавшіеся авторитетомъ у публики и достаточно свѣдущіе, чтобы прослѣдить мысли Дарвина.

Отмѣченный выше ¹⁾ отрывокъ изъ книги *Poulton, Charles Darwin and the Theory of Natural Selection* (стр. 12 и сл.) настолько совпадаетъ по высказаннымъ тамъ взглядамъ съ моими мыслями, что позволяю себѣ привести его полностью:—

«Обычная ошибка — предполагать, будто умственные силы, создающія поэта или историка, существеннымъ образомъ отличаются отъ тѣхъ, благодаря которымъ создается человѣкъ науки. Наблюдательность, какъ бы она ни была велика, никогда не могла бы сдѣлать человѣка авторомъ научнаго открытія; ибо для открытія необходима творческая работа воображенія. Человѣкъ науки не наталкивается случайно на новые факты или выводы; онъ находитъ то, чего ищетъ. Вопросъ, поставленный имъ себѣ, вполне сходенъ, по существу, съ вопросомъ историка, который пытается создать точную и полную картину какой-либо эпохи на основаніи разрозненныхъ сообщеній современниковъ объ ихъ впечатлѣніяхъ, — сообщеній, которыя болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но изъ которыхъ ни одно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности вполне. Богатое воображеніе является абсолютно необходимымъ условіемъ, чтобы былъ сдѣланъ тотъ шагъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному знанію, который мы называемъ открытіемъ.

«Но одного лишь богатаго воображенія недостаточно для наивысшихъ достиженій въ поэзіи, исторіи или естествознаніи; ибо во всѣхъ этихъ областяхъ требуется еще самая строгая самокритика и самое здравое сужденіе, чтобы гарантировать, что достигнутые результаты

¹⁾ § 111.

представляютъ собою шагъ впередъ, по направленію къ истинѣ...

«Поэтому, вѣроятно, что секретъ силы Дарвина заключался въ совершенномъ равновѣсіи у него между богатымъ воображеніемъ и способностью къ точнымъ наблюденіямъ, такъ что творческая работа перваго всегда подвергалась самой безжалостной критикѣ благодаря примѣненію второй. Мнѣ пришлось слышать слѣдующія слова проф. Фостера: «Мы никогда не узнаемъ безчисленныхъ гипотезъ, которыя проходили въ умѣ Дарвина, и которыя, какъ бы онѣ ни были дики и невѣроятны, провѣрялись путемъ обращенія къ природѣ, а затѣмъ отвергались разъ навсегда.

«Какъ Дарвинъ самъ оцѣнивалъ свои способности, это выражено съ характерной откровенностью и скромностью въ заключительномъ параграфѣ его «Автобіографіи»:—

«Поэтому мой успѣхъ, какъ ученаго, какихъ бы размѣровъ онъ ни достигъ, былъ обусловленъ, насколько я могу судить, сложными и разнообразными умственными качествами и условіями. Изъ нихъ наиболѣе важными были любовь къ наукѣ, безпредѣльное терпѣніе въ долгихъ размышленіяхъ по поводу какого-нибудь предмета, трудолюбіе въ наблюденіи и собираніи фактовъ, и нѣкоторая доля изобрѣтательности, равно какъ и здравого смысла. При тѣхъ умѣренныхъ способностяхъ, которыми я обладаю, представляется поистинѣ удивительнымъ, что я въ значительной мѣрѣ повліялъ на убѣжденія людей науки относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ».

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

1. Комментарій проф. Ройса къ социальной теоріи Гегеля (ср. § 323).

«Положеніе господина и раба представлено даже въ «Феноменологіи» Гегеля, только какъ очень краткая и первобытная стадія въ происхожденіи социального со-

знанія. Возвращаясь къ этому вопросу въ своей «Энциклопедіи», Гегель объяснялъ въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ, что это было явленіемъ варварства, котораго нельзя приводить въ связь съ современнымъ сознаниемъ цивилизованныхъ людей; ибо у послѣднихъ признаніе (*Anerkennung*), служащее повсюду сущностью индивидуальнаго самосознанія, основывается не на господствѣ, а на достоинствѣ соціальной должности. Происхожденіе этого высшаго вида сознанія Гегель во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ относитъ насчетъ семьи, государства и многихъ изъ тѣхъ же специальныхъ принциповъ соотношенія между развивающимся самосознаніемъ и соціальной средою, которые теперь подчеркиваются вами и мной. Гегель не особенно интересовался индивидуальной психологіей, но онъ анализировалъ движущія силы соціальныхъ учреждений и процессовъ, нерѣдко въ чисто генетическомъ и психологическомъ духѣ, насколько это было возможно въ его время. Семейная связь, отношенія между «я» и тѣми, кто его критикуютъ, отношеніе свободныхъ гражданъ къ другимъ свободнымъ людямъ, — эти вопросы были очень основательно и плодотворно разработаны Гегелемъ. Чего я не нахожу у него, такъ это — опредѣленнаго признаванія собственно подражательнаго фактора. Генетическая теорія Гегеля предполагаетъ, что личное «я», въ своей основѣ, желаетъ владѣть всѣмъ, но встрѣчаетъ преграды не только со стороны физическихъ силъ, но также въ своей чувствительности къ критикѣ, ко всевозможнымъ противорѣчивымъ утвержденіямъ, и въ томъ пониманіи всей сложности вещей, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ его стремленію къ господству надо всѣмъ. Эти разнообразныя преграды приводятъ къ образованію нравственнаго «я» такими путями, о которыхъ Гегель обыкновенно упоминаетъ безъ столь общихъ объясненій, какъ ваши, но которые идутъ въ томъ же направленіи, какъ и указываемое вашей теоріей. Но ваша теорія утверждаетъ, что «я», въ своихъ личныхъ желаніяхъ, хочетъ не толь-

ко владѣть всѣмъ, но и подражать всѣмъ въ доступныхъ ему предѣлахъ. Для этого требуется, конечно, объясненіе явленій соціальной чувствительности, которое, дѣйствительно, выходитъ далеко изъ рамокъ теоріи Гегеля. Ибо его принципы носятъ спеціальный характеръ, ваши же принципы и принципы Тарда — очень общій».

Извлеченіе изъ частнаго письма.

II. Прим. къ § 86. — Я полагаю, однако, въ противоположность проф. Мизису, искусно разработавшему этотъ вопросъ (въ сообщеніи «О существенныхъ различіяхъ между человѣкомъ и другими животными», прочитанномъ передъ Академіей наукъ въ Тексасѣ 6 мая 1898 г.), что хотѣніе, какое проявляется въ «настойчивомъ подражаніи», можетъ существовать у нѣкоторыхъ животныхъ (напримѣръ, у собаки, какъ въ томъ случаѣ, который приведенъ въ моей книгѣ «Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода», гл. XIII, и на который ссылается проф. Мизисъ), не приводя, въ то же время, къ образованію настолько организованнаго «я», чтобы его надо было признать «размышляющимъ».

III. Примѣч. къ § 136. — Возможно, что «покраснѣніе», соединенное съ другими фізіологическими признаками, играло извѣстную роль въ качествѣ показателя важнаго значенія въ связи съ половымъ отборомъ. Это соотвѣтствовало бы мысли Гроуса о полезности застѣнчивости особей женскаго пола. Если бы мысль эта подтвердилась, тогда дѣйствіе полового отбора надо было бы считать до извѣстной степени взаимнымъ, а не одностороннимъ, какъ его обыкновенно считаютъ. Нѣчто говорящее въ пользу такой мысли можно видѣть въ томъ, что даже теперь у людей покраснѣніе придаетъ индивидууму привлекательность въ глазахъ представителей другого пола.

ПРИЛОЖЕНИЕ И.

I. Отвѣтъ профессору Тѣфтсу.

Интересныя замѣчанія, сдѣланныя проф. Тѣфтсомъ въ его благосклонномъ отзывѣ о моей книгѣ «Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія»¹⁾, могли бы съ успѣхомъ вызвать пространный обмѣнъ мнѣній. Но въ виду сжатости изложенія у проф. Тѣфтса для меня не совсѣмъ ясно, на что именно направлена его критика, и потому я здѣсь ограничусь только немногими общими положеніями.

Во-первыхъ, по поводу «общаго» или «идеальнаго я», которое, по его мнѣнію, недостаточно отчетливо опредѣлено въ моей книгѣ, онъ спрашивалъ: «Является ли соціальное или общее «я» продуктомъ діалектики въ такомъ смыслѣ, что представленія «я» и «другой» должны войти въ него и, какъ таковыя, сдѣлаться его элементами, или же общее «я» понимается просто въ качествѣ недифференцированнаго сырого матеріала, изъ котораго развиваются представленія «я» и «другой», но который не содержитъ ихъ въ себѣ?» Онъ прибавляетъ: «Быть можетъ, примѣчаніе на стр. 266 (перваго изданія) означаетъ, что оба высказанныхъ выше предположенія вѣрны и относятся къ послѣдовательнымъ стадіямъ въ развитіи соціальнаго «я».

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ скажу, что предположеніе проф. Тѣфтса по поводу примѣчанія къ § 170 исполнѣе правильно; примѣчаніе было вставлено для того, чтобы пояснить, что оба употребляемыхъ въ текстѣ выраженія («общее» и «идеальное») относятся къ одному и тому же содержанію, рассматриваемому съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, это — нѣчто «недифференцированное», съ другой — результатъ діалектики, куда должны входить и представленіе «я», и представленіе «другой». Первое, это — «идеальное я», ко-

¹⁾ Въ журналѣ The Psychological Review, июнь 1898 г.

торому приписывается «проективное» значеніе, которое содержитъ въ себѣ кое-что еще не испытанное въ собственномъ опытѣ. Второе, это — «общее я», которое мыслится такимъ образомъ, что оно охватываетъ общіе элементы представленія «я» и «другой» на всякой данной ступени прогресса въ діалектикѣ личнаго развитія. Это «я» я и разумѣю подѣ «соціальнымъ я», когда говорю о немъ, какъ объ организованномъ мышленіи. «Общее я» всегда является «соціальнымъ». Точно такъ же и «идеальное я», разсматриваемое со стороны своего фактическаго содержанія, которое, какъ я сказалъ выше, совпадаетъ съ содержаніемъ «общаго я». Но поскольку оно «идеально», оно обнимаетъ какіе-нибудь дополнительные проективные элементы, еще не организованные въ опытѣ. Словомъ, «соціальное я» является въ одно и то же время и «общимъ я», и—въ силу непрерывности діалектическаго процесса — носителемъ «идеальныхъ» цѣнностей. Въ этомъ заключается смыслъ и особенность «проективнаго»,—почему я и былъ вынужденъ принять этотъ терминъ, — что существуетъ такое пониманіе цѣнностей или достоинства, всегда опережающее фактическое развитіе «общаго»¹⁾).

И потому меня удивляетъ заявленіе проф. Тѣфтса, что я не отдаю должнаго «понятіямъ цѣнности». Всѣ соображенія, высказываемыя въ первыхъ главахъ настоящей книги относительно происхожденія соціальнаго сужденія, приводятъ къ соціальному опредѣленію нравственныхъ цѣнностей. Соціальныя сужденія о цѣнности играютъ все время важную роль. Что я признаю значеніе соціальнаго одобренія, соціальныхъ критеріевъ и т. д., — это составляетъ отличительную черту моей книги. Я ставлю въ одинаковой мѣрѣ ребенка и генія, учителя нравственности и проповѣдника соціаль-

¹⁾ Теорія значеній, разработанная въ моей книгѣ *Thought and Things*, т. I, гл. VII—IX, выводитъ различныя стороны значенія, обозначаемыя словами «общій», «идеальный», «универсальный» и т. д.

ныхъ реформъ въ тѣсную зависимость отъ социальныхъ провѣрокъ цѣнности. Боюсь, что проф. Тѣфтсъ — если я его понимаю — изъ-за деревьевъ не замѣтилъ здѣсь лѣса. Быть можетъ, онъ относитъ все, что я говорилъ по этому поводу о «внушеніи», исключительно къ «закону и власти», но я не имѣлъ этого въ виду.

Напротивъ, въ замѣчаніяхъ проф. Тѣфтса объ отсутствіи элемента «цѣнности» въ области самопроизвольнаго желанія и социальной санкціи обнаруживается, какъ мнѣ кажется, дѣйствительная разниа между взглядами проф. Тѣфтса и моими; но я не могу здѣсь вдаваться въ разборъ этой разницы. Возможно, что отчасти она зависитъ отъ различнаго употребленія слова «цѣль».

Что касается до той черты, которую я называлъ «разумной застѣнчивостью», то, на основаніи различныхъ сообщеній своихъ корреспондентовъ, я убѣжденъ, что у моихъ дѣтей она развилась раньше, чѣмъ у многихъ другихъ. Въ новыхъ изданіяхъ обѣихъ своихъ книгъ я говорю, описывая эту эпоху, «въ три года и позднѣе», а не «на второмъ и третьемъ году», какъ говорилъ раньше. Такъ какъ именно изъ этой «разумной застѣнчивости» развивается впослѣдствіи самосознательная скромность, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что, раньше или позднѣе, она существуетъ. Если что-нибудь здѣсь требуетъ выясненія, такъ это — вопросъ о существованіи нѣкотораго промежуточнаго періода (обнаруживавшагося у обѣихъ моихъ дѣвочекъ), когда болѣе или менѣе сближаются первоначальныя и позднѣйшія проявленія застѣнчивости ¹⁾.

Въ заключеніе я долженъ выразить особенную благодарность проф. Тѣфтсу за тонкій комплиментъ, содержащійся въ словахъ: «Но я увѣренъ, что немногія дѣти развиваются въ такой благопріятной нравствен-

¹⁾ Сообщенія, полученные мною отъ различныхъ корреспондентовъ, въ большой мѣрѣ подтверждаютъ мои наблюденія и по настоящему вопросу.

ной атмосферѣ, какъ тѣ дѣти, которыхъ наблюдалъ авторъ»,—если только онъ не лишаетъ цѣнности этотъ комплиментъ, говоря, что онъ не зналъ, что дѣти, которыхъ я наблюдалъ, были моими собственными дѣтьми.

II. Отвѣтъ профессору Дьюи.

Статья моего друга, проф. Дьюи, по поводу моей книги ¹⁾ заслуживаетъ вниманія, какъ по содержащимся въ ней обстоятельнымъ разсужденіямъ, такъ и въ виду того факта, что авторъ ея въ нѣкоторой степени не уловилъ моей дѣйствительной точки зрѣнія. Вслѣдствіе ошибочнаго пониманія его подробная критика утрачиваетъ ту поучительность, которую могла бы имѣть, а также—рѣшаюсь сказать—кое-что изъ своей остроты. Это я и намѣренъ показать ниже. На самомъ дѣлѣ, проф. Дьюи ошибочно принялъ выступъ на моей бронѣ за слабое мѣсто и, направивъ на него свои удары, въ значительной степени, какъ мнѣ кажется, испортилъ свое оружіе ²⁾.

Чтобы дѣйствительно понять мою книгу, для этого совершенно необходимо два условія: 1) надо понимать, что мой методъ — методъ генетическій, и 2) что выводы, къ которымъ я прихожу, представляютъ собою, какъ и выводы всякой генетической науки, эмпирическія обобщенія, а не метафизическія объясненія.

¹⁾ Въ журналѣ The Philosophical Review, іюль 1898.

²⁾ Укажу еще на статью Дьюи по поводу моей книги въ журналѣ New World, сентябрь, 1898 г.; я нахожу, что здѣсь онъ правильнѣе истолковываетъ мои мысли. Въ другомъ мѣстѣ (въ предисловіи къ настоящему изданію), я ссылаюсь на статью проф. Колдуэлла, содержащую отвѣтъ на нѣкоторыя критическія замѣчанія Дьюи. Я надѣюсь, что если онъ самъ или кто-либо изъ читателей найдетъ въ этомъ „отвѣтѣ“ что нибудь кромѣ дружелюбнаго, социальнаго, «взаимнаго обмѣна», то мои извиненія предудреждать осужденія съ ихъ стороны.

Я не пытаюсь говорить ни о томъ, что такое индивидуумъ или общество, ни о томъ, какимъ образомъ они возможны; я пытаюсь только сказать, каковъ законъ ихъ эволюціи, и путемъ какого соотношенія фактовъ или какой связи между индивидуумомъ и обществомъ этотъ законъ эволюціи претворяется въ дѣйствительность. Не трудно показать, что проф. Дьюи не выполняетъ обоихъ этихъ условій. Я буду говорить сперва о второмъ, такъ какъ большой «кругъ» противорѣчій, который проф. Дьюи констатируетъ въ самомъ началѣ, свидѣтельствуетъ объ ошибочномъ пониманіи обоихъ указанныхъ пунктовъ.

Проф. Дьюи ставитъ мнѣ въ вину сложное противорѣчивое разсужденіе, которое, будто бы, я самъ «точно» выразилъ въ слѣдующей выдержкѣ ¹⁾: «Словомъ, я не вижу, какъ личность ребенка можетъ быть выражена иначе, чѣмъ съ помощью социальнихъ данныхъ, ни, съ другой стороны, какъ социальныя данныя могутъ получить какое-либо цѣнное содержаніе иначе, чѣмъ путемъ пониманія развивающагося индивидуума. Разумѣется, это — круговое опредѣленіе, но именно на этомъ я и настаиваю. Съ одной стороны, мы не можемъ получить никакого ученія объ обществѣ иначе, чѣмъ выяснивъ психологію «товарища» со всей ея естественной исторіей; а, съ другой стороны, мы не можемъ прійти къ какому-либо правильному взгляду на «товарища» въ опредѣленную эпоху, не охарактеризовавъ социальнихъ условій, въ которыхъ

¹⁾ Кто читалъ статью проф. Дьюи, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что послѣ каждого констатирования противорѣчія, онъ говоритъ: «По обыкновенію, Болдуинъ признаетъ все это въ другомъ мѣстѣ» (стр. 403 его статьи; дальнѣйшія указанія страницъ также относятся къ его статьѣ, если не сдѣлано оговорки). Мой отвѣтъ можетъ быть особенно кратокъ въ виду того, что я разсмотрѣлъ почти всѣ вопросы, поднимаемые профессоромъ Дьюи. То, о чемъ говорится въ этихъ вопросахъ, не только признается генетическою точкой зрѣнія, какой требуетъ моя «діалектика развитія», но это именно и составляетъ ее основу.

онъ обычно живетъ, и не описавъ исторію ихъ воздѣйствія на него» («Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія», стр. 21). Проф. Дьюи прибавляетъ, что это «признаніе круга дѣлаетъ честь чистосердечію автора, но не устраняетъ противорѣчія» (стр. 401).

Если принять заявленіе проф. Дьюи, что именно эту выдержку онъ имѣетъ въ виду (фактъ, въ которомъ я иначе совсѣмъ не былъ бы увѣренъ, даже послѣ его объясненій), то становится очевиднымъ, насколько не-вѣрно онъ понялъ теорію, изложенную въ моей книгѣ. Въ приведенной выше выдержкѣ я подчеркнул слова въ двухъ мѣстахъ, говорящихъ именно о тѣхъ двухъ необходимыхъ условіяхъ, которыя были мною только что указаны. Слова «но именно на этомъ я и настаиваю» (и моя книга, въ сущности, совершенно бесполезна, если это положеніе, въ концѣ-концовъ, оказывается не установленнымъ) указываютъ, что «кругъ» здѣсь носитъ совсѣмъ не логическій характеръ; это — кругъ матеріальный. Я не только не выпадаю въ логическій кругъ, но, наоборотъ, все время опредѣленно говорю о матеріальномъ круговомъ процессѣ взаимнаго обмѣна. Развитіе пониманія личности (именно, какъ личности) я ставлю, по существу, въ зависимость отъ соціальнаго усвоенія и эективного истолкованія¹⁾, а это — полный фактический кругъ.

¹⁾ Подражательнаго! — несмотря на опасенія проф. Дьюи, связанные съ этимъ словомъ (стр. 402, прим.). Я полагаю, большинство читателей легко поймутъ, чтѣ значить «приписывать путемъ подражанія другимъ свои собственныя черты». Это значить представлять себѣ въ другомъ человѣкѣ такое же содержаніе, какое имѣется въ представленіяхъ о собственномъ «я», и при этомъ выполнять тѣ подражательныя дѣйствія, съ которыми такіа представленія сопряжены. Если представленіе о своемъ «я» я получаю подражая другимъ, то я могу воскресить его либо въ формѣ «я», либо въ формѣ «другой», снова выполняя соотвѣтствующія подражательныя дѣйствія. См. сказанное ниже по поводу понятія «общій», какъ нѣкотораго двигательнаго положенія (см. также гл. XIII).

И именно благодаря этому фактическому кругу, если смотрѣть на него съ объективной точки зрѣнія, образуется общество, съ его узами публичности и т. д. Мѣнять свою точку зрѣнія при разсмотрѣніи такого процесса, самая природа котораго требуетъ двухъ точекъ зрѣнія, — это не значитъ впадать въ своихъ разсужденіяхъ въ порочный кругъ. Это — попытка установить нѣчто матеріальное ¹⁾).

Итакъ, «основное» замѣчаніе проф. Дьюи и многое, что изъ него вытекаетъ, утрачивается, такимъ образомъ, свое значеніе. Предполагая, что я впадаю въ логическій порочный кругъ, онъ приписываетъ мнѣ мысль о такомъ различіи между обществомъ и индивидуумомъ, какое надо было бы признавать, если дѣйствительно допустить указанную ошибку. Иначе говоря, я оказываюсь индивидуалистомъ, который признаетъ,

1) Двѣ точки зрѣнія, которыя проф. Дьюи называетъ — по моему мнѣнію, неудачно — точкою зрѣнія процесса (психологическою) и точкою зрѣнія содержанія (соціологическою) — термины «субъективный» и «объективный» гораздо лучше, такъ какъ «содержаніе» является, въ дѣйствительности, психологическимъ, — эти двѣ точки зрѣнія я не только признаю, но значительная часть моей работы (въ кн. I и II) основана на нихъ (несмотря на преднамѣренную «смѣну» ихъ въ нѣкоторыхъ главахъ). Если проф. Дьюи требуетъ (стр. 400), чтобы были «психологически выведены» понятія сознательной личности и т. д., съ точки зрѣнія «содержанія», обвиняя меня въ томъ, что я этого не сдѣлалъ, то я не понимаю, какимъ образомъ это возможно. Если онъ имѣетъ въ виду соціологическое, т.-е. антропологическое построеніе, то отъ такового я опредѣленно отказался по своей некомпетентности; и въ этомъ нѣтъ надобности, разъ я съ достаточной прямою заявилъ, что стараюсь освѣтить вопросъ объ обществѣ, исходя изъ психологическаго развитія индивидуума. Мнѣ оставалось бы изслѣдовать, если бы я былъ къ этому способенъ, дѣйствительно ли методомъ соціологической эволюціи была «діалектика соціальнаго развитія», которую я нахожу аналогичною «діалектикѣ личнаго развитія», и на мысль о которой наталкиваетъ послѣдняя. (Разграниченіе точекъ зрѣнія проведено въ гл. XIII, посвященной подражанію, гдѣ говорится о «соціальномъ» или объективномъ и «психическомъ» или субъективномъ подражаніи).

что индивидуумы независимы отъ общества, а общество противоположно индивидуумамъ, и который впадаетъ въ порочный кругъ, опредѣляя послѣ такого признанія общество посредствомъ индивидуумовъ и индивидуумовъ посредствомъ общества. Трудно было бы представить въ болѣе ошибочномъ видѣ занятое мною положеніе. Я нигдѣ не признаю такихъ индивидуумовъ и не отрицаю ихъ общительности; я нигдѣ не дѣлаю предположеній объ обществѣ, независимомъ отъ индивидуумовъ; я не упускаю случая протестовать противъ именно такихъ предположеній. Выдержка, которую приводитъ проф. Дьюи, и которая будто бы «даже еще яснѣе» показываетъ, что «отрицается общительность индивидуумовъ», — эта выдержка абсолютно ложно понята. Я говорю, разсматривая эгоизмъ ребенка, а вовсе не обдуманная дѣйствія взрослого человѣка, что «ребенокъ долженъ развиваться, чтобы сдѣлаться индивидуумомъ; это необходимо для него во всякомъ случаѣ; все, чего онъ можетъ достигнуть сверхъ этого въ качествѣ добраго, или умнаго, или социальнаго индивидуума, — все основано на этомъ первомъ условіи». Этимъ я хотѣлъ сказать, что для ребенка важно знать, какъ надо дѣйствовать при самозащитѣ и нападеніи, чтобы жить: вѣдь для его будущей социальной карьеры довольно важно, чтобы онъ оставался живъ. И потому ему даны органическія и самопроизвольныя реакціи для личныхъ мнимо-эгоистическихъ дѣйствій. Но проф. Дьюи понялъ это такъ, будто я говорю, что существуетъ зрѣлый индивидуумъ, который еще не является социальнымъ, но какимъ-то образомъ долженъ сдѣлаться социальнымъ. Наоборотъ, такой ребенокъ совсѣмъ не является личностью, не является индивидуумомъ; я опредѣленно говорю, что его собственное самосознаніе еще не сформировалось. Долженъ признаться, что подобное чтеніе моей книги представляется мнѣ очень удивительнымъ¹⁾.

¹⁾ Такъ, на стр. 403 онъ говоритъ: «Намъ просто говорить, что существуетъ индивидуумъ, не являющійся социальнымъ»,—а

Точно такъ же невѣрно, будто я «безсознательно постулирую» общество (стр. 401). Я опредѣленно и сознательно постулирую общество, въ антропологическомъ или социологическомъ смыслѣ, и говорю, что всякій индивидуумъ на той стадіи, къ которой онъ принадлежитъ въ зрѣломъ возрастѣ, является отраженіемъ общества, состоящаго изъ сходныхъ съ нимъ индивидуумовъ; этимъ путемъ должна идти всякая генетическая наука, какъ я ниже объясню болѣе подробно. Когда Дьюи говоритъ: «если бы не это безсознательное допущеніе, мы имѣли бы передъ собою абсолютно числовой индивидуалистическій взглядъ», — я съ этимъ согласенъ, если только сказать «сознательное и необходимое допущеніе». Вещи развиваются не скачками, а изъ предшествующихъ стадій; но когда проф. Дьюи дѣлаетъ отсюда выводъ, приписывая мнѣ слѣдующее: «Мысль индивидуума сама по себѣ не имѣетъ социальнаго характера; но другіе индивидуумы начинаютъ точно такъ же мыслить, и тогда возникаетъ общество», — я прихожу въ полнѣйшее недоумѣніе. Если бы онъ сказалъ: «тогда мысль получаетъ значеніе социальнаго матеріала, поскольку вызываемая ею дѣйствія имѣютъ личную цѣнность и личное отношеніе», — онъ вѣрно передалъ бы содержаніе того отрывка, на который онъ ссылается.

Возьмемъ примѣръ изъ области физиологіи. Предположимъ, что какой-нибудь авторъ задается вопросомъ о томъ, какъ совершается физиологическое развитіе. Онъ находитъ, что существуетъ извѣстный порядокъ измѣненій, благодаря которымъ получаютъ тѣ или иные морфологическіе результаты. Эти измѣненія могутъ разсматриваться съ химической или физической точки зрѣнія. Въ первой части своей работы нашъ

между тѣмъ такое утвержденіе не сдѣлано и не подразумѣвается ни въ той выдержкѣ (стр. 402), откуда проф. Дьюи его извлекаетъ, ни въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ моей книги. Лица антиобщественныя, преступники и душевно-больные, опредѣленно мною исключены.

авторъ занимается химическими процессами, совершающимися въ животномъ организмѣ, а вторую часть онъ посвящаетъ функціональнымъ фізіологическимъ измѣненіямъ. Можно ли поставить ему въ вину, что изъ двухъ подлежащихъ опредѣленію вещей, онъ каждую опредѣляетъ при посредствѣ другой, если онъ говоритъ, что функціональныя измѣненія, которыя могутъ быть охарактеризованы только съ фізіологической точки зрѣнія, требуютъ опредѣленныхъ химическихъ измѣненій, и что химическія измѣненія въ какомъ-либо органѣ зависятъ отъ фізіологическаго дѣйствія этого органа? Можемъ ли мы сказать далѣе, что, признавая химическія измѣненія, нашъ авторъ становится «атомистомъ» въ морфологіи, а признавая функціональныя измѣненія, становится «органистомъ», и что его попытка объединить оба начала только подчеркиваетъ существующее между ними противорѣчіе? Я полагаю, онъ отвѣтилъ бы, что для всякаго, кому знакома дѣйствительная проблема развитія, ясно, что развитіе организма фактически — матеріально — представляетъ собою именно такого рода высшую организацію химическихъ матеріаловъ въ фізіологической формѣ. А если бы кто-нибудь сталъ долбить ему, что онъ — атомистъ, онъ воскликнулъ бы: «Ступай прочь! Перечти еще разъ то, что мною написано. А если ты, мой критикъ, рѣшаешься быть философомъ, то пересмотри снова теорію Аристотеля о матеріи и формѣ».

Проф. Дьюи говоритъ: «Какимъ образомъ матеріаль, который самъ по себѣ не является соціальнымъ (изобрѣтенія индивидуума), можетъ сдѣлаться соціальнымъ благодаря процессу (подражанія), который тоже не носитъ соціальнаго характера, — этого я не вижу». Но именно это происходитъ всегда, когда явленія низшаго порядка преобразуются въ болѣе высокую организацію. Это происходитъ въ фізіологіи, и это же происходитъ здѣсь. Подражаніе не является соціальнымъ, пока оно не служитъ средствомъ для орга-

низации извѣстнаго рода матеріала; а матеріаль не является соціальнымъ, пока онъ не организуется посредствомъ подражанія. Я утверждаю, что представленія о «я», организованныя путемъ подражанія, и составляютъ сущность того, чтѣ является соціальнымъ¹⁾.

Обращаясь къ другому общему положенію, — о необходимости встать на генетическую точку зрѣнія, — я нахожу, что и здѣсь также проф. Дьюи далеко не попадаетъ въ цѣль²⁾. Я подчеркивалъ второе мѣсто въ приведенной выдержкѣ изъ моей книги, которую онъ цитируетъ, чтобы доказать наличность у меня противорѣчія; я говорю: «мы не можемъ прійти къ какому-либо правильному взгляду на «товарища» въ опредѣленную эпоху, не охарактеризовавъ соціальныхъ условій, въ которыхъ онъ обычно живетъ и т. д.». Слова «въ опредѣленную эпоху» указываютъ на то, о чемъ ясно говорится во всей книгѣ, отъ первой до послѣдней ея страницы. Если мы должны признавать, съ одной стороны, существованіе вполне готоваго индивидуума, а съ другой — существованіе вполне готоваго общества, а также антагонизмъ между ними, который мы призваны тѣмъ или инымъ способомъ устранить, — словомъ, все то, чтѣ я назвалъ «несуразною выдумкой», — тогда, конечно, мы не имѣемъ права объяснять, что одна изъ этихъ величинъ «въ опредѣленную эпоху» или на опредѣленной стадіи развитія опредѣляется элементами другой величины, находящейся въ какой-либо иной стадіи развитія. Если же мы изучаемъ извѣстный прогрессъ, эволюцію съ генетической точки зрѣнія, если мы уже опредѣлили существенную взаимную зависимость участвующихъ здѣсь элементовъ, тогда не только законно, но необходимо

1) При чемъ продуктъ инстинктивнаго стаднаго сотрудничества мы называемъ «собраніемъ», въ противоположность «обществу».

2) Однако, въ этомъ отношеніи существуетъ странная разница между разбираемой сейчасъ замѣткой и статьей въ журналѣ New World.

для достиженія истины, чтобы мы на всякой стадіи, въ каждую «опредѣленную эпоху» выясняли ту роль, которая принадлежитъ каждому изъ этихъ элементовъ во всемъ процессѣ. Развитіе индивидуума въ качествѣ личности, это — фактъ, являющійся, по моему мнѣнію, въ одно и то же время и личнымъ, и социальнымъ; а социальное положеніе является въ каждую эпоху отраженіемъ развитія индивидуума въ качествѣ личности. Такимъ образомъ, генетическое изслѣдованіе должно именно прослѣдить зигзагообразную линію или спиральную кривую этого процесса, то рассматривая общество съ точки зрѣнія индивидуума, то обращаясь къ индивидууму и рассматривая его съ точки зрѣнія общества. И меня, опять-таки, поражаетъ, что гегельянецъ можетъ, хотя бы на одну минуту, требовать, чтобы противорѣчіе въ элементахъ нѣкоторой сложной группы явленій рассматривалось чисто - статически, какъ не разрѣшающееся въ болѣе высоко организованное единство. Отстаивать подобную позицію значило бы отвергать всю эволюціонную теорію; это значило бы — что должно звучать болѣе тяжкимъ обвиненіемъ въ ушахъ моего критика — разрушать также гегелевскую «философію духа», равно какъ и его «философію природы». Я такъ озабоченъ тѣмъ, чтобы моя книга не попала въ подобное положеніе, что перепечатаваю здѣсь слѣдующую выдержку изъ доклада проф. Гёффдинга Датской Академіи, гдѣ говорится о методѣ моей работы ¹⁾).

« ... Изслѣдованія, повидимому, распадаются... на три категоріи... Въ третью категорію входитъ только одно изслѣдованіе... Благодаря примѣненному въ немъ методу, оно вноситъ новый свѣтъ въ разрѣшеніе поставленнаго вопроса и, благодаря этому, значительно приближаетъ его къ разрѣшенію... Эта... работа начинается съ изслѣдованія отношеній, существующихъ

¹⁾ Bulletin of the Royal Academy of Science and Letters of Denmark за 1896 г., изд. 1897 г., стр. VII—XVII.

между индивидуумомъ и обществомъ. Пользуясь наблюденіемъ и анализомъ, авторъ изучаетъ развитіе сознанія у индивидуума, и это изученіе касается одновременно, какъ той стороны сознанія, которая относится къ чисто индивидуальному существованію, такъ и той, которая относится къ обществу, большому или малому, гдѣ живетъ индивидуумъ... Основная мысль, которую авторъ старается обосновать съ помощью генетическаго метода, заключается въ томъ, что существуетъ извѣстное соотвѣтствіе и постоянное соотношеніе между чисто-индивидуальной частью сознанія какого-либо лица и той частью, которая развивается подъ вліяніемъ общества. Съ самаго начала понятіе о собственномъ «я», которое складывается у индивидуума, составляется по образцу того, что онъ узнаетъ отъ другихъ или что усваиваетъ отъ другимъ путемъ подражанія; а образовавшіяся такимъ путемъ понятія, въ свою очередь, опредѣляютъ собою тѣ понятія, которыя складываются у него о другихъ, и связанныя съ этими понятіями ожиданія. Или, употребляя терминологию автора, существуетъ извѣстное взаимодействіе или постоянное круговое движеніе, которое начинается съ «проекта» (понятія, вызываемаго поведеніемъ другихъ), переходитъ къ «субъекту» (понятію, какое индивидуумъ имѣетъ о самомъ себѣ), а затѣмъ къ «эекту» (новому представленію или ожиданію, относящемуся къ другимъ) и обратно. Именно при посредствѣ этого процесса, въ особенности же благодаря вліянію «проекта», вступаетъ въ силу то, что авторъ называетъ «соціальной наслѣдственностью». Только будучи поддержаны и подкрѣплены соціальной наслѣдственностью, могутъ оказывать важное вліяніе на развитіе индивидуума наклонности, обусловленныя физической наслѣдственностью. Индивидуумъ является скорѣе продуктомъ общества, чѣмъ общественною единицей. Но это — только одна сторона истины, какъ показываетъ далѣе авторъ. Ибо индивидуумъ никогда не остается пассивнымъ подъ дѣйствіемъ внушеній и побужденій, даваемыхъ

окружающей социальной средою. Дѣло не обстоитъ такъ, что «проектъ» просто превращается въ «субъектъ», а «субъектъ» — въ «эектъ». Чтò индивидуумъ принимаетъ, то онъ перерабатываетъ различными толкованіями и комбинаціями: социальная наслѣдственность изъ общей становится частною. Изобрѣтаніе сопутствуетъ подражанію; иногда преобладаетъ одно, иногда — другое; и въ этомъ отношеніи существуютъ большія различія между индивидуумами. Когда умъ переходитъ отъ «проекта» и «субъекта» къ «эекту», онъ всегда испытываетъ потребность провѣрить новыя комбинаціи или данныя, полученные путемъ превращенія общаго въ частное, сопоставляя ихъ съ дѣйствительнымъ опытомъ. «Проектъ» можетъ быть выставленъ въ качествѣ идеала для субъекта, а субъектъ, въ свою очередь, съ его данными, полученными путемъ превращенія общаго въ частное—въ качествѣ идеала для «эекта»; и именно благодаря такому соотношенію становятся возможны нравственные конфликты.

«Съ помощью этого психологическаго анализа, авторъ готовится къ подробному разсмотрѣнію поставленнаго вопроса (см. предисловіе къ первому изданію). Изслѣдуя общество, чтобы открыть и опредѣлить его отношенія къ индивидууму, онъ находитъ, что социальныя организаціи сами являются извѣстными формами и накопленіями работы индивидуумовъ. И потому неправильно съ самаго начала устанавливать коренное противорѣчіе между индивидуумомъ и обществомъ. Мы должны различать, говоритъ онъ, два вида социальныхъ силъ: однѣ силы участвуютъ въ организаціи социального тѣла (въ законахъ, обычаяхъ, нравахъ и учрежденіяхъ общества); другія проявляются въ дѣятельности индивидуума, посредствомъ которой онъ комбинируетъ и превращаетъ общее въ частное,— дѣятельности, существующей на всѣхъ ступеняхъ, начиная съ идіота и кончая гениемъ. То, чтò обычно называютъ «обществомъ», — это есть обобщающая социальная сила; а то, чтò обычно называютъ «индивиду-

умомъ», — это есть социальная сила, превращающая общее въ частное. Соціальное развитіе получается вслѣдствіе соотвѣтствія и согласованія этихъ двухъ силъ. Индивидуальныя видоизмѣненія и данныя, полученные путемъ превращенія общаго въ частное, дѣлаютъ возможными видоизмѣненія въ социальной организации, если общество способно обобщать новые элементы, вводимые индивидуальными видоизмѣненіями. Но индивидуальныя видоизмѣненія не появляются случайно и въ произвольномъ направленіи (это авторъ старается показать при помощи спеціальнаго психологическаго и біологическаго изслѣдованія); ходъ и направленіе видоизмѣненій ограничены физической и социальной наслѣдственностью, и новый элементъ, появившійся въ качествѣ видоизмѣненія, самъ долженъ представлять собою нѣкоторое частное, полученное изъ прежнихъ обобщеній. Въ развитіи общества — совершенно такъ же, какъ и въ развитіи индивидуальнаго сознанія — всегда происходитъ непрерывное движеніе между двумя полюсами.

«Такимъ образомъ устанавливается гармоническое соотвѣтствіе и согласованность между обѣими социальными силами, которыя обычно считаются противорѣчащими другъ другу, — между индивидуумомъ и обществомъ. Но, по мнѣнію автора, такая согласованность не всегда существуетъ на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе столкновенія обѣихъ социальныхъ силъ могутъ возникать конфликты въ практической жизни и неразрѣшимые вопросы въ теоріи. Ибо въ индивидуумѣ всегда есть нѣчто, что не можетъ быть обобщено, а въ обществѣ — нѣчто, что не можетъ быть превращено изъ общаго въ частное. Покуда продолжается нормальное социальное развитіе, во всякое время могутъ возникать трагическіе конфликты, заключающіеся въ нравственныхъ протестахъ противъ социальнаго порядка. Такое состояніе напряженія между обѣими социальными силами авторъ называетъ «конечною и неразрѣшимую антиноміей общества». Между этой антиноміей и гар-

моническимъ взаимодействіемъ есть много промежуточныхъ формъ.

«Несомнѣнно, поднятый вопросъ могъ бы и долженъ былъ бы разсматриваться съ большаго числа точекъ зрѣнія, чѣмъ это сдѣлано у автора благодаря его широкому примѣненію психологическаго и генетическаго метода. Но своимъ оригинальнымъ, глубокимъ и проницательнымъ примѣненіемъ этого метода онъ, дѣйствительно, придалъ ясность тѣмъ понятіямъ, которыми надо пользоваться при изученіи даннаго вопроса, и, благодаря этому, значительно приблизилъ его разрѣшеніе. Послѣднія части работы, гдѣ прилагаются добытые при помощи указаннаго метода результаты, чрезвычайно кратки, не только сами по себѣ, но и по сравненію съ первыми частями, которыя составляютъ очень полный психологическій очеркъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ съ достаточной ясностью указываетъ тѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ его изысканій для поставленнаго вопроса».

Мѣсто не позволяетъ мнѣ приложить эти замѣчанія ко всѣмъ пунктамъ той критики, которая исходитъ отъ проф. Дьюи. Я думаю, читатель въ большинствѣ случаевъ увидитъ, какимъ образомъ генетическая и матеріальная точки зрѣнія устраняютъ всякія затрудненія¹⁾. Напримѣръ, мнѣ говорятъ, что мой взглядъ на «публичный» характеръ нравственнаго чувства противорѣчивъ, такъ какъ онъ является «количественнымъ» (потому, что учитываетъ знакомство другихъ съ даннымъ положеніемъ) и въ то же время «качественнымъ» (потому, что считается съ нѣкоторымъ «идеаломъ»). Оставляя фактическую сторону дѣла²⁾, я

1) Я возражаю, однако, противъ большей части критическихъ замѣчаній въ послѣдующихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

2) Утвержденія: «Публичность заключается въ томъ, что однимъ и тѣмъ же содержаніемъ фактически обладаютъ два дѣйствующихъ лица или болѣе» и «Какая-нибудь мысль, первоначально не имѣвшая нравственнаго характера, приобретаетъ его, когда человѣкъ знаетъ, что кто-нибудь другой принимаетъ эту мысль»—эти поло-

не вижу здѣсь непоследовательности. Если идеаль представляет собою синтезъ понятій «я» и «другой», достигнутый благодаря фактическому соціальному общенію и обмѣну сужденіями, тогда учитываніе идеала становится на мѣсто соціальнаго общенія. Но это учитываніе идеала всегда можетъ быть подтверждено конкретно и въ отношеніяхъ собственнаго «я» только подлинно соціальными путями. Личное сужденіе въ этическихъ вопросахъ «все менѣе и менѣе нуждается въ обращеніи къ какому-либо (внѣшнему) авторитету», но его внутренній авторитетъ всегда обреченъ въ конкретныхъ случаяхъ на такое обращеніе. Въ приведенномъ проф. Дьюи примѣрѣ («надежнѣйшимъ признакомъ того, что какое-нибудь намѣреніе дурно, служить для насъ нашъ страхъ, какъ бы кто-нибудь другой не узналъ о немъ»), дѣйствительно, имѣется мысль о томъ, что кто-нибудь другой знаетъ; кромѣ того, этотъ примѣръ не говоритъ противъ генетической истины, что сужденіе объ определенномъ дѣйствіи возникло у насъ благодаря другимъ случаямъ, когда мы, дѣйствительно, знали сужденія другихъ людей. Что касается до свидѣтельства того, что другіе знаютъ о нашемъ поступкѣ, то я въ своей книгѣ (§§ 198 и сл.) позаботился сказать только по поводу отрицательнаго случая (т.-е., когда мы знаемъ, что дѣйствіе является чистолчнымъ), что въ этомъ случаѣ наше нравственное разумѣніе повреждено; я не говорилъ, что мы требуемъ свидѣтельства въ положительномъ случаѣ. Въ отрицательномъ случаѣ факты наносятъ ущербъ даннымъ нравственнаго синтеза; въ положительномъ случаѣ прежній опытъ подкрѣпляетъ нравственное сужденіе безъ помощи такого прямого свидѣтельства.

женія вмѣстѣ съ указаніемъ на «нравственное законодательство, создаваемое большинствомъ» (стр. 407—408 статьи проф. Дьюи), по справедливости, не могутъ быть мнѣ приписаны ни съ какой точки зрѣнія.

Только въ двухъ пунктахъ замѣчанія проф. Дьюи, по моему мнѣнію, затрогиваютъ суть дѣла. Одинъ изъ нихъ (стр. 405—406) — тотъ же, о которомъ говоритъ проф. Тѣфтсъ, и по поводу котораго я далъ отвѣтъ выше въ настоящемъ приложеніи (ср. также § 170, прим.). Рѣчь здѣсь идетъ о томъ, что общее можетъ быть лишеннымъ формы, не дифференцированнымъ, и въ то же время представлять собою обобщеніе конкретныхъ мыслей. Я считаю, что въ общемъ всегда имѣется нѣчто большее, чѣмъ содержаніе, представленное объективными данными; въ немъ есть стремленіе впередъ, «перспективное» отношеніе, извѣстное устремленіе, которое, какъ таковое, еще не дифференцировано. Въ общемъ «я» это — «проективная», еще не усвоенная часть личнаго матеріала, которая ставитъ образцы для подражанія и на высшихъ ступеняхъ развитія устанавливаетъ нравственные законы для ребенка¹⁾.

Другой пунктъ, затронутый проф. Дьюи, ставитъ слѣдующій вопросъ: выставляя теорію о тождественности содержанія у индивидуумовъ въ качествѣ необходимаго условія общительности, принимаю ли я въ расчетъ другую свою теорію, согласно которой общее понятіе, какъ таковое, является извѣстнымъ двигательнымъ отношеніемъ. Я отвѣчаю: конечно, принимаю въ расчетъ, и я далъ бы болѣе подробныя разъясненія по этому поводу, если бы не разсматривалъ психологію

¹⁾ Ср. замѣчаніе проф. Дьюи (стр. 405), что эективный процессъ иногда характеризуется въ качествѣ процесса, при которомъ «другой» служитъ матеріаломъ для упражненія, иногда же — въ качествѣ продукта социальнаго подтвержденія. Въ первомъ случаѣ содержаніе предполагается конкретное и вызывающее только привычку; во второмъ имѣется въ виду проективный образецъ для подражанія; послѣдній, однако, можетъ быть использованъ и усвоенъ только путемъ подражанія, которое теперь ведетъ къ приспособляванію. Кому не случалось видѣть, какъ ребенокъ сначала мучаетъ своего товарища, а затѣмъ углубляется въ себя и уясняетъ самому себѣ данное положеніе? Оба дѣйствія являются социальными, но они соотвѣтствуютъ различнымъ стадіямъ генетическаго процесса.

общихъ понятій въ ранѣе изданной своей книгѣ («Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода»). Тожественность содержанія является необходимымъ условіемъ для тождественности двигательныхъ (т.-е. личныхъ) отношеній, а въ послѣднихъ именно и заключается это общее «я» и социальное сознаніе. Въ главѣ, посвященной разсудку, я многократно подчеркиваю, что активныя отношенія, это — функции представленія. Разъ дана тождественность представленій о «я», отсюда вытекаютъ тѣ отношенія, изъ которыхъ слагается общая и социальная личность, — какъ бы ни было неудовлетворительно фактическое содержаніе для созданія общительности¹⁾. Замѣчанія проф. Дьюи носятъ словесный и логическій характеръ²⁾ и не считаются съ тѣмъ, что въ моихъ глазахъ является существеннымъ фактомъ, — именно, что въ самомъ мышленіи индивидуумъ доходитъ до общаго и идеальнаго отношенія къ «я» и вытекающаго отсюда социальнаго положенія. Не тождественность содержанія непосредственно создаетъ общительность, по моему мнѣнію, какъ предполагаетъ, повидимому, проф. Дьюи (стр. 399, 402, 403, 404), а усваиваемое индивидуумомъ общее отношеніе — независимо отъ того, опредѣляется ли тождественное содержаніе, какъ содержаніе представленія «я» или «другой» (ср. прил. Г.). Этимъ соображеніемъ и признаніемъ генетическаго метода совершенно уничтожается сила замѣчаній, сдѣланныхъ на стр. 402. Это и надо имѣть въ виду, когда проф.

1) См. замѣчаніе проф. Колдуэлла, который правильно признаетъ это соотношеніе существеннымъ моментомъ для психологій моего сочиненія. (*Americ. Journ. of Sociology*, сентябрь 1899 г.).

2) Ср. стр. 402, гдѣ все возраженіе касается употребленія слова «соціальный» въ двоякомъ смыслѣ: когда я говорю «социальная организація», я имѣю въ виду точку зрѣнія посторонняго наблюдателя, говоря же о «социальномъ толкованіи», я имѣю въ виду субъективную точку зрѣнія индивидуума. И этотъ двоякій смыслъ принимается за допускаемое мною смѣшеніе понятій. (См. также средній параграфъ на стр. 403).

Дьюи въ своихъ заключительныхъ выводахъ еще разъ говоритъ, что я удачно выставилъ три «противорѣчивыхъ» понятія о «товарищѣ». «Товарищъ» б¹⁾) — это есть содержаніе, тождественное конкретное представленіе, соотвѣтствующее представленіямъ «я» и «ты». Это — «товарищъ», поскольку данная личность имѣетъ какое-нибудь конкретное воплощеніе. Это — тождественное содержаніе въ каждомъ конкретномъ «я». «Товарищъ» а, это — ретроспективное, историческое, психологическое «я», которое испытывало удовольствія, страданія и т. д., сообщая съ другими лицами. Оно не является содержаніемъ, поскольку оно отлично отъ б; но содержаніе б, конечно, имѣется налицо для того, чтобы вызывать отношенія а. Это — привычное «я», господствующее надъ остальными «я». «Товарищъ» в, это — общее (въ качествѣ идеальнаго) «я», которое является «проективнымъ» и проспективнымъ; но и оно не есть содержаніе, такъ какъ оно представляетъ собою отношеніе, вызванное содержаніемъ а. Сказать, что эти три вещи противорѣчатъ другъ другу и уничтожаютъ другъ друга, — это нелѣпость, возможная развѣ только для какой-то выдуманной психологіи. Съ генетической точки зрѣнія, это — различныя стадіи процесса, совершающагося надъ нѣкоторымъ содержаніемъ. Существеннымъ для всѣхъ нихъ является извѣстное социальное положеніе, до котораго всякій индивидуумъ доходитъ путемъ своего личнаго развитія. Различныя части книги, гдѣ все это обсуждается, несомнѣнно, могли бы быть лучше написаны; но и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, онѣ не кажутся мнѣ непоследовательными.

Въ заключеніе скажу, что я не предполагаю, чтобы проф. Дьюи писалъ необдуманно или не желалъ быть справедливымъ, и я сожалею, что не нахожу его замѣчаній болѣе состоятельными. Если человѣкъ съ такимъ умомъ и сердцемъ, какъ онъ, столь ошибочно,

1) См. символы проф. Дьюи на стр. 409 его статьи.

на мой взглядъ, понялъ мои основныя предпосылки,— это заставляетъ меня предположить, что существуетъ какое-то коренное различіе между его «апперцепционной системой» и моею. Осмѣлюсь также прибавить, что писанія проф. Дьюи иногда кажутся мнѣ нѣсколько невразумительными. Напримѣръ, первый параграфъ на стр. 403 его статьи для меня абсолютно непонятенъ, за исключеніемъ словъ: «намъ просто говорятъ, что существуетъ индивидуумъ, который не является социальнымъ», — но это, вѣроятно, сказалъ ему кто-нибудь другой, только не я. Если это утвержденіе относится къ непосредственно передъ тѣмъ приведенной выдержкѣ изъ моей книги, гдѣ говорится, что миѣическою является личность съ безусловно социальнымъ характеромъ, т.-е. такая, чьи правила и санкціи абсолютно совпадали бы съ правилами и санкціями общества, — тогда передъ нами исключительно дикое и ничѣмъ не вызванное недоразумѣніе. Конечно, я разумѣю, что существуютъ различія въ общительности индивидуумовъ, и что наука должна предполагать нѣкоторую среднюю величину, — а также, что нельзя дѣлать выводовъ въ конкретныхъ случаяхъ, ибо среднія величины встрѣчаются рѣдко или никогда не встрѣчаются. Гдѣ же здѣсь утвержденіе объ «индивидуумѣ, который не является социальнымъ»?

Такъ и въ примѣчаніи къ тому же параграфу является, будто я говорю, «общество разрѣшаетъ ее только съ тѣмъ, чтобы ее возобновить» — по поводу «связи между индивидуумомъ и обществомъ». Поистинѣ, мнѣ приписывается здѣсь нѣчто бессмысленное. Въ дѣйствительности я говорю: «Конечный конфликтъ между индивидуумомъ и обществомъ всегда возможенъ. Онъ разрѣшимъ только благодаря развитію общества... и общество разрѣшаетъ его только съ тѣмъ, чтобы постоянно его возобновлять». Одна изъ задачъ настоящей книги состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ прогрессъ общества совершается благодаря постоянному разрѣшенію противорѣчій, созда-

ваемыхъ мыслями индивидуума, и что, создавая новыхъ мыслителей и новыя мысли, общество все снова и снова возобновляетъ противорѣчія въ другой плоскости. Если проф. Дьюи желаетъ, чтобы окончательно сгладились всѣ противорѣчія между индивидуумами и обществомъ, тогда я согласенъ съ нимъ: мои заключенія не даютъ такого завершенія; ибо часть моихъ заключеній состоитъ въ томъ, что противорѣчіе само является существеннымъ моментомъ соціального прогресса.

III. Отвѣтъ Бозенкету объ отбирающемъ мышленіи.

Бозенкетъ высказываетъ положительное замѣчаніе, что я не развилъ въ точности своего взгляда на процессъ приспособливанія путемъ отбора, благодаря которому «умъ можетъ приноравливать какой-нибудь законъ или принципъ, схему, взятую въ цѣломъ, и естественно и необходимо дифференцировать свои реакціи въ соотвѣтствіи съ значеніемъ даннаго принципа для представляющагося новаго положенія» (Mind, 1899, стр. 174). Мнѣ кажется, что это выяснено въ параграфѣ объ «отбирающемъ мышленіи» (§ 78) и въ предшествующихъ параграфахъ, посвященныхъ вопросу объ изобрѣтаніи (§§ 54—57); подробнѣе же это рассмотрѣно въ позднѣйшей моей рѣчи «President's Address» (напечатанной въ моей книгѣ Development and Evolution). Вкратцѣ скажу, что, по моему мнѣнію, въ каждомъ такомъ случаѣ «схема цѣлаго» сама представляетъ собою продуктъ прежняго активнаго приспособливанія (или многихъ приспособливаній); не только дѣйствіе является результатомъ отбора представлений, но и представленія являются слѣдствіемъ прежнихъ приноровленныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признавать готовую «схему цѣлаго» значитъ просто признавать прежнюю организацію, благодаря которой мыслящій

человѣкъ оказывается способенъ «схватить» новое положеніе. Общій процессъ, путемъ котораго совершается всякое приспособляваніе, долженъ итти глубже, чѣмъ идетъ предположеніе о нѣкоторомъ типѣ, не имѣющемъ никакого генезиса, — если только мы не введемъ сюда интуиціи или какой-либо иной формы «предустановленной гармоніи» между представленіями и вещами. На мой взглядъ, весь процессъ слагается изъ слѣдующихъ стадій: 1) отборъ дѣйствій, которыя являются цѣлесообразными при данномъ положеніи; 2) соотвѣтствующее и послѣдующее переживаніе представленій, являющихся функціями такихъ отобранныхъ дѣйствій, и 3) образовавшаяся такимъ путемъ система цѣлага, которая вносится въ новыя положенія; послѣдняя представляетъ лишь успѣхи ума, — сдѣланные въ томъ или иномъ направленіи — на двухъ ранѣ упомянутыхъ стадіяхъ его развитія. Словомъ, отвѣтомъ здѣсь можетъ служить формулированная въ § 57 и состоящая изъ двухъ частей психологическая истина, согласно которой а) «то, чтò мы дѣлаемъ, есть функція того, чтò мы думаемъ», и б) «то, чтò мы должны думать, есть функція того, чтò мы дѣлали», — если только мы допустимъ, что «функціональный отборъ» движеній среди видоизмѣненныхъ движеній, постоянно повторяющійся на все болѣе высокому уровнѣ, и есть тотъ методъ, при помощи котораго происходитъ двигательное приспособляваніе. По поводу приведеннаго Бозенкетомъ примѣра (указ. соч., стр. 174) — гдѣ рѣчь идетъ о постройкѣ новаго дома — я долженъ сказать, что планъ цѣлага составленъ изъ частей, изъ которыхъ каждая взята путемъ подражанія съ другихъ домовъ или плановъ домовъ, или же выбрана самимъ строителемъ изъ числа его собственныхъ разнообразныхъ мыслей съ помощью указаннаго выше процесса полученія новыхъ цѣлесообразныхъ комбинацій. Я не могъ бы желать лучшаго примѣра.

Не могу себѣ представить, почему Бозенкетъ сомнѣвается, по его словамъ, можно ли причислить мою

скромную особу къ «ассоціаціонистамъ». Всѣ опубликованныя мною психологическія работы, начиная съ первой, такъ діаметрально противоположны ассоціаціонизму, какъ только можетъ быть апперцепціонная теорія, основывающаяся на двигательномъ единствѣ и взаимодействіи. Я держусь также того мнѣнія, что Бозенкетъ найдетъ въ послѣднихъ работахъ Стаута, у котораго онъ заимствуетъ теорію «относительнаго внушенія», доказательство того, что названный способный авторъ склоненъ дополнить свои взгляды, съ генетической точки зрѣнія, теоріей двигательнаго отбора ¹⁾.

7343

¹⁾ Такъ какъ мы съ проф. Бозенкетомъ теперь (1906 г.) выяснили свои разногласія въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ The Psychological Review за 1902—1903 г. г., то интересующіеся читатели могутъ обратиться къ этому журналу.

„Московское Книгоиздательство“

Москва, 1-я Мещанская, д. 5., кв. 3. Телефонъ 18-48.

Октябрь 1913 г.

„ЗЕМЛЯ“.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. Леонидъ Андреевъ.—Проклятіе звѣря. Шоломъ Ашъ.—Грѣхъ. Иванъ Бунинъ.—Тѣнь птицы. Иванъ Бунинъ.—Изъ „Золотой Легенды“, Генри Лонгфелло. Борисъ Зайцевъ.—Крестовый походъ дѣтей. М. Швобъ. А. Купринъ.—Суламиѣ. А. Серафимовичъ.—Дочь. А. Ѳедоровъ.—Петля, рассказъ. Стихотворенія: А. Блока, С. Городецкаго, Н. А. Морозова, Е. Тарасова, Г. Чулкова, А. Ѳедорова.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ. Иванъ Бунинъ.—„Небо и Земля“, мистерія Байрона. Борисъ Зайцевъ.—Спокойствіе. Н. Крашенинниковъ.—Меблированныя комнаты. Н. Олигеръ.—Бѣлые лепестки. А. Ѳедоровъ.—Король Мустанговъ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ. В. Башкинъ.—Липы шумѣли. А. Купринъ.—Яма. Н. Олигеръ.—Осеннія пѣсни. Ѳедоръ Сологубъ.—Старый домъ.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (Освобожденъ отъ ареста). М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, ром., ч. I. Шоломъ Ашъ.—Земля. Евгенийъ Чириковъ.—Домъ Кочергиныхъ.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ (Наложень арестъ Моск. Комит. по дѣл. печати). В. Винниченко.—Честность съ собой. Евгенийъ Чириковъ.—Лѣсныя тайны.

СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ. С. Юшкевичъ.—„Miserere“. И. Сацъ.—Музыка къ драмѣ „Miserere“. А. Нилъ.—Мга. Н. Крашенинниковъ.—Жизнь Игнатія Ильича. А. Купринъ.—Гранатовый браслетъ.

СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ. М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, (Продолженіе). Д. Айзманъ.—Послѣ бури. Евгенийъ Чириковъ.—Шакалы.

СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ.—У послѣдней черты. (Окончаніе). Ѳедоръ Сологубъ.—Звѣриный бытъ. Евгенийъ Чириковъ.—Утро жизни. Саша Черный.—Первое знакомство.

СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Сильнѣе смерти. В. Винниченко.—На вѣсахъ жизни.

СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Деревянный чурбанъ. Семенъ Юшкевичъ.—Вышла изъ круга. Ѳедоръ Сологубъ.—Дымъ и пепелъ. Романъ, ч. I.

СБОРНИКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ. Леонидъ Андреевъ.—Профессоръ Сторицынъ. М. Арцыбашевъ.—О ревности. Ѳедоръ Сологубъ.—Дымъ и пепелъ. (Окончаніе).

СБОРНИКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Мститель. Н. Крашенинниковъ.—Дѣвственность.

СБОРНИКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Ревность (драма). Семенъ Юшкевичъ.—Леонъ Дрей.

Обложки работы И. Билибина.

Цѣна сборниковъ I-IV, VI-XII по 1 р. 50 к.

Подготавливаются къ печати сборники четырнадцатый и пятнадцатый.

Владимір Ленскій.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АНСТА. Подъ гнѣздомъ Анста. Невѣста. Такъ бывасть. Мать. Ц. 1 р. 25 к.

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Маревъ. Ц. 1 р. 25 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Крачковскій.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Весна въ Москвѣ. Ледяныя сосульки. Жемчужное ожерелье. Тайна. Розовое перо. (*Печатается*).

Иванъ Рукавишниковъ.

АРКАДЬЕВКА (Романъ). *Печатается.*

РАЗСКАЗЫ. Когда пали стѣны храма. Анна. Эврика. Карма. Я, ты, онъ. Романъ въ Крыму и др. (*Подготавливается къ печати*).

В. В. Брусянинъ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка (*Печатается*).

Л Ю Б О В Ъ

въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка.

Письма собраны и переведены Анастасіей Чеботаревской. Предисловіе Федора Сологуба. Обложка С. Ю. Судейкина. Заставки С. Ю. Судейкина и Н. К. Калманова.

Въ собраніе вошли письма: Бодлера, Байрона, Бальзака, Бетховена, Бѣлинскаго, Берне, Вагнера, Вольтера, Гамбетты, Гарибальди, Гейне, Гёте, Грибоѣдова, Гюго, Герцена, Державина, Екатерины II, Ж. Зандъ, Жуковского, Ибсена, Клейста, Лас-салья, Ланкло, Ленау, Мирабо, Мюссе, Эдгара По, Наполеона I, Огарева, Пушкина, Потемкина, Г-жи Роланъ, Г-жи Сталь, Вл. Соловьева, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фихте, Флобера, Чернышевскаго, Шатобриана, Шиллера, Шумана, Эртеля и др.

Р. Киплингъ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ Н. П. А. подъ ред. И. Бунина.

СОДЕРЖАНИЕ:

Книга первая. Возвращеніе Имрѣя.—Могила предка.—Мостостроители.—На годѣ.—Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло рядового.—Среди отверженных.—Лиспетъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы трое—одно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области.—Въ лѣсу.—Молодые сатрапы.—Въ проходѣ.—Пиратъ съ маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность орангутанга.—Ви Вилли Винки.—Бывшій человѣкъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.—„Любовь женщинъ“.—Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Обложки работы И. Я. Билибина. Цѣна каждого тома 1 р. 50 коп.

Редьярдъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждого новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано присужденіемъ въ 1908 г. Р. Киплингу, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается исключительно только тою сказочною для европейца стороной природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти только и затрагивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной, и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной англо-индійской жизни онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью, съ другой, изобразилъ онъ и типы соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Печатается книга третья. Подготавливается къ печати книга четвертая.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Ж. Ж. НОВЕРРЪ.

Письма объ изобразительныхъ искусствахъ вообще и о танцѣ въ частности.

Переводъ, предисловіе и примѣчанія М. Ликиардопуло.

Новерръ—знаменитый бетмейстеръ XVIII-го вѣка, прозванный „Шекспиромъ танца“. Чрезвычайно видное сочиненіе его, переводъ котораго впервые предлагается русскимъ читателямъ, давно признано и оцѣнено всѣми изучающими и интересующимися не только танцемъ, но и изобразительными искусствами вообще, какъ одно изъ классическихъ сочиненій по эстетикѣ театра. Свыше 150 лѣтъ тому назадъ Новерръ требовалъ отъ исполненія балета и оперы осмысленности и логичности, отъ актера—переживанія и „воплощенія“ въ игрѣ, т.-е. тѣ качества, за которыя въ наши дни борются передовые дѣятели сцены.

Вотъ, что писалъ Новерру Вольтеръ по поводу его книги: „Я прочелъ ваше гениальное сочиненіе... заглавіе его говорить только о танцѣ, но вы озаряете яркимъ свѣтомъ всѣ искусства... вашъ стиль столь же краснорѣчивъ, какъ балеты ваши вдохновенны...“

Изящное изданіе съ портретомъ автора и др. иллюстраціями.

Эльза Иерузалемъ.

КРАСНЫЙ ДОМЪ. Романъ въ двухъ томахъ. Переводъ подъ редакціей Я. Бермана. Обложка А. М. Ариштама. Цѣна за оба тома 1 р. 75 к.

Анри Бернштейнъ.

ИЗРАИЛЬ. Драма въ 3-хъ актахъ. Переводъ Н. П. Корелиной, съ предисловіемъ Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

Томасъ Маннъ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. Романъ. Переводъ подъ редакціей Г. А. Рачинскаго. Ц. 1 р. 50 к.

КРУШЕНІЕ СЕМЬИ (Будденброки). Романъ, ч. I. Переводъ Ю. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.

К. Марксъ.

КАПИТАЛЪ.

Первый полный переводъ подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Общая редакція А. Богданова.

Томъ I (съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей ко всѣмъ тремъ томамъ)	Цѣна 2 р. 75 к.
„ II	2 „ 50 „
„ III, часть I	1 „ 75 „
„ III „ II	1 „ 75 „

Въ трехъ изящныхъ полукожаныхъ переплеткахъ 11 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

„... но и въ 1905 г. второй и третій томы „Капитала“ существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая—она. Пробѣль этотъ взялись восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ, и И. Степановъ... Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ... Я не свѣрялъ всѣ 1300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣстъ, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ—вполнѣ серьезное научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полной добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая—она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаютъ, правда, неточности, но все это мелочи, неизбежныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ „Капитала“, и не искажающія коренныхъ теоремъ автора). А переводъ Николая—она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе“...

А. Изгоевъ („Русская Мысль“, августъ 1908 г...

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ „Московское Книгоиздательство“ имѣтъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

ВСЕ ИЗДАНИЕ СОСТАВИТЬ 15 ТОМ., ВЪ КОТОРЫЕ ВОЙДУТЪ СЛѢД. СОЧИНЕНІЯ:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—„Введеніе въ науку о дитяти“. Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся краткія указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колодца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ее подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ее возникновеніе и развитіе, опредѣлить ее роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—„Игра въ исторіи педагогики“—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Перс. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели.

Терминъ „моральный“ берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе „нравственный“, и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, ревности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбію и пр.

М. О'Ши. Роль активности въ жизни ребенка.

Возстаивая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто „знаніямъ“, авторъ стремится показать, что большее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное „дѣланіе“. Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберленъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ).

Подобно Болдуину, и Чемберленъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. (Въ двухъ томахъ).

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

С. Холль. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ.

С. Холль—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холль самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ) и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ, когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительную. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. (Въ двухъ томахъ).

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдингга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествовавшей своей работы, старается показать, какъ складывается въ ребенкѣ „соціальное существо“, благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научною цѣнностью приобретаетъ также большое практическое значеніе.

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

С. Холль. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознвая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ специально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинается формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холль настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р. **Д. А. Колодца.** Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к. **Б. Перз.** Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к. **О'Ши.** Роль активности въ жизни ребенка. Ц. 1 р. 50 к. **А. Чемберленъ.** Дитя. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 50 к. **А. Чемберленъ.** Дитя. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Ч. 1-я. **Д. Болдуинъ.** Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к. **С. Холль.** Сборникъ статей по педологіи и педагогикѣ. Ц. 2 р. 50 к. **Б. Перз.** Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ социологической и этической точки зрѣнія.

Принимается подписка.

Подписная цѣна за 15 томовъ—22 р. 50 к. Въ изящныхъ каленкоровыхъ переплетахъ—31 р.

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе въ переплетахъ—задатокъ 1 р. и при полученіи каждаго—тома, по 2 р.; безъ переплетовъ—задатокъ 1 р. 50 к. и при полученіи каждаго—тома, по 1 р. 60 к. Доставка и пересылка за счетъ издательства.

В. Иерузалемъ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей прив.-доц. Моск. унив.
Д. В. Викторова.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Русская научно-популярная литература богата пособиями по психологии, оригинальными и переводными, рассчитанными на читателей различной подготовки. Если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся предложить вниманію преподавателей философской пропедевтики переводъ новаго учебника, то это оправдывается выдающимися достоинствами, присущими пропедевтическому курсу проф. В. Иерузалема.

Первое изданіе этого учебника вышло въ оригиналѣ въ 1888 году. Появленіе третьяго, заново переработаннаго изданія было отмѣчено очень сочувственно въ специальномъ психологическомъ органѣ *Zeitschrift für Psychologie* (кн. 32); четвертое изданіе одобрено австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и въ настоящее время принято во многихъ австрійскихъ гимназіяхъ.

Авторъ не примыкаетъ односторонне къ какой-нибудь психологической школѣ. Въ основу своего изложенія онъ кладетъ лучшіе курсы признанныхъ авторитетовъ психологии и многочисленныя монографіи, стремясь использовать болѣе или менѣе равномерно всѣ источники психологическихъ знаній. Отправляясь отъ показаній самонаблюденій, онъ приводитъ данныя фізіологической экспериментальной психологии, психопатологии, сравнительной психологии и лингвистики. Отвлеченныя положенія поясняются многими наглядными примѣрами изъ классиковъ міровой литературы. Разсматривая психологию, какъ опытную науку, авторъ знакомитъ съ элементарными законами душевной жизни и поступаетъ совершенно правильно въ педагогическомъ отношеніи, не входя въ обсужденіе сложныхъ метафизическихъ проблемъ. Изложеніе отличается ясностью и простотой.

И въ научномъ и въ дидактическомъ отношеніи учебникъ проф. В. Иерузалема могъ бы служить и, дѣйствительно, послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ учебниковъ философской пропедевтики. Мы позволимъ себѣ высказать надежду, что предлагаемое нами руководство найдетъ себѣ доступъ въ нашу школу и будетъ содѣйствовать освѣженію и углубленію преподаванія философской пропедевтики.

Стр. VII-300.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ

В. ИЕРУЗАЛЕМЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

Переводъ подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова.

ПЕЧАТАЕТСЯ

В. Ф. БАРРЕТЬ.

ТАИНСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПСИХИКИ.

Перев. съ англ. подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова.